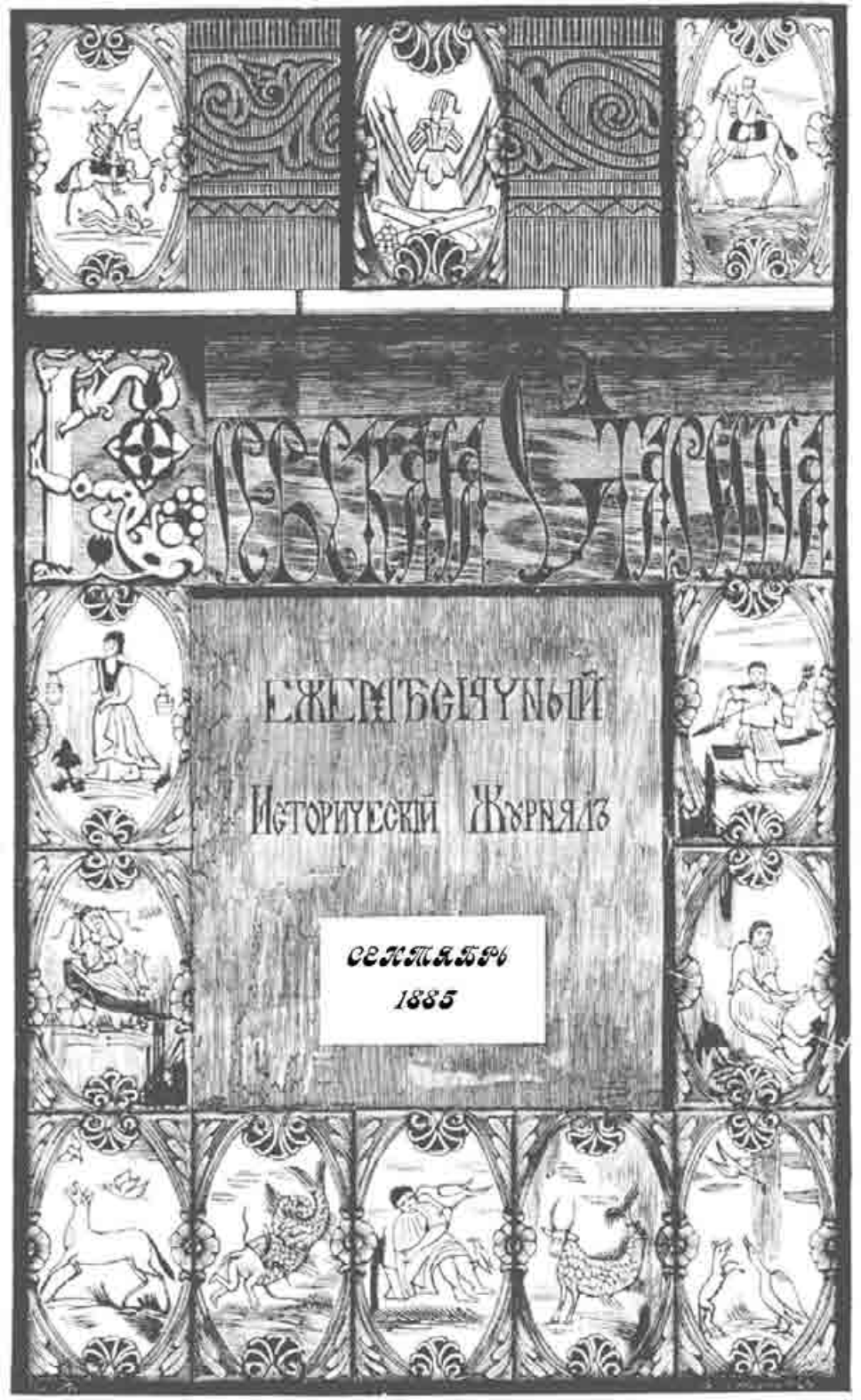
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Сентябрь
1885

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XIII. 1885 г.

Сентябрь, 1885 г.

стр.

I. КЪ ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИСІИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЭКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ. **Дмитрія Багалѣя** 1

II. ДАРЪ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ И НАШИ ПЕРВОУЧИТЕЛИ. (Посвящено памяти И. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянскаго общества 13 мая 1885 г.). **Ор. Миллера** 31

III. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653.—(Историко-біографическій очеркъ) 51

IV. МАЛОРУССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ И МІОНЧЕСКОЕ ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ. **С. Брайловскаго** 73

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго.** 85

VI. ДВѢ ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Е. Ѳ. ФОНЪ-БРАДКЕ, СОСТАВЛЕННЫЯ ПО ОБРЕВИЗОВАНІИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1850—1851 ГГ. 128

VII. ГРАМОТА ПАТРІАРХА АДРІАНА КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ВАРЛААМУ ЯСИНСКОМУ. (По жалобѣ кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя нѣкоторыя распоряженія митрополита). 139

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 47. С.-Петербургъ. 1885 г.—*П. Каманина.*—б) А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 года). Спб. 1885 г.—*П. Каманина.*—в) П. А. Кулишъ. Байда, князь Вишневецкій, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ. 1885 г. *А. Степовича* 145

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ.—*К. Василенка.*—б) Стефанъ Яворскій въ двойной роли хва-

стр.

лителя и обличителя Мазепы.—Сообщ. *В. Науменко.*—в) Шуточные стихи начала прошлаго вѣка.—Сообщ. *В. Науменко.*—г) По поводу возстановленія кіево-межигорскаго монастыря, нѣсколько свѣдѣній къ его исторіи.—*Ал. Андріевскаго.*—д) Брошенный изъ-за угла камень.—*П. Кулиша.*—е) Пѣсня на князя Доминика Заславскаго.—Сообщ. *И. С.*—ж) Изъ народныхъ разсказовъ о велитняхъ и пятницѣ).—з) Народная пѣсня о Шевченкѣ.—Сообщ. *Мих. Васильевъ.* 159

X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728 — 1753 г.) *(Продолженіе)* . . . . . 193—208

Октябрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. КОННЫЕ СУДЫ ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАЙНѢ. **Александры Е.** 108

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе)* 204

III. ДВѢ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ НѢСНИ И ПО ПОВОДУ ИХЪ. **Бориса Познанскаго** 220

IV. ИВАНЪ ПОДКОВА. Историческій разсказъ.—(Переводъ съ польскаго) 243

V. НѢСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРІИ ГАЙДАМАЧИНЫ. **А. Скальковскаго** 277

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—1884 г.—*И. Каманина.*—б) А. А. Матвѣевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи. Одесса. 1884 года.—*И. Каманина.*—в) Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.—*К. Цыбульскаго.*—г) Александръ Андріевскій.—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 9-й. Кіевъ. 1885 г.—*К. Л.* 319

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Историческіе матеріалы архива полтавской казенной палаты.—*Л. Падалки.*—б) Любопытныя рукописи одной частной библіотеки.—Сообщ. *А. А. Синицкій.*—в) Двадцатипятилѣтіе Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.—*В. Истребова.*—г) Изъ народныхъ преданій о запорожцахъ.—*И. П. Новицкаго.*—Изъ народныхъ разсказовъ въ Новороссіи.—д) Письмо Августа II, короля польскаго, къ Семену Палію.—Сообщ. *С—ко.*—е) Воспрещеніе гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на «ралець».—ж) Изъ письма въ редакцію (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной

стр

живописи въ лебединскомъ монастырѣ).—*Мих. Васильева.*—з) Какъ разсудилъ панъ староста Каневскій—*Б. П.* 333

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 209—224

Ноябрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. СТАРѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ. **П. Кузьмичевскаго.** 371

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.— (Историко-біографическій очеркъ). *(Продолженіе).* **И. Новицкаго** . . . 408

III. АВТОБІОГРАФІЯ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ «НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ». 431

IV. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 Г. **Б. Познанскаго.** 436

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Окончаніе).* **И. Левицкаго** 466

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Л. В. Ильяшевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—б) Великорусскій и малорусскій языки. Изъ чтеній д-ра Карла Абеля въ оксфордскомъ университетѣ по сравнительной лексикографіи. Перевелъ съ англицкаго Рудольфъ Диличъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885 г.—*Н. Дашкевича*—в) Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житоміръ. 1885 г.—*П. Голубовскаго* 520

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ народныхъ преданій о Гетманщинѣ, Запорожьѣ и Черноморьѣ.—Сообщ. *Порфирій Мартыновичъ.*—б) Письмо къ другу отъ офицера, находящагося въ Кіевѣ.—Сообщ. *В. П. Ястребовъ.*—в) Старинныя орудія наказанія и исправленія.—*Ив. Новицкаго.*—г) Два слова о панѣ Каневскомъ. *Его же.*—д) Запрещеніе купальскихъ огней.—*П. Е.*—е) Вольныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст.—Сообщ. *П. Шеболдаевъ.*—ж) Годичное собраніе общества пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г.—з) Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита.—*К. Цыбульскаго.* 535

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.). *(Продолженіе).* . . . . . 225—240

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

стр.

Декабрь, 1885 г.

Объявленіе объ изданіи журнала «Кіевская Старина» на 1886 г.

I. ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 Г. *(Окончаніе).* **Бориса Познанскаго.** 571

II. АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ. 1580 (?)—1653 г.—(Историко-біографическій очеркъ). *(Окончаніе).* **Ив. Новицкаго.** . . . 612

III. ЕВРОПЕЙСКІЙ БАНТИЗМЪ — РОДОНАЧАЛЬНИКЪ МАЛОРУССКОЙ ШТУНДЫ 638

IV. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІИ. *(Окончаніе).* **К. М.** 651

V. НОВѢСТЬ ОБЪ ОСАДѢ Г. МИХАЙЛОВА ГЕТМАНОМЪ САГАЙДАЧНЫМЪ ВЪ 1618 Г. 684

VI. ДВА ПИСЬМА ИСТОРИКА Н. А. МАРКЕВИЧА О СВОЕМЪ РОДОНАЧАЛЬНИКѢ МАРКѢ АВРАМОВИЧѢ. Сооб. **Петръ Дорошенко.** . . 689

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Малорусскія литературныя новинки 1885 года.—*W.*—б) Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст., И. Шляпкина (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1885 г., октябрь).—*И. С.*—в) Историческое значеніе базиліанскаго ордена въ Галиціи и его настоящія отношенія.—*Ѳ. И.*—г) Холмскій народный календарь на 1886 годъ. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства. Кіевъ. 1885 г.—*И. Каманина.* 699

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мазепа-князь и его шляхетскій и княжескій гербы.—Князя *А. В. Дабижи.*—б) Эпизодъ изъ жизни Т. Г. Шевченка.—*С—ка.*—в) Въ запорожскомъ захолустьѣ.—*В. Ястребова.*—г) Знахарство, шептанье и заговоры.—*И. Иванова.*—д) Городничій и св. Пятница.—*Н. Бакая.*—е) Мицкевичъ въ малорусскихъ передѣлкахъ и переводахъ.—*И. Новицкаго.*—ж) Французъ-путешественникъ на Украйнѣ.—*В. Г—ка.*—з) Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. *(Некрологъ).*—и) Гайдамацкая пѣсня.—*В. Ястребова* 715

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728–1753 г.) *(Продолженіе).* 241–256

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

СЕНТЯБРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КЪ ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИСІИ

ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЭКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

Въ исторіи внутренняго развитія нашего государства 1767-й годъ отмѣченъ одною изъ самыхъ смѣлыхъ по времени и широко задуманныхъ правительственныхъ мѣръ,—созывомъ со всѣхъ концевъ Имперіи выборныхъ депутатовъ, для составленія проэкта Новаго Уложенія, которое соотвѣтствовало-бы потребностямъ гражданскаго строя разнороднаго населенія государства. Какъ извѣстно, мысль о созывѣ депутатовъ и Новомъ Уложеніи принадлежитъ самой императрицѣ Екатеринѣ II. Сборнымъ пунктомъ для депутатовъ первоначально назначена была Москва. Всѣ губерніи, уѣзды и города, всѣ правительственныя учрежденія и мѣста, всѣ сословія должны были прислать сюда своихъ депутатовъ; депутаты призывались отъ дворянства и духовенства, отъ купечества и мѣщанъ, отъ однодворцевъ, отъ податныхъ солдатъ и служилыхъ людей, отъ государственныхъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ, козацкихъ войскъ и всѣхъ некочующихъ племенъ и народовъ. Всѣ депутаты должны были представить *наказы*, т. е. записки объ общественыхъ нуждахъ и желательныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ. Депутатамъ усвоялось высокое значеніе, имъ присвоены были нѣкоторыя особыя права: они освобождались на всю жизнь отъ смертной казни и тѣлеснаго наказанія; ихъ имѣнія могли быть конфискованы только за долги; за преступленія противъ ихъ личности и собственности полагалось двойное наказаніе; сверхъ того они получали особые значки; имъ давалось также опредѣленное

жалованье. Самое избраніе въ депутаты обставлено было нѣкоторою торжественностью, названо «обрядомъ» и велось по особой инструкціи, которая, вмѣстѣ съ высочайшимъ манифестомъ о созывѣ депутатовъ, была отправлена во всѣ 20 тогдашнихъ губерній. Для сбора депутатовъ въ Москву назначенъ былъ полугодичный срокъ со дня обнародованія манифеста (14 декабря 1766 г.). 30-го іюля слѣдующаго года засѣданія коммисіи, образованной изъ депутатовъ, открылись въ Москвѣ; императрица вручила ей свой собственный наказъ, обрядъ управленія дѣйствіями коммисіи и генералъ прокурорскій наказъ; коммисія избрала для себя маршала и подраздѣлилась на нѣсколько частныхъ коммисій, дѣятельность которыхъ заключалась въ разборкѣ и обсужденіи депутатскихъ наказовъ и проэкта законовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго благоустройства. 18 февраля 1768 года коммисія была переведена въ Петербургъ и засѣданія ея продолжались съ прежнимъ характеромъ до 18 декабря 1768 года, когда, по случаю турецкой войны, большое собраніе было распущено и остались только частныя коммисіи.

Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ коммисія вела протоколы или дневныя записки своимъ засѣданіямъ, о правильности коихъ заботилась сама императрица. Теперь эти протоколы изданы императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ [1]), а вмѣстѣ съ ними начали издаваться и самые депутатскіе наказы [2]), которые вообще имѣютъ едва-ли не большее значеніе, чѣмъ самыя дневныя записки, такъ какъ въ нихъ и въ разъясненіяхъ къ нимъ разбросана такая масса фактическихъ данныхъ, по которымъ историкъ можетъ воспроизвести теперь картину тогдашней жизни со всѣми мѣстными ея особенностями. Къ сожалѣнію доселѣ издана лишь незначительная часть этихъ наказовъ, и сохранились-ли они всѣ въ цѣлости и какъ скоро могутъ быть изданы, намъ неизвѣстно. Тѣмъ болѣе для меня побужденій къ изданнымъ уже матеріаламъ

---

[1]) Въ IV, VIII, XIV, XXXII и XXXVI томахъ его «Сборника»; первые три тома изданы подъ редакціей Полѣнова, остальные—проф. Сергѣевича.

[2]) Систематическое изданіе ихъ начато съ XLIII тома, гдѣ помѣщены наказы, данные присутственными мѣстами: но и въ прежнихъ томахъ они помѣщались въ приложеніяхъ.

присоединить нѣсколько новыхъ, заимствуемыхъ мною изъ двухъ большихъ дѣлъ харьковскаго губернскаго правленія. Матеріалы эти рисуютъ намъ какъ самые выборы въ коммисію, какъ они происходили въ губерніи слободско-украинской, недавно передъ тѣмъ образованной изъ Слободской Украйны, или слободскихъ полковъ, такъ и дальнѣйшую роль выбранныхъ здѣсь депутатовъ. Тутъ мы видимъ губернію въ сословіяхъ и лицахъ, видимъ, кто и каковы были избиратели, какъ собирались они по группамъ и мѣстамъ, какихъ качествъ депутатовъ и кого именно избирали, какими волновались заботами, какія дѣлали заявленія и какъ эти заявленія проводились и поддерживались выборными въ самой коммисіи. Все это имѣетъ, какъ мнѣ кажется, не только мѣстный, но и общій историческій интересъ. Начнемъ съ открытія выборовъ.

Покойный Полѣновъ, одинъ изъ редакторовъ по изданію матеріаловъ екатерининской коммисіи, разсказавъ намъ исторію депутатскихъ выборовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, замѣчаетъ: «въ другихъ городахъ, и можно сказать почти повсемѣстно, выборы происходили такимъ-же образомъ, какъ и въ столицахъ»[1]). Относительно общаго порядка это совершенно вѣрно: вездѣ выборы происходили по одной и той-же инструкціи; но провинція въ примѣненіи инструкціи даетъ много характерныхъ и въ бытовомъ отношеніи интересныхъ подробностей. Такъ было и въ новообразованной слободско-украинской губерніи. Вотъ какъ начались и производились здѣсь выборы.

Въ то памятное время харьковскимъ губернаторомъ былъ Щербининъ. На его имя присланы и отъ него разсылались экземпляры высочайшаго манифеста о коммисіи для составленія проэкта Новаго Уложенія. Отдѣльными учрежденіями въ Харьковѣ были тогда Коллегіумъ, Вотчинная Контора и Духовное Правленіе; они первые и получили манифестъ. Губернія дѣлилась тогда на 5 провинцій, а каждая провинція на извѣстное число комиссарствъ; въ каждую провинцію было отправлено по 150 экземпляровъ манифеста и «обряда» выборовъ, а въ харьковскія комиссарства по 50. Разсылка производилась съ нарочными, посредствомъ эстафетъ. Начальники провинцій, по тогдашнему

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. IV, стр. 23.

названію «правящіе воеводскую должность», разсылали манифестъ комиссарамъ, комиссары по мѣстечкамъ. Въ три слѣдующіе затѣмъ воскресные дня манифестъ читанъ былъ въ церквахъ и ратушахъ; дворянамъ дѣлалась особая честь, каждому изъ нихъ давалось по одному печатному экземпляру. По общему отъ губернатора наказу жители мѣстечекъ должны были прислать своихъ повѣренныхъ въ комиссарства для выбора уѣздныхъ повѣренныхъ къ 15 марта, уѣздные повѣренные явиться въ провинціальные города для выбора провинціальнаго депутата къ 18 марта, дворяне и земельные собственники, не положенные въ окладъ, съѣзжаться въ провинціальные города къ 18 марта, а жители города Харькова и остальныхъ четырехъ провинціальныхъ городовъ приступить къ выборамъ 26 марта. Въ Харьковѣ выборы производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самаго Щербинина, въ провинціяхъ подъ наблюденіемъ «правящихъ воеводскую должность», а въ комиссарствахъ подъ наблюденіемъ комиссаровъ. Заготовлялись списки избирателей, баллотировочные ящики, шары и т. п. Все населеніе пришло въ необычное движеніе; выборы не касались лишь «подданныхъ», т. е. владѣльческихъ и монастырскихъ крестьянъ. Дворяне и жители городовъ *непосредственно* выбирали изъ своей среды депутатовъ, войсковые обыватели предварительно должны были выбрать повѣренныхъ, которые уже изъ своей среды выбирали депутата. Права послѣднихъ были такимъ образомъ ограничены по сравненію съ дворянами и горожанами, и сдѣлано это было, по всей вѣроятности, для того, чтобы каждое изъ этихъ сословій выставило по равному числу депутатовъ: дворяне 5, горожане 5 и войсковые обыватели тоже 5, всего 15.

Приступили къ составленію списковъ избирателей, въ томъ числѣ и дворянъ; но тутъ на первыхъ-же порахъ встрѣтилось неожиданное недоумѣніе. Дворянъ въ точномъ смыслѣ этого слова въ слободско-украинской губерніи изъ природныхъ жителей не оказалось; были только владѣльцы населенныхъ и не населенныхъ мѣстностей, выходившіе изъ рядовъ полковой и сотенной старшины. Но наплылось не мало пришлыхъ людей, которыхъ нельзя было не признать настоящими дворянами; то были въ большей части великорусскіе и иностранные, военные и гражданскіе чины, владѣвшіе крупною поземельною собственностію на территоріи слободско-украинской гу-

берній, вмѣстѣ съ подданными и значительнымъ количествомъ настоящихъ крѣпостныхъ крестьянъ, большею частью переведенныхъ изъ сѣверныхъ губерній. Возникшее недоумѣніе разрѣшено, кажется, въ томъ смыслѣ, что обѣ означенныя группы землевладѣльцевъ соединились для выборовъ, но въ протоколахъ и на подписяхъ каждая шла подъ своимъ точнымъ названіемъ. Крупнѣйшими помѣщиками-дворянами оказались слѣдующіе: *въ харьковской* провинціи—графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, имѣвшій 1,206 душъ крестьянъ, полковникъ Матвѣй-Куликовскій 878, маіорша Шидловская 1,325, княгиня Кантемирова 643, дѣйствительная статская совѣтница Спичинская 2,131, отставной секундъ-маіоръ Щербининъ 1,858; *въ сумской*—отставной полковникъ Степанъ Кондратьевъ 5,958, отставной секундъ-маіоръ Анненковъ (по женѣ Кондратьевой) 5,071, отставной ротмистръ Савичъ 709, отставной сотникъ Василій Савичъ 1,631, бунчуковый товарищъ Иванъ Лизогубъ 708, поручикъ сумскаго гусарскаго полка Куколь-Яснопольскій 622, полковникъ графъ фонъ-Волькенштейнъ 652, бунчуковый товарищъ Василій Полуботокъ 1,523, князь Голицынъ 4,514, духовникъ ея величества Дубянскій 1,792, князь Шаховской 797; *въ ахтырской*—вдова маіорша Анна Надаржинская 1,315, полковникъ гусарскаго ахтырскаго полка Подгоричани 642, вдова поручица Осипова 791, подпоручикъ преображенскаго полка Коновницынъ 905, отставной премьеръ-маіоръ Абаза 809; *въ изюмской*—маіоръ Зарудневъ 854, поручикъ Даниловскій 622, Осипъ Сошальскій съ братьями 605, Краснокутская 1,283, Екатерина Шидловская, вдова маіора, 747, Настасія Захаржевская, вдова полковника, 2,614; *въ острогожской*—бригадиръ Степанъ Тевяшовъ 2,657, полковникъ Тевяшовъ 4,256, судья Ѳедоръ Татарчуковъ 961, капралъ Александръ Ерошевскій 847. Значительная часть этихъ крупныхъ владѣльцевъ и часть мелкихъ уклонилась отъ выборовъ; тѣмъ не менѣе количество съѣхавшихся было все таки значительно. Въ Харьковъ пріѣхало 52 человѣка, не явилось 35 человѣкъ, послѣдніе заявили, что полагаются при выборахъ во всемъ на своихъ товарищей.

Въ числѣ ихъ нужно отмѣтить такихъ важныхъ владѣльцевъ, какъ графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, графъ, генералъ-аншефъ Девіеръ, госпожа Дунинова, княгиня Софья Кантемирова, полковой обозный Иванъ Ковалевскій и нѣкоторые другіе. Изъ числа при-

бывшихъ 52 человѣкъ трое въ самомъ началѣ неизвѣстно куда улизнули; изъ нихъ сотникъ Голуховичъ и подпрапорный Краснокутскій вовсе не были разысканы, а подпрапорный Чернякъ, хотя и былъ разысканъ, но оказался пьянымъ, при началѣ выборовъ учинилъ замѣшательство и потому изъ собранія былъ выведенъ. Всѣ три изъ списковъ исключены. Оставшіеся затѣмъ приступили къ выбору изъ своей среды предводителя, и выборъ палъ на бывшаго харьковскаго полковника Матвѣя Куликовскаго. Вотъ что гласитъ объ этомъ дворянскій протоколъ. «По силѣ манифеста ея императорскаго величества отъ 14 декабря 1766 года, коимъ самодержавною ея властью повелѣно намъ нижеподписавшимся избрать въ коммисію о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія депутата и прислать его въ столицу ея императорскаго величества въ сенатъ, мы помѣщики-дворяне и старшины прежней козацкой службы и старшинскія дѣти, имѣющіе во владѣніи своемъ недвижимыя имѣнія въ харьковскомъ уѣздѣ, по присланному при томъ манифестѣ «*обряду*», въ знакъ нашего всеподданнѣйшаго послушанія, прежде всего выбрали предводителемъ дворянства, для лучшаго между собой порядка, изъ своихъ собратій, нами признаннаго по чистой совѣсти способнымъ къ сей должности, отъ арміи подполковника, бывшаго слободскимъ козацкимъ полковникомъ, Матвѣя Прокофьевича Куликовскаго, давая ему власть на два года на случай какихъ-либо повелѣній, которая верховная власть можетъ дать нашему обществу». Приступивъ въ слѣдъ за этимъ къ выбору депутата, собраніе избрало въ это званіе того-же Куликовскаго, а на мѣсто его предводителемъ былъ избранъ секундъ-маіоръ *Дунинъ*. Въ сумской провинціи предводителемъ выбранъ отставной секундъ-маіоръ Александръ *Анненковъ*, а депутатомъ отставной поручикъ Андрей *Кондратьевъ*, въ ахтырской предводителемъ отставной полковникъ Александръ *Ершовъ*, депутатомъ товарищъ правящаго воеводскую должность полковой обозный Василій *Боярскій;* въ изюмской предводителемъ отставной секундъ-маіоръ Ѳедоръ *Кирилловъ*, депутатомъ отставной секундъ-маіоръ Иванъ *Зарудневъ;* въ острогожской предводителемъ бригадиръ Степанъ Ивановичъ *Тевяшовъ*, депутатомъ полковникъ Степанъ Ивановичъ *Тевяшовъ*. Такимъ образомъ въ числѣ выбранныхъ оказалось четверо бывшихъ козацкихъ старшинъ и одинъ офицеръ регулярныхъ войскъ.

Одновременно почти происходили городскіе выборы. По спискамъ полиціи, въ Харьковѣ владѣвшихъ домами и занимавшихся торговлей, промысломъ и ремеслами жителей было 200; но на выборы явилась ровно половина, т. е. 100 человѣкъ; въ числѣ ихъ значительный процентъ составляютъ отставные сотники и подпрапорные расформированныхъ слободскихъ полковъ. Собравшимся предстояло выбрать городскаго голову для наблюденія за порядкомъ въ собраніи и депутата. Головою былъ избранъ отставной сотникъ Павелъ *Гуковскій*, а депутатомъ отставной-же сотникъ Илья Ивановичъ *Черкесъ*. Городскіе выборы шли безъ всякихъ затрудненій, даже безъ такого казуса, какой имѣлъ мѣсто на дворянскихъ выборахъ; но не такъ благополучно окончилось составленіе депутатскаго наказа. Когда наказъ былъ написанъ и подписанъ, нѣсколько горожанъ (пять отставныхъ сотниковъ, трое отставныхъ подпрапорныхъ и нѣкоторые другіе) подали губернатору Щербинину жалобу, въ которой заявляя, что наказъ, данный городскому депутату отставному сотнику Ильѣ Черкесу, они подписали подъ давленіемъ большинства «подлыхъ и безразсудныхъ» людей, которые внесли туда вовсе неподходящіе пункты, просятъ, чтобы онъ самъ разсмотрѣлъ этотъ наказъ и возвратилъ его для исправленія. Щербининъ возвратилъ наказъ съ приказаніемъ головѣ исключить изъ него нѣкоторые пункты, неприличные и вредные для губерніи, и въ другой наказъ уже не включать партикулярныхъ дѣлъ, которыя могутъ быть рѣшены судебными мѣстами.

Въ Сумахъ былъ избранъ депутатомъ войсковой обыватель Степанъ *Перекрестовъ*, въ Ахтыркѣ отставной каптенармусъ Иванъ *Дзюба*, въ Изюмѣ казенный обыватель *Иванъ Веприцкой*, въ Острогожскѣ сотникъ Дмитрій *Синельниковъ*. Такимъ образомъ представителями ремесленниковъ, купцовъ и промышленниковъ оказались 2 сотника, одинъ каптенармусъ и двое войсковыхъ обывателей, т. е. бывшихъ слободскихъ козаковъ, и ни одного настоящаго мѣщанина. Объясняется это отчасти естественною склонностію отдавать въ выборахъ предпочтеніе людямъ выше другихъ стоящимъ, такъ что въ Петербургѣ и Москвѣ выбирали въ это время исключительно знатныхъ персонъ [1]), отчасти отсутствіемъ въ городахъ бывшей

[1]) Авсѣенко, Малороссія въ 1767 году, стр. 12—24.

Слободской Украйны старожилаго мѣщанства, такъ какъ они недавно еще были полковыми городами и въ нихъ преобладающую группу населенія составляли козаки, теперь войсковые обыватели; торговлею занималась и бывшая козачая старшина, ремесленники-же были большею частію изъ людей пришлыхъ.

Классъ войсковыхъ обывателей, т. е. прежніе выборные козаки, ихъ дѣти, родственники, свойственники, подпомощники и подсусѣдки, представлялъ собою самую многочисленную группу населенія губерніи; но и онъ долженъ былъ дать изъ своей среды только 5 депутатовъ. Это были по большей части жители мѣстечекъ и выбирали они не депутатовъ, а только повѣренныхъ, которыхъ отсылали въ комиссарства, гдѣ происходили новые выборы повѣренныхъ и только изъ ихъ среды уже въ провинціальныхъ городахъ выбирали уѣздныхъ депутатовъ. Выборы повѣренныхъ въ мѣстечкахъ и слободахъ и депутатовъ въ комиссарствахъ прошли вообще совершенно спокойно, за исключеніемъ простодушнаго заявленія обывателей слободы Межиричъ, въ которомъ мѣстныя власти на первыхъ порахъ готовы были усмотрѣть чуть не открытый бунтъ. Дѣло происходило такимъ образомъ.

Манифестъ, «обрядъ» и инструкція о выборахъ, по полученіи ихъ въ *Межиричѣ*, были читаны здѣсь, какъ и вездѣ, три раза въ мѣстной церкви; войсковыхъ обывателей собралось до 400 человѣкъ. Все шло чинно, въ порядкѣ, выбрали и повѣреннаго—Демьяна Крамарева; но когда дошло до полномочій повѣренному, составленія наказа, заявленія общественныхъ нуждъ, то произошло нѣчто неожиданное: всѣ бывшіе въ сборѣ, исключая самаго незначительнаго числа, говорили одно, чтобы была у нихъ по прежнему козачья служба, а новоположенный окладъ былъ отмѣненъ, одинъ-же изъ обывателей, Яковъ Гринченко, громко сказалъ: «кто сей новый окладъ положилъ, тотъ чтобы пропалъ на вѣки»! Таковъ былъ наказъ обывателей ихъ повѣренному и никакого другаго составлять они не хотѣли! Не трудно понять, какъ межирицкіе обыватели додумались до такого заявленія. Такъ недавно они были еще козаками, несли почетную военную службу, жили вольно, управлялись и судились сами, не знали никакихъ податей и сборовъ, и вдругъ конецъ всему и подушный окладъ, отъ котораго не освобождались и вновь рождающіяся дѣти. Манифестъ призывалъ къ откровенному заявленію общественныхъ нуждъ; но какая другая могла сравниться съ этою?!

Такъ конечно разсуждали межирицкіе обыватели подъ вліяніемъ недавно произведенной радикальной перемѣны въ ихъ быту; имъ казалось, что стоитъ возстановить ихъ прежній козачій строй и всѣ общественныя ихъ непорядки, если они и были, устранятся сами собой. Начальствовавшій въ собраніи мѣстный комиссаръ, сотникъ Селеховскій собраніе закрылъ, Гринченка взялъ подъ караулъ и о случившемся донесъ правящему воеводскую должность Лосеву, а тотъ въ свою очередь поспѣшилъ донести губернатору Щербинину. Губернаторъ отдалъ приказъ объяснить межирицкимъ обывателямъ, что наказъ относится только къ ихъ общественнымъ неустройствамъ, что козачья служба уничтожена, а вмѣсто нея учреждены гусарскіе полки, по высочайшему повелѣнію, «для лучшей государственной пользы», что окладъ для нихъ положенъ и долженъ остаться въ своей силѣ, что всѣ нынѣшнія просьбы о возстановленіи козачьей службы останутся втунѣ, подобно тому, какъ оставлены безъ результата и прежнія, подававшіяся до конфирмаціи и признанныя безразсудными и прихотливыми, и что вносить теперь въ наказъ просьбу о возвращеніи козачьей службы значитъ дѣйствовать вопреки указу ея императорскаго величества. Высочайшій манифестъ, писалъ въ заключеніе губернаторъ, повелѣваетъ производить выборы «порядочно, съ учтивостью, тихостью, молчаніемъ». и приказалъ поименованныхъ въ донесеніи Лосева 15 межирицкихъ обывателей взять подъ караулъ и строго слѣдовать, по чьему наущенію они дозволили себѣ такое противодѣйствіе властямъ, а Гринченка заковать въ ручныя и ножныя кандалы и допросить особенно тщательно. Лосевъ, сдавъ свою должность прокурору Романову (за отсутствіемъ воеводскаго товарища), съ воинскою командою немедленно отправился на усмиреніе бунтовщиковъ. На дорогѣ онъ получилъ новое извѣстіе отъ того-же комиссара Селеховскаго, что межирицкіе обыватели, собравшись въ количествѣ 30 человѣкъ, явились въ комиссарское правленіе и съ крикомъ требовали освобожденія Гринченка. Это побудило Лосева прихватить еще болѣе военной команды и поспѣшить своимъ прибытіемъ въ Межиричъ. Изъ первыхъ расспросовъ Лосевъ заключилъ, что главнымъ виновникомъ случившагося былъ самъ комиссаръ Селеховскій. Онъ первый внушилъ межиричинамъ мысль просить, чтобы имъ дозволили по прежнему ввозить въ сумскую провинцію крымскую соль и не облагали дѣтей ихъ до

7 лѣтняго возраста подушнымъ окладомъ. Слыша это отъ своего комиссара, обыватели пошли дальше и стали толковать о томъ, чтобы по прежнему была козачья служба «Я, заявляетъ Лосевъ, въ своемъ донесеніи губернатору, растолковалъ имъ, что подушный окладъ клонится къ ихней-же пользѣ и тѣмъ усмирилъ волненіе, комиссара-же удалилъ отъ должности». Тѣмъ не менѣе Лосевъ остался съ командою въ Межиричѣ и продолжалъ слѣдствіе. Главный обвиняемый Гринченко объяснялся, что приписываемыя ему слова онъ сказалъ спьяна; другіе заявили, что положеннаго на нихъ оклада они платить не въ состояніи, такъ какъ его положено больше, чѣмъ слѣдуетъ по ихъ имуществу; приходившіе требовать освобожденія Гринченка показали, что они дѣйствительно приходили *просить* объ освобожденіи Гринченка изъ-подъ караула, но когда имъ въ этомъ отказали, то они мирно разошлись по домамъ. Сдѣлавъ лично допросъ обвиняемымъ, Лосевъ отправилъ ихъ для дальнѣйшаго дослѣдованія и рѣшенія въ сумскую провинціальную канцелярію.

Передопрошенные здѣсь подсудимые дали болѣе обстоятельныя, но въ сущности тѣ-же показанія. Гринченко показалъ, что всѣ единогласно выражали желаніе о возстановленіи козачьей службы, а было-ли при этомъ подстрекательство съ чьей либо стороны, онъ не знаетъ, что его лично никто не подстрекалъ и что о томъ, почему не давали наказа повѣренному, онъ также неизвѣстенъ, а приписываемыя ему слова говорилъ не по чьему либо наущенію, а по простотѣ своей, озлобившись, что на него положили при раскладкѣ гораздо больше податей, чѣмъ это слѣдовало по его имуществу; притомъ слова эти относились къ раскладчикамъ, а не къ кому либо другому. Другой подсудимый, Романъ Ильченко объяснялъ, что когда обыватели заявили Селеховскому о возстановленіи козачьей службы, то онъ, замѣтивъ, что это невозможно, совѣтовалъ просить объ освобожденіи дѣтей до 7 лѣтняго возраста изъ подушнаго оклада, о свободѣ винокуренія и о позволеніи попрежнему ввозить въ сумскую провинцію крымскую соль. По словамъ Ильченка, обыватели послѣ этого сказали: «пусть-же нашъ повѣренный ѣдетъ въ Сумы и сговорится съ другими повѣренными; на чемъ они порѣшатъ, на то и мы согласимся», и повѣренный дѣйствительно поѣхалъ было въ Сумы, но на дорогѣ встрѣтилъ двухъ межирицкихъ писарей, которые ему сообщили, что въ Сумахъ пока

еще никого нѣтъ, и потому возвратился назадъ. Самъ повѣренный Крамаревъ подтвердилъ это, но прибавилъ, что когда онъ вернулся въ слободу, то обыватели съ шумомъ требовали возвращенія козачины. Комиссаръ Селеховскій оправдывался, что не онъ внушилъ обывателямъ просить объ уничтоженіи подушнаго оклада съ дѣтей и о ввозѣ по прежнему крымской соли, а наоборотъ они первые ему высказали это. Остальные показывали разно: одни признавались въ томъ, что требовали возвращенія козачьей службы, другіе запирались.

На основаніи этихъ данныхъ сумская провинціальная канцелярія мнѣніемъ положила: въ виду простоты обвиняемыхъ и того обстоятельства, что возмущеніе ихъ не имѣло дальнѣйшихъ вредныхъ дѣйствій, ограничиться наказаніемъ 22 обвиняемыхъ плетьми, въ присутствіи всѣхъ жителей Межирича, такому-же наказанію подвергнуть и Якова Гриченка, а Селеховскому, уже отрѣшенному отъ должности, учинить еще «репримантъ» въ канцеляріи, и наконецъ со всѣхъ обвиненныхъ взыскать 3 р. 84 к. за прогоны гусарамъ, развозившимъ донесенія и приказы по этому дѣлу. Рѣшеніе это основывалось на 1-мъ и 18-мъ пунктахъ Соборнаго Уложенія, трактующихъ объ умыслѣ на государево здоровье и скопѣ и заговорѣ на Государя, и на другихъ позднѣйшихъ указахъ, чѣмъ объясняется и строгость приговора [1]).

Но когда это мнѣніе было представлено на благоусмотрѣніе губернской канцеляріи, то эта послѣдняя съ нимъ не согласилась. Она нашла, что несомнѣнныя улики были только противъ двухъ обвиняемыхъ—Гриченка и Вечѣрка, остальные-же дѣйствовали по своей простотѣ и потому рѣшила: засчитать послѣднимъ въ наказаніе время пребыванія ихъ подъ карауломъ, взыскавъ кромѣ того съ каждаго по 50 коп. штрафныхъ денегъ, Гриченка наказать плетьми, Вечѣрку высѣчь ботожьемъ и съ нихъ-же взыскать и прогонныя деньги, а Селеховскаго вовсе не подвергать наказанію и сверхъ того возвратить ему прежнюю должность.—Такъ окончилось дѣло, возникшее по поводу выборовъ повѣреннаго въ Межиричѣ и

[1]) Такимъ образомъ, въ Слободской Украйнѣ, дѣйствующимъ законодательнымъ памятникомъ было Соборное Уложеніе и послѣдующія статьи въ противоположность Малороссіи, гдѣ дѣйствовалъ Литовскій Статутъ.

получившее совершенно незаслуженно громкое имя «возмущенія обывателей слободы Межиричъ при выборѣ депутата».

Въ немъ случайно проглянула реакція противъ новыхъ измѣненій жизни слобожанъ, которыя въ теченіи предшествовавшихъ 4-хъ лѣтъ быстро слѣдовали одно за другимъ. Еще въ 1763 году реформировалъ слободскіе полки сенаторъ князь Шаховскій, теперь реформу дополнялъ лейбъ гвардіи секундъ-маіоръ Евдокимъ Щербининъ. На этотъ разъ реформа состояла въ окончательномъ упраздненіи прежней козачьей службы и козачьяго самоуправленія и замѣнѣ прежняго военнаго строя населенія общимъ гражданскимъ. Козацкіе слободскіе полки, числомъ пять, были уничтожены, вмѣсто ихъ учреждены регулярные гусарскіе полки, а на содержаніе послѣднихъ установленъ подушный окладъ съ бывшихъ козаковъ, обращенныхъ теперь въ податное состояніе, съ именемъ войсковыхъ обывателей: 95 коп. положено было взимать съ тѣхъ изъ нихъ, которые пользовались правомъ винокуренія, 85 съ непользующихся этимъ правомъ, и по 70 коп. съ владѣльческихъ подданныхъ, иначе посполитыхъ крестьянъ. Хотя раскладка новаго налога производилась самими-же обществами бывшихъ козаковъ; но съ одной стороны не легко было платить деньги за то, что отбывали они доселѣ самой службой, съ другой и справедливость соблюдалась не всегда, и окладъ невольно вызывалъ ропотъ и недовольство. Впрочемъ и помимо того не могло безслѣдно отойти въ вѣчность такое учрежденіе, которое имѣло за собою продолжительную традицію, которое проникало собою всю народную жизнь, опредѣляло собою всѣ общественныя отношенія. Новые порядки, вводимые по приказу, не могли не вызывать глухаго раздраженія въ народной массѣ; защитники старины выходили, какъ свидѣтельствуетъ манифестъ императрицы Екатерины II, изъ среды прежняго правящаго класса; въ межиричкомъ дѣлѣ реакція исходитъ, какъ мы видимъ, изъ среды прежняго рядоваго козачества.

Но обратимся къ разсказу о выборахъ въ другихъ мѣстахъ слободско-украинской губерніи. Повсюду они совершались вполнѣ спокойно, безъ малѣйшихъ затрудненій. Въ харьковской провинціи депутатомъ былъ избранъ козацкій обыватель ольшанскаго комиссарства *Прокопъ Гукъ*, въ ахтырской войсковой обыватель слободы Богодуховой *Михаилъ Бондыревъ*, въ сумской казенный обыватель суджанскаго комиссарскаго села Уланкова *Ѳедоръ Никифоровъ*, въ

изюмской казенный обыватель слободы Купянки *Семенъ Попадичевъ*, въ острогожской обыватель меловатскаго комиссарства слободы Калачей *Иванъ Водарской*. Съ депутатомъ харьковской провинціи вышелъ такой казусъ, что пришлось выбирать новаго депутата. Темная народная масса по своему понимала объявленную коммисію и выбираемыхъ въ нее депутатовъ: до пониманія общественныхъ, тѣмъ болѣе государственныхъ интересовъ ей было далеко, но у каждаго войсковаго обывателя были свои наболѣвшія мѣста, свои нужды, свои дѣлишки и ему казалось, что все можетъ устроить депутатъ, котораго нарочно требуютъ въ столицу къ самой царицѣ. Въ нѣкоторое самомнѣніе вдался и самъ депутатъ харьковской провинціи, Прокопъ Гукъ. Вскорѣ послѣ выборовъ на него послѣдовала жалоба со стороны ольшанскаго сотника Ковалевскаго, что онъ производитъ смуту, мѣшая полюбовному размежеванію между казенными обывателями и владѣльцами. Сотникъ прямо высказывалъ желаніе, чтобы Гукъ былъ отстраненъ отъ депутатскаго званія, ибо онъ «какъ мужикъ угрюмый и продерзкій, можетъ и въ коммисіи взблевать какого-либо мужицкаго яду». Гукъ, какъ видно, былъ себѣ на умѣ и пожелалъ воспользоваться выгодами своего положенія, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ, что, какъ депутатъ, онъ многое, если не все, можетъ сдѣлать. Пріѣхалъ онъ въ мѣстечко Золочевъ и взялъ съ жителей онаго себѣ на поѣздку въ Москву 5 рублей, другіе 5 рублей истребовалъ съ жителей села Удъ, а повѣреннымъ, выбраннымъ для межеванія земель, объявилъ, чтобы они не дѣлали развода до его возвращенія изъ Москвы. Когда, по доносу объ этомъ, ольшанскому комиссару приказано было произвести строгое слѣдствіе, Гукъ относительно послѣдняго обстоятельства отозвался лишь запамятованіемъ, чтоже касается денегъ, то въ полученіи ихъ и не думалъ запираться, объяснивъ лишь, что отнюдь не вымогалъ ихъ, а только говорилъ, что «ежели кто дастъ ему, въ томъ нужды нѣтъ». По словамъ Гука, на такое его обращеніе откликнулись жители многихъ селъ и слободъ, и кромѣ м. Золочева и села Удъ, онъ получилъ съ села Лопаки 2 рубля, съ села Деркачей 4 рубля, съ села Лозовой 1 рубль, съ мѣстечка Мерефы 5 рублей, съ села Островерховки 1 рубль 20 коп., съ села Тарановки 3 рубля, съ мѣстечка Соколова 1 рубль 50 коп., съ села Хорошева 2 рубля, съ села Безпо-

довки 3 рубля, съ села Хотомли 10 рублей, съ мѣстечка Салтова 3 рубля, съ села Волчьей 4 рубля, съ мѣстечка Перекопи 3 рубля, съ мѣстечка Валокъ 4 рубля, съ села Очульцовъ 3 рубля, съ села Люботина 2 рубля, съ Песочнаго 1 рубль, съ села Сипалицовки 1 рубль, съ села Гавриловки 1 рубль 50 коп., съ села Пересѣчнаго 2 рубля. Всего такимъ образомъ было собрано имъ 66 рублей 20 коп., что на наши деньги равняется по крайней мѣрѣ 300 руб. Все это Гукъ трактовалъ на слѣдствіи, какъ «добровольныя приношенія»; но приносители показали, что требуя денегъ, Гукъ говорилъ: *«а если не дадутъ ему денегъ, то дѣло ихъ спатыметъ»*. Недавній депутатъ былъ отрѣшенъ отъ депутатскаго званія и наказанъ плетьми при комиссарскомъ правленіи; деньги отъ него были отобраны, а на его мѣсто выбрали новаго депутата *Тимофея Капиноса*.

Такъ окончились выборы депутатовъ. Всѣхъ ихъ, какъ мы видимъ, было 15 человѣкъ: 7 старшинъ и дворянъ и 8 казенныхъ обывателей. Выбраннымъ депутатамъ вручены были: 1) прошенія объ общественныхъ нуждахъ и недостаткахъ, 2) наказы депутатамъ, съ прописаніемъ того-же прошенія и 3) уполномочія. На дорогу городскіе и обывательскіе депутаты получили прогоновъ на 2 лошади (на каждаго по 1 деньгѣ на версту); помимо того всѣмъ депутатамъ назначено было еще опредѣленное жалованье.

Послѣдуемъ теперь за харьковскими депутатами въ Москву и посмотримъ, какую роль они играли тамъ. Начнемъ съ депутатовъ-дворянъ.

Шляхетскіе депутаты принимали участіе и въ обсужденіи общихъ вопросовъ, но главное вниманіе ихъ было обращено на мѣстные вопросы, слишкомъ тѣсно связанные впрочемъ съ этими послѣдними. Изъ 5 дворянскихъ депутатовъ активное участіе въ коммисіи принимали четыре, о пятомъ-же, депутатѣ острогожской провинціи, ничего не сообщаютъ протоколы. Дѣятельнѣе всѣхъ оказался ахтырскій депутатъ Боярскій, и это, можетъ быть, потому, что онъ по должности своей (полковаго обознаго) хорошо былъ знакомъ съ мѣстными дѣлами. Инымъ представляется депутатъ изюмской провинціи, отставной секундъ-маіоръ Зарудневъ: ему принадлежитъ только мнѣніе по поводу проэкта о правахъ благородныхъ. Нако-

нецъ Кондратьевъ представилъ довольно обширную записку, касающуюся исключительно мѣстнаго вопроса о правѣ козацкихъ старшинъ владѣть крѣпостными. Записка Кондратьева была вызвана докладомъ депутата отъ козаковъ хоперской крѣпости Андрея Алейникова, который высказался въ пользу запрещенія купцамъ, приказнымъ и козацкимъ старшинамъ имѣть крѣпостныхъ; по его мнѣнію, слѣдовало-бы даже у старшинъ слободскихъ полковъ отнять и тѣхъ крестьянъ, коими они владѣли и отписать ихъ на ея императорское величество [1]). «На все это, говоритъ Кондратьевъ, я могъ-бы отвѣтить однимъ возраженіемъ, что депутатъ Алейниковъ говоритъ о томъ, чего уже нѣтъ; но для того, чтобы почтенное собраніе само удостовѣрилось, какъ депутатъ Алейниковъ мало знаетъ наши мѣстныя обстоятельства, я представлю, въ какомъ состояніи раньше была слободская губернія, какія и за что даны ей были права и преимущества, наконецъ какія учинены теперь перемѣны и какая отъ нихъ польза, какъ относительно всего государства, такъ въ особенности относительно самаго малороссійскаго края».

«Не прошло еще и двухъ столѣтій, какъ та страна, гдѣ нынѣ слободская губернія, была необитаемой и дикой пустыней; прилегая къ татарскимъ степямъ, причиняла она большее безпокойство великороссійскимъ границамъ, ибо кочевые татары, пробираясь чрезъ эти никѣмъ не охраняемыя пустыни, производили безпрепятственно свои набѣги внутрь Россіи. Блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ, обративъ заботы на заселеніе своей обширной державы, воспользовался представившимся ему случаемъ и призвалъ изъ заднѣпровскихъ, разоренныхъ подъ владѣніемъ польскимъ малороссійскихъ городовъ, вольныхъ людей, давъ имъ позволеніе производить занятіе земель и угодій по собственному ихъ усмотрѣнію. Остававшіеся въ тѣхъ разоренныхъ мѣстахъ жители, видя таковыя монаршія щедроты и усердствуя россійской имперіи, вышли изъ-за Днѣпра и населили эту колонію на самыхъ татарскихъ бродахъ и перелазахъ. Государь сей, по необъятной обшир-

[1]) Въ послѣдствіи, отвѣчая Кондратьеву, Алейниковъ болѣе подробно изложилъ свои во многихъ отношеніяхъ замѣчательныя мысли.—См. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 369—375.

ности тѣхъ пустыхъ степей, не положилъ никакого предѣла владѣніямъ этихъ новыхъ поселянъ. Поэтому всякій занялъ столько земли и угодій, сколько онъ, по своему разсужденію, находилъ нужнымъ. Такъ народъ этотъ, поселившись слободами и соединивши гражданское устройство съ военнымъ, получилъ названіе слободскихъ полковъ и вмѣсто жалованья получилъ, сверхъ безграничнаго владѣнія землею, свободу торговать всѣмъ безпошлинно и безоброчно. Получивъ столь великія щедроты, слободскіе полки служили россійской державѣ какъ вѣрные подданные, безъ малѣйшаго поползновенія. Въ доказательство сего я могъ-бы привести множество грамотъ, но достаточно будетъ указать на жалованную грамоту императрицы Елисаветы Петровны, данную въ 1743 году. Указомъ-же 1735 года старшинамъ у козаковъ и козакамъ у старшинъ продажа и залогъ земель со взятіемъ указныхъ пошлинъ навсегда были дозволены. Нынѣ славнодержавствующая наша монархиня, простирая попеченіе свое на всѣ части врученной ей отъ Бога имперіи, всемилостивѣйше восхотѣла привести и эти полки въ состояніе возможнаго совершенства, сдѣлавъ ихъ, по примѣру прочихъ своихъ славныхъ войскъ, регулярными. Между другими попеченіями о пользѣ селеній, она установила, чтобы каждый отнынѣ свой удѣлъ или заимку зналъ, козакамъ-же, которые, продавая свои участки, занимали новые (что нѣкоторые дѣлали по нѣсколько разъ и такимъ образомъ не обрабатывали земли, а торговали ею), такую торговлю запретить, а оставшеюся свободною землею удовлетворять новоприбывшихъ или многосемейныхъ козаковъ, а также безземельныхъ бывшихъ старшинъ. Для приведенія всего этого въ дѣйствіе учрежденъ особый вотчинный департаментъ».

«Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мнѣніе депутата Алейникова не согласуется ни съ прежними, ни съ новѣйшими постановленіями, на основаніи которыхъ заимочныя земли утверждены по размежеванію за ихъ владѣльцами въ вѣчное владѣніе. Что-же касается того, что будто-бы въ прежнія времена полковники бывшихъ козацкихъ полковъ, употребляя во зло свою власть, населяли на жалованныхъ козачьихъ земляхъ слободы вольными малороссіянами, то это едва-ли вѣроятно, потому что по всѣмъ жалованнымъ грамотамъ дозволено было дѣлать заимки во-первыхъ полковникамъ и старшинамъ, а потомъ уже ихъ потомкамъ; слѣ-

довательно, начальники ихъ, имѣя первое право занимать угодья, заняли столько, сколько имъ было потребно; впослѣдствіи-же нѣкоторыя земли пожалованы были имъ за вѣрныя и отличныя ихъ службы особыми, выданными имъ жалованными грамотами. Пріобрѣтенныя по этимъ грамотамъ и по заимкамъ земли были утверждены за ними указомъ 1734 года. Покупка-же старшинами крѣпостныхъ людей есть право, которое они, какъ природное шляхетство, имѣютъ по всѣмъ государственнымъ установленіямъ, да и по указамъ 1728 года покупка недвижимыхъ имѣній малороссіянамъ въ Великой Россіи, а великороссіянамъ въ Малой дозволена» [1]).

Эта записка чрезвычайно любопытна во многихъ отношеніяхъ. Въ ней изложена довольно отчетливо вся исторія происхожденія поземельной собственности въ Слободской Украйнѣ и въ основаніи своемъ эта исторія согласуется съ извѣстными намъ фактами. Несомнѣнно, что большинство поземельныхъ участковъ въ Слободской Украйнѣ *заимочнаго происхожденія* и что крупныя латифундіи возникли въ большинствѣ случаевъ путемъ такихъ-же заимокъ, какъ и мелкіе участки; но правы были, конечно, и тѣ, которые утверждали, что въ очень многихъ случаяхъ дѣйствовалъ здѣсь простой захватъ; имѣли основаніе жаловаться также и войсковые обыватели, окружныя земли которыхъ занимались старшиною и составили фондъ крупной поземельной собственности въ краѣ; но болѣе всего виноватъ былъ принципъ, легшій въ основу первоначальныхъ земельныхъ распорядковъ—принципъ *свободной заимки*, не могшій поставить никакой преграды возраставшему земельному неравенству и наоборотъ шедшій даже рука объ руку съ увеличивавшеюся все болѣе и болѣе сословною рознью.

Интересно, что вся аргументація Кондратьева направлена нѣсколько не по адресу его оппонента. Тотъ, какъ мы знаемъ, говорилъ исключительно о правѣ старшинъ владѣть крѣпостными людьми; Кондратьевъ-же объ этомъ не говоритъ почти ничего, ограничившись заявленіемъ, что это есть ихъ право, какъ благороднаго шляхетства. Но дѣло въ томъ, что дворянское достоинство бывшей старшины находилось еще, такъ сказать, подъ сомнѣніемъ: оно было

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 296—299.

окончательно утверждено только жалованною грамотою Екатерины 1785 года. Ничего не возражаетъ также Кондратьевъ еще на одинъ важный доводъ Алейникова,—что полковники и старшины, населивъ на козацкихъ земляхъ слободы и хутора, *причиняютъ народу большое отягощеніе.*

Въ защиту той-же шляхетской поземельной собственности выступилъ и ахтырскій депутатъ Боярскій, возражая на мнѣніе ахтырскаго городскаго депутата Дзюбы. Бѣгство, постоянные переходы козаковъ въ слободскихъ полкахъ происходили, по его мнѣнію, не отъ притѣсненія старшинъ, а изъ нежеланія нести службу ея императорскаго величества. «Уклоняясь отъ государственныхъ парядовъ, козаки, продавши или опустошивши свои заимки, поуходили въ подданство на слободы къ помѣщикамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они подговорили другихъ оставшихся и прельщали ихъ разсказами о шестилѣтнихъ и десятилѣтнихъ льготахъ, лѣсныхъ и другихъ, еще не обжитыхъ угодьяхъ, хуторахъ, мельницахъ, свободномъ винокуреніи и торговлѣ. Много было слѣдствій объ этихъ козацкихъ переходахъ, но старшина не была признана въ нихъ виновною».—«Уже въ мое время, продолжалъ далѣе Боярскій, въ царствованіе блаженной памяти государыни Елисаветы Петровны, тоже обвинена была въ этомъ слободская полковая старшина нѣкоторыми недоброжелательными людьми, такъ что была даже учреждена слѣдственная коммисія; но и тогда предсѣдательствовавшій въ ней генералъ-маіоръ Багрѣевъ не нашелъ за старшиною вины. И нынѣ учрежденная коммисія также не признала старшинъ виновными въ разореніи слободскихъ козаковъ, а усмотрѣла только нѣкоторые канцелярскіе непорядки».—«На этомъ, говорилъ Боярскій, я оканчиваю защиту слободской старшины; обращу только въ заключеніе вниманіе на непостоянство этого народа, который, оставивъ козаччину и поселившись у помѣщиковъ, не оставляетъ своей привычки и по прежнему странствуетъ отъ одного владѣльца къ другому, уходя изъ подданства не только многими семьями, но и цѣлыми деревнями, такъ что для удержанія его нужно употреблять цѣлыя команды. Но кромѣ этихъ лицъ есть много совершенно иныхъ; они съ начала поселенія живутъ на одномъ мѣстѣ, а многіе изъ нихъ и жизнь свою потеряли въ сраженіяхъ; потомки ихъ являются или штабъ и оберъ-офицерами и стар-

шинами, или-же простыми мѣщанами и гражданами со своими домами и выслуженными помѣстьями; и вотъ отъ сихъ-ли отобрать или (о сожалѣнія великаго!) и отъ церковныхъ служителей, а отдать бѣглецамъ?! О голосъ проразливый! Я на это долженъ былъ-бы отвѣчать господину депутату Дзюбину молчаніемъ, но къ возраженію меня обязываетъ наказъ». И ораторъ, приводя изъ него 9-й пунктъ межевой инструкціи для слободской губерніи, которымъ отъ всѣхъ требовалось укрѣпленія земельныхъ правъ крѣпостными документами, доказываетъ, что онъ не можетъ быть примѣняемъ къ бывшей полковой старшинѣ, такъ какъ она издавна покупала и продавала земли по партикулярнымъ письмамъ, которыя лишь съ 1734 года стали записываться въ крѣпостныя книги, между тѣмъ какъ эти частныя записи могли и вовсе не получаться, или теряться за отлучкою и смертью продавцовъ, вслѣдствіе пожаровъ и по незначительности земельныхъ участковъ. Ораторъ признаетъ, что многіе изъ бывшихъ старшинъ владѣютъ безъ крѣпостей участками, состоящими въ войсковыхъ округахъ, и тѣмъ не менѣе настаиваетъ на томъ, что необходимо оставить за ними и эти участки, дабы ихъ не присвоили себѣ, подъ видомъ общественныхъ, войсковые обыватели [1]).

Въ поясненіе этой рѣчи нужно прежде всего сказать, что на территоріи слободскихъ полковъ, кромѣ частной земельной собственности, принадлежавшей старшинѣ и простымъ козакамъ ея, были обширныя пространства земель общественныхъ, что теперь, съ низведеніемъ козаковъ въ податное состояніе, земли эти отмежевывались отъ земель частныхъ для распредѣленія ихъ между войсковыми обывателями и обложенія налогомъ и что въ интересахъ послѣднихъ было сохранить возможно большее количество общинной земли; съ другой стороны старшина издавна захватывала какъ общественныя, такъ и частныя земли рядовыхъ козаковъ, приневоливая ихъ къ уступкѣ или продажѣ за самую ничтожную цѣну и на это раздавались постоянныя жалобы во всей Слободской Украйнѣ, какъ и въ гетманщинѣ. Теперь бывшей старшинѣ и бывшему козачеству пришлось свести окончательно земельные счеты,

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, № 10, стр. 371—373.

ибо всѣ участки, на которые не было крѣпостей и которые не могли быть признаны личною собственностію, подлежали безповоротной отмежевкѣ къ общественнымъ землямъ такъ названныхъ теперь войсковыхъ обывателей. Вотъ почему дворянскіе депутаты выбиваются теперь изъ силъ, чтобы оставить за бывшею старшиною и тѣ земли, на которыя она не имѣла никакихъ документовъ и которыя пріобрѣла между прочимъ путемъ захвата и подневольной уступки за ничтожную цѣну. Депутатъ Боярскій, такъ патетически отстаивавшій земельныя права дворянства, въ большей части недавней полковой старшины, въ точности только исполнялъ данный ему наказъ отъ той-же старшины. Рѣчь его, по характеру своему, должна быть названа софистической. Въ самомъ дѣлѣ, неужели постоянные переходы козаковъ и посполитыхъ можно объяснять исключительно только привычкою ихъ къ странствованію и бродяжничеству? Патетическія фразы о томъ, будто требованіемъ крѣпостныхъ документовъ хотятъ отнять земли у заслуженныхъ *осѣдлыхъ* воиновъ и почетныхъ гражданъ и мѣщанъ и отдать ихъ «бѣглецамъ», т. е. переходившимъ съ мѣста на мѣсто козакамъ и посполитымъ, ослабляются тѣмъ, что притязаніе на эти земли изъявляли такіе-же *осѣдлые* войсковые обыватели, владѣвшіе землями новоучрежденныхъ военныхъ округовъ, жившіе своими домами и заботившіеся о построеніи церквей и надѣленіи ихъ землей; притомъ эти послѣдніе заявляли свои права на земли, лежавшія въ чертѣ ихъ давней заимки и попавшія теперь такимъ или инымъ путемъ во власть отдѣльныхъ лицъ изъ старшинскаго сословія. Совсѣмъ не правъ также Боярскій, когда заявляетъ, что коммисіи, назначенныя для изслѣдованія обидъ, наносимыхъ старшиной рядовымъ козакамъ, вполнѣ оправдали ихъ [1]). Вообще-же заявленныя въ коммисіи просьбы и домогательства харьковскихъ дворянскихъ депутатовъ по мѣстнымъ вопросамъ не возвышаются надъ чисто сословными ихъ интересами, которые очень часто расходятся съ интересами другихъ слоевъ общества. Въ такомъ-же духѣ составлены были, конечно, и ихъ наказы. Въ этомъ убѣждаетъ насъ наказъ ахтырскихъ дворянъ. Они просятъ о льготной покупкѣ соли, объ освобожденіи отъ починки мостовъ и гатей по проѣзжимъ трактамъ, о разрѣшеніи продажи вина

[1]) См., напримѣръ, Полное Собраніе законовъ, томъ XVII, № 12,356.

въ Великороссіи, объ облегченіи постойной повинности, о запрещеніи подданнымъ переходить съ мѣста на мѣсто безъ владѣльческихъ отпускныхъ билетовъ, объ утвержденіи за владѣльцами, не имѣющими крѣпостей, ихъ земель, объ ассигнованіи прибавочной казенной суммы на содержаніе шляхетскихъ дѣтей въ харьковскомъ коллегіумѣ и внесеніи всего этого въ законы. Въ ряду этихъ петицій выдаются въ особенности домогательства прикрѣпленія «подданныхъ» къ землѣ, о чемъ давно хлопотали харьковскіе дворяне, и закрѣпленія за дворянами и такихъ земель, на которыя они не имѣли крѣпостныхъ документовъ.

Посмотримъ теперь, какую роль играли харьковскіе дворянскіе депутаты въ коммисіи при обсужденіи общихъ вопросовъ. По нимъ высказывали свои мнѣнія Боярскій, Куликовскій и Зарудневъ. Одинъ изъ этихъ общихъ вопросовъ—о дворянскомъ достоинствѣ—имѣлъ прямое отношеніе къ мѣстнымъ интересамъ слободско-украинскаго дворянства. По этому-то вопросу Боярскій и представилъ особую записку, въ видѣ примѣчанія на 36 статью II-й главы проэкта о разборѣ государственныхъ родовъ. Въ этой статьѣ говорилось отдѣльно о благородныхъ и чиновныхъ людяхъ, причемъ вторые не признаются дворянами. «Съ самаго начала существованія слободскихъ полковъ, говорилъ Боярскій, многіе изъ переселенцевъ были пожалованы за вѣрную и радѣтельную службу генералами, бригадирами, стольниками, полковниками и другими чинами, а также награждены деревнями и землями; иные, служа въ драгунскомъ тысячномъ полку, дослужились до штабъ и оберъ офицерскихъ чиновъ; теперь, по учрежденіи гусарскихъ полковъ, многіе опять получили такіе-же чины. Кромѣ того многіе изъ великорусскихъ помѣщиковъ и иностранныхъ офицеровъ поженились на женахъ, дочеряхъ и внучкахъ этихъ лицъ, взявъ въ приданное деньги и другія владѣнія. Всѣ эти лица и съ самаго начала поселенія судились и судятся великороссійскими правами и земли свои, заимочныя и купленныя, продавали, закладывали, въ приданое или дѣтямъ въ наслѣдство отдавали, также точно, какъ и великорусскіе дворяне. Спрашивается, чѣмъ-же будутъ признаны всѣ эти лица—дворянами, чиновниками или офицерами? Въ указѣ блаженной памяти великаго государя Петра I отъ 24 января 1722 г. написано: «выслужившіеся въ оберъ офицеры суть дворяне, и дѣти, родившіяся отъ нихъ,

дворяне». Въ наказѣ ея императорскаго величества говорится: «военное искусство есть самый древнѣйшій способъ, коимъ достигали до дворянскаго достоинства». На этомъ основаніи всѣ, дослужившіеся до оберъ офицерскихъ чиновъ, въ томъ числѣ и потомки бывшихъ старшинъ, должны быть записаны въ дворяне [1]).

Такого-же мнѣнія былъ очевидно и Куликовскій, согласившійся съ подобнымъ мнѣніемъ депутата терскаго войска Никиты Миронова. Въ такомъ-же смыслѣ высказался и депутатъ изюмской провинціи Зарудневъ, съ тою только разницею, что въ своей аргументаціи онъ пользовался общими соображеніями и не прибѣгалъ къ примѣрамъ изъ жизни слободско-украинскаго дворянства. Напомнивъ объ указахъ Ѳеодора и Петра Алексѣевичей, дававшихъ дворянство за всякую службу, Зарудневъ велѣлъ за тѣмъ перешелъ къ опроверженію тѣхъ четырехъ возраженій, которыя высказывались въ собраніи противъ дарованія дворянскихъ правъ лицамъ, выслужившимся въ военной или гражданской службѣ. Вотъ его главныя положенія: 1) «государь Петръ не имѣлъ *нужды* въ военныхъ людяхъ, а жаловалъ дворянствомъ, въ качествѣ самодержавнаго монарха, по своей милости; 2) правда, что само дворянство охотно теперь вступаетъ на службу, но полезно тѣмъ не менѣе жаловать дворянскимъ достоинствомъ иностранцевъ и другихъ вольныхъ людей, такъ какъ дворяне по хозяйственнымъ своимъ обязанностямъ принуждены скоро выходить въ отставку; 3) военная служба въ арміи и во флотѣ очень тяжела, такъ что полученное такимъ образомъ дворянство пріобрѣтается не легко; штатская служба также необходима, полезна и не легка; 4) жалованье и чины не замѣняютъ дворянскаго достоинства, ибо они даются до тѣхъ поръ, пока кто въ состояніи служить, а на потомство не распространяются. Только благодаря пожалованію дворянства, прежнія нестройныя ополченія замѣнились петровской гвардіей, сухопутной арміей и артиллеріей» [2]). Вопросъ о томъ, кого признавать дворянами, былъ самымъ существеннымъ пунктомъ въ преніяхъ коммисіи и вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Неродовитое дворянство естественно стояло за такіе

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXVI, III, № 31, стр. 328—329.

[2]) Ibid., стр. 183—186.

мнѣнія, какія выражалъ Боярскій, Зарудневъ и много другихъ депутатовъ. Во главѣ противнаго лагеря стоялъ знаменитый депутатъ ярославскаго дворянства, князь Щербаковъ, который проводилъ, такъ сказать, идею родоваго дворянства и желалъ по возможности затруднить доступъ къ нему разнымъ служилымъ разночинцамъ.

Кромѣ этого жгучаго вопроса дворянскіе депутаты слободско-украинской губерніи высказывали устно и письменно свои мнѣнія по вопросамъ о словесномъ судѣ [1]) и векселяхъ [2]), а извѣстный уже депутатъ Боярскій выступилъ съ заявленіемъ объ уничтоженіи пытки [3]), основываясь въ этомъ случаѣ на словахъ самой императрицы, которая въ своемъ наказѣ говоритъ, что пытка есть вѣрное средство осудить невиннаго, не обладающаго крѣпкимъ сложеніемъ, и оправдать виновнаго.

Изъ городскихъ депутатовъ слободской губерніи дѣятельную роль въ коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія играли два депутата: харьковскій, сотникъ Черкесъ и ахтырскій, капитанармусъ Дзюбинъ или Дзюба. Но представителемъ собственно городскихъ или, вѣрнѣе сказать, купеческихъ интересовъ явился только сотникъ Черкесъ. Онъ былъ греческой націи и по всѣмъ признакамъ велъ обширную торговлю. Въ одномъ изъ засѣданій коммиссіи депутатъ отъ коммерцъ-коллегіи Меженіновъ предложилъ, чтобы заграничные товары доставлялись въ Россію исключительно только черезъ Балтійское море, при посредствѣ петербургскаго порта, такъ какъ теперь при провозѣ ихъ изъ Данцига, Кенигсберга и Бреславля черезъ Польшу берется очень много пошлинъ, которыя значительно возвышаютъ цѣну товаровъ [4]). Противъ этого-то мнѣнія выступилъ со своими возраженіями Черкесъ. Горячо и съ знаніемъ дѣла онъ доказывалъ необходимость сохраненія прежнихъ торговыхъ путей чрезъ Польшу и Крымъ въ Кіевъ, заявляя, что привозимыми въ этотъ городъ въ большомъ количествѣ товарами довольствуется вся Украйна и требуя только, чтобы путь изъ Крыма шелъ не чрезъ кремен-

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, приложеніе № 2, стр. 353—354.

[2]) Ibid., т. VIII, стр. 234 и 235.

[3]) Ibid., т. XXXII, стр. 65.

[4]) Ibid., т. VIII, стр. 50.

чугскую и переволочную таможни, а прямо ногайскою степью на одну изъ крѣпостей украинской линіи. Согласно съ первою половиною мнѣнія Черкеса высказались и депутаты: отъ города Нѣжина Костевичъ, отъ Кіева Гудима и отъ екатеринославской провинціи Бѣльченко, а къ ихъ мнѣнію присоединились почти всѣ малороссійскіе депутаты. Костевичъ заявилъ, что запрещеніе вести торгъ чрезъ пограничныя малороссійскія таможни убьетъ мелкую торговлю малороссійскихъ городовъ, между тѣмъ какъ пошлина на малороссійскихъ таможняхъ весьма умѣренна и берется не съ цѣны товаровъ, а съ возовъ, привозъ-же на малороссійскія таможни товаровъ происходитъ изъ многихъ европейскихъ и азіатскихъ земель. Но проэктъ новаго направленія крымскаго пути встрѣтилъ всеобщія возраженія. Дебаты Бѣльченка съ Черкесомъ выяснили, что первому не хотѣлось, чтобы новый путь отходилъ далеко отъ Нѣжина, а второму хотѣлось направить оный въ слободскіе полки [1]). Каждый своялъ за свое. Не удивительно, что запорожскіе депутаты, Головатый и Скопа, отстаивали прежнее направленіе крымскаго пути чрезъ Сѣчь, резонно возражая Черкесу, что никто не можетъ заставить ходить купцовъ на Кременчугъ и Переволочную, если они найдутъ этотъ путь неудобнымъ [2]). Заявленіями Черкеса собственно и исчерпывается сфера чисто городскихъ вопросовъ слободской губерніи и только косвенное отношеніе сюда имѣетъ рѣчь бахмутскаго депутата Селиванова, возставшаго противъ предложенія бѣлгородскаго депутата, чтобы живущимъ въ бѣлгородской губерніи малороссіянамъ, однодворцамъ и другимъ лицамъ, была дозволена торговля безъ записки ихъ въ купеческое званіе, въ виду ихъ безземельности и того, что мелкая торговля является для нихъ единственнымъ средствомъ пропитанія [3]). Селивановъ выяснилъ, что въ такомъ дозволеніи вовсе нѣтъ надобности, такъ какъ бѣлгородскіе малороссіяне имѣютъ собственные дома, нерѣдко мыловаренные и кожевенные заводы, и ведутъ обширную торговлю, хотя и называютъ себя подданными разныхъ знатныхъ особъ [4]).

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VII, стр. 76.
[2]) Ibid., стр. 87—88.
[3]) Ibid., стр. 88—89.
[4]) Ibid., стр. 183—186.
[5]) Ibid., 210—211.

Что касается заявленій другаго городскаго депутата Дзюбы, то они касались исключительно положенія въ губерніи войсковыхъ обывателей, т. е. бывшихъ слободскихъ козаковъ, которые являлись преобладающей группой населенія не только въ малыхъ, но и въ большихъ городахъ. Въ трехъ рѣчахъ Дзюбы рѣзко высказался тотъ антагонизмъ, который издавна существовалъ между простымъ козачествомъ и выдѣлившеюся изъ его рядовъ старшиною; теперь онъ нашелъ исходъ для себя въ преніяхъ коммиссіи. Какъ дворянскіе депутаты требовали, чтобы за бывшей полковою старшиною закрѣплены были земли, въ большей части захваченныя ею изъ общихъ и частныхъ козацкихъ земель, винили козаковъ въ бродяжничествѣ и домогались воспрещенія живущимъ на дворянскихъ земляхъ козакамъ и посполитымъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто, такъ Дзюба, становясь на защиту бывшихъ козаковъ, нынѣ войсковыхъ обывателей, обвиняетъ бывшую старшину въ присвоеніи земель козаковъ и обращеніи ихъ самихъ въ положеніе «подданныхъ». «Бѣгство козаковъ и посполитыхъ, говоритъ Дзюба, происходило и происходитъ отъ нестерпимыхъ обидъ и притѣсненій старшины, которая захватывала жалованныя козачьи земли, мельницы, сѣнные покосы, рощи и другія угодья, притѣсняетъ ихъ неуказными работами, большими поборами и напрасными побоями. На козачьихъ жалованныхъ земляхъ старшина и церковники устроили слободы, хутора и населили ихъ вольными козаками и посполитыми, съ которыми обращаются, какъ съ купленными крестьянами. Посему я предлагаю какъ старые, такъ и вновь населенные, въ противность жалованнымъ грамотамъ и указамъ, слободы и хутора отнять у старшины и церковниковъ и причислить къ владѣніямъ обществъ войсковыхъ обывателей, отъ чего въ службѣ ихъ произойдетъ приращеніе, а между ними наступитъ тишина и спокойствіе»[1]). Въ другой разъ Дзюба говорилъ подробно о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ въ ахтырской провинціи, доказывалъ, что они пріобрѣтены и заселены такими-же путями, какъ и старшинскія земли, по допущенію старшинъ,[2]) и требовалъ, чтобы всѣ они возвращены были прежнимъ ихъ владѣль-

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. т. XXXII, стр. 370—371.

[2]) Ibid., т. XXXVI, стр. 77.

цамъ, или просто бѣднымъ людямъ. Наконецъ въ послѣдней своей рѣчи тотъ-же депутатъ, настаивая еще съ большею силою на отнятіи у старшины неправильно пріобрѣтенныхъ ею земель, заявилъ, что справедливость требуетъ, чтобы тѣ изъ сыновей бывшей старшины, которые не пожелаютъ вступить въ службу, были положены въ подушный окладъ [1]).

Проэкты Дзюбы были крайне радикальны и не могли имѣть практическаго значенія. Дзюба мечталъ возвратомъ большей части крупной поземельной собственности прежнимъ мелкимъ ея владѣльцамъ возстановить древнее право на эти земли бывшихъ козацкихъ громадъ и разрубить такимъ путемъ тотъ гордіевъ узелъ, который тщетно пытались развязать бывшія прежде того разнаго рода коммисіи, въ одной изъ которыхъ въ качествѣ обвиняемыхъ должна была предстать едва не вся полковая старшина поголовно. У всѣхъ въ памяти было грандіозное слѣдствіе о мастностяхъ ахтырскаго полковника Перекрестова, ссылка его и обращеніе въ казну громаднѣйшихъ его пріобрѣтеній.

Войсковыя и козачія земли захватывала не одна полковая старшина, но и приливавшіе въ Слободскую Украйну великороссійскіе и иностранные, военные и гражданскіе чины. Крупная поземельная собственность дѣлала быстрые успѣхи, стѣсняя все болѣе и болѣе мелкую козачью. Но кромѣ экономическаго неравенства, бывшее рядовое козачество стѣснялось и неравенствомъ соціальнымъ, ибо для выдѣленія изъ среды его старшинскихъ дѣтей, кромѣ множества не нужныхъ должностей, была изобрѣтена новая должность подпрапорныхъ, соотвѣтствовавшая званію значковыхъ товарищей въ гетманщинѣ, а такими путями не только старшины, но и ихъ дѣти, переходили въ разрядъ дворянства.

Предложеніе Дзюбы хотѣло какъ-бы повернуть исторію назадъ; бывшее рядовое козачество устами его и другихъ депутатовъ стремилось исправить развившееся экономическое сословное неравенство; но было уже поздно. Радикальный проэктъ Дзюбы встрѣтилъ сочувствіе только среди однодворческихъ депутатовъ, которые высказали пожеланія, мало чѣмъ отъ него разнившіяся. Такъ, депутатъ сѣвской провинціи Петръ Гридинъ предлагалъ возвратить однодворцамъ

[1]) Ibid., приложеніе № 2, стр. 167—169.

тѣ земли, которыя были пріобрѣтены у нихъ вопреки запретительнымъ указамъ, а владѣльцамъ ихъ отвести вмѣсто того дачи изъ пустопорожнихъ государственныхъ земель [1]). Депутатъ хоперской крѣпости Алейниковъ предлагалъ, какъ мы уже знаемъ, отнять у старшинъ слободской губерніи ихъ подданныхъ и крестьянъ и запретить пріобрѣтать ихъ на будущее время. Но, кромѣ этихъ группъ, заявленія Дзюбы не могли встрѣтить сочувствія ни въ общественныхъ, ни тѣмъ болѣе въ правительственныхъ сферахъ; если одна часть дворянства (родовитая) и готова была противиться дарованію козацкой старшинѣ полныхъ дворянскихъ правъ, за то другая, достигшая его въ военной или гражданской службѣ, была вполнѣ на ея сторонѣ.

Перейдемъ наконецъ къ обывательскимъ депутатамъ. Изъ нихъ выдвинулось только двое: харьковскій Капиносъ и сумской Никифоровъ. Они представили два проэкта—о положеніи и правахъ войсковыхъ обывателей и о словесномъ судѣ.

Капиносъ, возражая на заявленіе дворянскаго депутата Бояркаго, что козаки переходили не отъ притѣсненій старшины, а съ цѣлью укрывательства отъ военной службы, говоритъ, что такое заявленіе вызвано желаніемъ оправдать своихъ собратій и укрѣпить такимъ путемъ земли, незаконно пріобрѣтенныя ими, ибо указы воспрещали старшинамъ покупать у подвластныхъ лицъ грунты, а они и сами совершали такія покупки и давали разрѣшеніе на это другимъ. «Въ виду сего, заключалъ Капиносъ, и я, въ согласіи съ депутатомъ Дзюбинымъ, признаю полезнымъ причислить эти земли къ обществамъ войсковыхъ обывателей [2]).

Въ такомъ-же смыслѣ, но еще болѣе опредѣленно высказался и Никифоровъ. Повторивъ извѣстную исторію поселенія слободскихъ полковъ и пожалованія въ общую и личную собственность козаковъ никѣмъ не занятыхъ земель для отбыванія военной службы, онъ переходитъ къ захватамъ и говоритъ, что «многіе помѣщики, живущіе въ сумскомъ полку, покупкою и разными происками пріобрѣли себѣ козачьи земли, а самихъ козаковъ обра-

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXVI, приложеніе № 1, стр. 163—166.

[2]) Ibid., т. XXXII, № 1, 14, стр. 381.

тили въ своихъ подданныхъ». Въ подтвержденіе послѣдняго Никифоръ указывалъ на случай въ мѣстечкѣ Пенѣ, обыватели котораго только по указу 1741 года, согласно ихъ жалобѣ, были опять приписаны къ козакамъ, по рѣшенію сената, прибавляя, что и въ настоящее время нѣкоторые владѣльцы покупаютъ козачьи грунты и обращаютъ себѣ въ подданство козаковъ. Для устраненія указаннаго зла Никифоровъ предлагалъ:

1) «Дабы впредь ни подъ какимъ видомъ въ сумской провинціи государственныхъ войсковыхъ слободъ въ подданство помѣщикамъ не обращать и обывательскихъ земель не покупать.

2) Исключить изъ подданства тѣхъ козаковъ и подпомощниковъ, которые живутъ и нынѣ на собственныхъ своихъ земляхъ, причислить ихъ къ обществамъ обывателей и обложить такимъ окладомъ, какой платятъ другіе, годныхъ-же брать въ гусары; такой-же окладъ положить на дѣтей разночинцевъ, пользующихся правами, равными съ правами войсковыхъ обывателей.

3) Войсковымъ обывателямъ дозволять во всей слободской украинской губерніи продавать и закладывать другъ другу собственныя свои заимочныя и купленныя земли по старинному обыкновенію» [1]).

Другая записка Никифорова касается вопроса о винокуреніи и продажѣ вина. «Въ двухъ, говоритъ онъ, уѣздахъ сумской провинціи, суджанскомъ и мирополькомъ, свободное винокуреніе, продажа вина и соли запрещены съ 1753 г. и съ того-же времени учреждены питейные дома и казенная продажа соли. Питейный сборъ теперь отданъ на откупъ орловскимъ купцамъ, которые заботятся не о казенномъ интересѣ, а о собственномъ обогащеніи; эти откупщики держатъ у себя по 30 и болѣе цѣловальниковъ, которые причиняютъ разныя обиды обывателямъ. Между тѣмъ въ слободѣ Юнаковкѣ, принадлежащей князю Голицыну, подданные его малороссіяне пользуются и свободнымъ винокуреніемъ и продажею вина и соли, въ явный ущербъ свободнымъ обывателямъ. Мало того: упомянутые откупщики останавливаютъ жителей названныхъ уѣздовъ, когда они по необходимости поѣдутъ въ эту

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, приложеніе № 70, стр. 527—531.

слободу для продажи хлѣба, задерживаютъ подъ предлогомъ розыска контрабаднаго вина и забираютъ все то, что при нихъ находятъ, нападаютъ на обывательскіе дома будто-бы для обыска вина и тѣмъ причиняютъ несносные обиды». Въ виду сказаннаго Никифоровъ просилъ отъ имени своихъ избирателей, чтобы на будущее время всѣмъ обывателямъ, уплотившимъ 95 коп. оклада, была подтверждена свобода курить вино зимою и лѣтомъ, при чемъ онъ цифрами доказывалъ выгодность такого установленія для казны.

Послѣднимъ вопросомъ, выдвинутымъ харьковскимъ обывательскимъ депутатомъ Капиносомъ, былъ вопросъ о словесномъ судѣ. Капиносъ предлагалъ производить разбирательство въ гражданскихъ дѣлахъ на сумму до 50 рублей словесно, съ записываніемъ рѣшеній въ журналъ не позже двухъ-недѣльнаго срока, письменный-же судъ давать только тѣмъ, которые будутъ недовольны рѣшеніемъ словеснаго; но если недовольный окажется виновнымъ и при письменномъ разбирательствѣ, то съ него брать двойную судебную пошлину [1]).

И такъ два представителя отъ войсковыхъ или, какъ теперь они стали называться, казенныхъ слободъ слободско-украинской губерніи энергически отстаивали свои насущные интересы. Въ особенности Никифоровъ обставлялъ свои *disiderata* серьезными данными. Сходясь въ основныхъ положеніяхъ съ Дзюбою, онъ былъ практичнѣе его; всѣ его предложенія были удобоисполнимы и, какъ кажется, дѣйствительно могли принести существенную пользу войсковымъ обывателямъ, прекративъ или по крайней мѣрѣ значительно ограничивъ *на будущее* время то обезземеленіе слободскихъ козаковъ, которое стало замѣчаться еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Предоставленіе льготъ по части свободнаго куренія и продажи вина и соли, конечно, отзывается исключительностью; но оно является совершенно естественнымъ для того времени, когда многое основывалось на частныхъ привилегіяхъ и изъятіяхъ. Вопросъ въ этомъ случаѣ шелъ о такой привилегіи, которая являлась чрезвычайно важной и почти необходимой въ хозяйственномъ быту. Вся та масса хлѣба, которая въ Малороссіи

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 140.

оставалась отъ потребленія, шла исключительно на винокуреніе и только въ такомъ видѣ имѣла сбытъ на торговыхъ рынкахъ. Правда, это винокуреніе имѣло свои невыгодныя стороны, между прочимъ уменьшеніе лѣсовъ; но и система казеннаго кабака и казенной соли имѣла еще болѣе невыгодъ и открывала широкій путь злоупотребленіямъ.

Мысль Капниноса объ учрежденіи словесныхъ судовъ заслуживаетъ также вниманія. Тогдашніе письменные суды съ ихъ безконечнымъ бумажнымъ производствомъ, съ замысловатымъ крючкотворствомъ доморощенныхъ ходатаевъ по дѣламъ, дѣйствительно должны были возбудить противъ себя неудовольствіе у всѣхъ тѣхъ, кому выпадало несчастіе имѣть съ ними дѣло. А кому не приходилось судиться въ тотъ вѣкъ, когда существовавшіе законы оказывались недостаточными для огражденія личности и собственности! Словесный судъ, если-бы не оказался «милостивымъ» или даже «правымъ», то былъ-бы по крайней мѣрѣ «скорымъ».

Вотъ все, что мы могли собрать о выборахъ слободско-украинскихъ депутатовъ въ Екатерининскую коммисію для составленія проэкта Новаго Уложенія и тѣхъ мнѣніяхъ и желаніяхъ, какія они высказали тамъ какъ по общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. Со временемъ мы надѣемся въ такомъ-же порядкѣ и видѣ изложить имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы о выборахъ и дѣятельности въ той-же коммисіи малороссійскихъ и запорожскихъ депутатовъ. Быть можетъ, наши свѣдѣнія и соображенія не лишними окажутся для будущаго историка Екатерининской коммисіи и онъ воспользуется ими для своего цѣльнаго и болѣе виднаго труда.

Дмитрій Багалѣй.

ДАРЪ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ и НАШИ ПЕРВОУЧИТЕЛИ.

(Посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянскаго общества 13 мая 1885 г.).

Давно-ли отпраздновали мы тысячелѣтнюю годовщину кончины св. Меѳодія, и вотъ мы уже опять собрались, какъ и каждогодно, праздновать память великихъ братьевъ—на этотъ разъ нѣсколько позже обыкновеннаго, вслѣдствіе совпаденія дня 11-го мая съ предшествующею празднику Пятьдесятницы номинальною субботою. Когда мы торжествовали 6-е апрѣля, церковь оглашалась радостными звуками пасхальныхъ пѣсенъ. Нынѣшнее наше торжество многознаменательно совпадаетъ съ «великимъ, какъ выражается церковь, и спасительнымъ днемъ, Пятьдесятницы праздникомъ». Мнѣ невольно припоминается проповѣдь, уже не мало лѣтъ тому назадъ произнесенная въ томъ-же Исаакіевскомъ соборѣ, гдѣ молились мы, по обыкновенію, и сегодня, нашимъ покойнымъ почетнымъ членомъ преосвященнымъ Хрисанѳомъ. День 11-го мая приходился тогда между Вознесеніемъ и Пятьдесятницей, и проповѣдникъ заранѣе указывалъ своимъ слушателямъ на ту церковную пѣснь, которую предстояло имъ вскорѣ услышать и которую мы уже слышали и вчера и сегодня: «*егда снисшедъ языки слія, раздѣляше языки Вышній, егда же огненніи языки раздаяше, въ соединеніе вся призва;—и согласно славимъ Всесвятаго Духа*». Проповѣдникъ налегалъ на то, что какъ раздѣленіе языковъ во времена языческаго нечестія привело человѣчество къ окончательному разъединенію, такъ тоже

самое множество языковъ, когда на всѣхъ этихъ языкахъ одинаково раздалось великое слово христіанскаго братства, послужило напротивъ того къ соединенію всѣхъ. Позже, изъ того, что запало мнѣ въ память сердца отъ слова покойнаго проповѣдника, стала слагаться въ моемъ воображеніи такая икона св. первоучителей: Кириллъ и Меѳодій съ очами, устремленными въ высь, а передъ ними—надъ ними, въ видѣніи, то, что совершилось тогда, въ десятый день по Вознесеніи Господа и о чемъ такъ обстоятельно говорится во вчерашнемъ и сегодняшнемъ Апостолѣ. Да будетъ позволено мнѣ напомнить и здѣсь его существенныя черты, приведя ихъ на томъ-же кирилло-меѳодіевскомъ языкѣ, который остается столь доступнымъ всѣмъ намъ, если мы не чужды церковнаго просвѣщенія:

«*И сіда скончавашася дніе пятдесятницы, бѣша вси Апостоли единодушно вкупѣ...*

«*И явишіася имъ раздѣлени языцы, яко огненни: сѣде же на единомъ коемъждо ихъ, и исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати...*

«*Бывшу же гласу сему, снидеся народъ и смятеся, яко же слышаху единъ кійждо ихъ своимъ языкомъ глаголющихъ ихъ. Дивляхуся же вси и чудяхуся, глаголюще другъ ко другу: не се ли вси сіи суть глаголющіи Галилеане; и како мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ, въ немъ же родихомся... слышимо глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія...*

«*Иніи же ругающеся глаголаху, яко вінома исполнени суть...*

Изъ того перечня сподобившихся св. дара народовъ, который приводится тутъ-же въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, совершенно ясно, что это не были только народы, пользующіеся или когда-то пользовавшіеся политическимъ могуществомъ, т. е. народы великіе, а собравшіеся со всѣхъ концовъ міра, всякаго рода народы. И хотя многіе изъ ихъ представителей поняли-бы, конечно, проповѣдь апостольскую и въ томъ случаѣ, если-бы она раздалась только на государственномъ языкѣ—римскомъ да на языкахъ двухъ разнородныхъ культурныхъ народовъ—грековъ и евреевъ, но Духъ святой проглаголалъ устами апостоловъ на *всѣхъ* языкахъ, такъ что не многіе только, но и *всѣ* безъ исключенія присутствующіе поняли *все*, и даже тотъ, кому былъ доступенъ тотъ или другой изъ первенствующихъ языковъ, могъ съ радостнымъ изумленіемъ замѣтить:

«Какъ это каждый изъ насъ слышитъ свое родное—тотъ языкъ, въ которомъ родился?» Но боговдохновенный повѣствователь замѣчаетъ при этомъ, что нѣкоторые напротивъ того стали глумиться, объ ясняя совершившееся чудо не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ опьяненія. Тутъ сказалась, конечно, та превозносящаяся низменность житейскихъ воззрѣній, для которой и самое содержаніе проповѣди евангельской есть только *юродство* или *буйство*. Не мало и въ наше просвѣщенное время такихъ политическихъ умниковъ, которымъ, если они захотятъ быть послѣдовательными, придется признать какою-то (это они кощунствуютъ, а не мы) сентиментальностью заботливость Верховной Премудрости о томъ, чтобы никто не былъ лишенъ отрады услышать благую вѣсть именно на томъ языкѣ, въ которомъ онъ родился, чтобы вѣсть эта могла такимъ образомъ проникнуть въ самую глубь его сердца, войти, такъ сказать, въ его плоть и кровь. И вотъ потому-то, что новое, дотолѣ неслыханное стало сразу для всѣхъ роднымъ и давно знакомымъ, сразу-же, по свидѣтельству св. повѣствователя, и крестилось тогда три тысячи—крестилось конечно такъ, что всѣ они въ самомъ дѣлѣ могли сказать: «елицы во Христа крестихомся, во Христа и облекохомся». Потому-то и оказалось возможнымъ то, о чемъ говорится далѣе въ Дѣяніяхъ апостольскихъ:

«*Вси же вѣровавшіи бяху вкупѣ и имяху вся обща. И стяжанія и имѣнія продаяху и раздаяху всѣмъ, его же аще кто требоваше* (Дѣянія ап., II, 44 и 45).

«*Елицы бо господіе сѣломъ или домовѣмъ бяху, продающе приношаху цѣны продаемыхъ и полагаху при ногахъ апостолъ, даяшеся же коемуждо, его же аще кто требоваше* (IV, 34 и 35).

Если же старая закваска житейская все-же сказывалась въ нѣкоторыхъ и вносила разладъ въ новый жизненный строй, то достаточно было одного обличительнаго слова, только одного слова—чтобы сразу опять пробудить въ возрожденномъ человѣкѣ его внутренняго судію и довести этого грознаго судію до убійственнаго самосуда.

«*Мужъ же нѣкій, Ананіа именемъ, съ Сапфирою женою своею, продаде село и утаи отъ цѣны... Рече же Петръ: «сущее тебѣ не твое ли бѣ, и проданое не въ твоей ли власти бяше... Не чело-*

вькомъ солгалъ еси, но Богу. Слышавъ же Ананія словесе сія, падъ издше: и бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ сія» (V, 1—5).

Дѣло именно въ томъ, что во власти каждаго было отдавать, или не отдавать, что тутъ и въ поминѣ не было никакого принудительнаго налога, такъ что всякая утайка была утайка у своей-же совѣсти, т. е. у того, кто въ ней пребываетъ и про кого не даромъ сказаны были и, позабытыя на минуту, опять возставали въ чуткомъ сознаніи первыхъ христіанъ предостерегающія слова: «страшно впасть въ руки Бога живаго!» Но сохраненіе въ христіанскомъ обществѣ такой чуткости сознанія съ ея карающимъ самосудомъ обуславливалось именно тѣмъ, чтобы какъ тѣ первые, такъ и новые христіане сами просили крещенія подъ продолжающимся напоромъ все той-же, становящейся всѣмъ родною, западающей прямо въ душу, общедоступной проповѣди. Если-бы христіанство продолжало распространяться только этимъ апостольскимъ способомъ, то въ его спасительныя мрежи попадалъ-бы изъ окружающаго міра только отборный ловъ; изъ него образовались-бы дѣйствительно незыблемые устои новаго града Божія. На бѣду, послѣ разрушенія стараго Іерусалима, продолжалъ еще существовать старый Римъ, не даромъ-же и прозванный вѣчнымъ городомъ. Присвоивъ себѣ, вслѣдъ за другими правами, и верховное право указами назначать боговъ, императоры римскіе, хотя и превращавшіеся, подобно Новуходоносору, въ звѣря, не только сохранили, но и передали это право своимъ, уже переставшимъ преслѣдовать христіанъ преемникамъ. Изъ гонителей, въ силу разныхъ причинъ, имъ захотѣлось наконецъ обратиться, такъ сказать, въ августѣйшихъ меценатовъ христіанства, а затѣмъ уже вѣра Христова была объявлена ими государственнымъ исповѣданіемъ. Съ этихъ-то поръ явилась возможность креститься не ради Бога, а ради кесаря,—и вслѣдствіе этого крестящіеся во Христа стали наконецъ столь-же мало въ Него облекаться, какъ и приглашавшіе ихъ къ тому императоры. Для такихъ уже не оказывалось ни малѣйшей надобности въ проникающей прямо въ душу, общедоступной, да даже и ни въ какой проповѣди, такъ какъ дѣло было вовсе не въ усвоеніи себѣ христіанства, а только въ прочтеніи въ слухъ излюбленнаго государями символа вѣры. Вотъ тутъ-то безпрепятственно всплыло на верхъ и старое дѣленіе человѣчества на избранныхъ и на варваровъ, та-

кое-же наслѣдіе міра классическаго, какъ и то обоготвореніе кесаря, которымъ этотъ міръ завершился. Если-же среди *варваровъ* были только два *народа*—греки и римляне, то и среди всего множества языковъ были только два настоящихъ языка,—языкъ греческій и языкъ латинскій. Но государство, признавшее вѣру Христову своею указною вѣрою, не могло не признать языка и того народа, среди котораго родился Христосъ; и вотъ къ двумъ культурнымъ языкамъ языческой древности присоединился еще языкъ ветхо-завѣтнаго избраннаго народа—еврейскій. Мнимо-христіанскимъ оправданіемъ такого сближенія въ преимуществахъ послужила надпись на крестѣ Господнемъ, хотя она сдѣлана тѣмъ игемономъ римскимъ, которому евреи предали Христа. Отсюда та, упоминаемая въ житіяхъ нашихъ первоучителей, треязычная, какъ они ее называли, ересь, иначе ересь Пилатниковъ, или же распространившееся въ римско-христіанскомъ мірѣ ученіе о томъ, будто-бы слово Божіе можетъ быть проповѣдуемо только на трехъ языкахъ—римскомъ, греческомъ и еврейскомъ. Изъ того, что святымъ братьямъ это ученіе справедливо представлялось ересью и что самыхъ ярыхъ ея представителей они встрѣтили на латинскомъ западѣ, многіе заключаютъ, что эта ересь только тамъ и была и что христіанскій востокъ оставался ей совершенно непричастнымъ. Другіе смотрятъ на это нѣсколько иначе и считаютъ треязычную ересь не только съ особенною силою распространившеюся на западѣ, но отчасти заходившею и на востокъ. Такъ и въ различныхъ статьяхъ, вызванныхъ Меѳодіевскимъ праздникомъ, сказались эти двѣ различныя точки зрѣнія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ числу отъявленныхъ противниковъ треязычной ереси относится знаменитый патріархъ Фотій—на томъ основаніи, что онъ однажды писалъ: «Франки заслуживаютъ порицанія, когда говорятъ, что молиться можно лишь на трехъ языкахъ». Но тутъ-же какъ будто ради сильнѣйшаго еще доказательства, что Фотій смотрѣлъ на дѣло совершенно также, какъ наши первоучители, приводится и то, что онъ вѣроятно подсказалъ императору Михаилу III и замѣчательныя слова о славянахъ, сохраненныя въ его посланіи къ Ростиславу велико-моравскому: «*да и вы причтетеся въ великыхъ языцѣхъ, иже славятъ Бога своимъ языкомъ*». Если-же это дѣйствительно слова не Михаила III, даже не Варды, а Фотія, говорится тутъ далѣе, то мы должны признать его какъ-бы Симеономъ

Богопріимцемъ славянской или греко-славянской идеи (Варш. Меѳ. Сборн., статья А. С. Будиловича, стр. 37). Думается, что *Богопріимцемъ* идеи можно назвать только представителя идеи въ самомъ дѣлѣ *Божественной*. Едва-ли такова та идея, которая высказана въ посланіи Михаила III, а именно, что славяне, услышавъ слово Божіе на своемъ языкѣ, чрезъ это получатъ право на сопричисленіе ихъ къ великимъ народамъ. Вѣдь не даромъ-же паннонскія житія приписываютъ эти слова императору византійскому, а не нашимъ первоучителямъ. Для нихъ, опиравшихся, какъ видно изъ тѣхъ-же житій, на апостола Павла, въ императорскомъ взглядѣ могло заключаться не что иное, какъ таже ересь, только разширенная въ пользу еще одного народа,—ересь *четырехъ-язычная*. Взглядъ Михаила III, хотя-бы внушенный и самимъ Фотіемъ, заключаетъ въ себѣ чисто государственное начало, признаніе права державнаго Рима надѣлять, если пожелаетъ, своими преимуществами и нѣкоторые изъ подвластныхъ ему народовъ. Наши-же первоучители дѣйствовали въ чисто церковномъ духѣ—въ томъ духѣ, который сказался въ словахъ великаго Апостола языковъ:

«Не лжите другъ на друга, совлекшеся ветхаго человѣка съ дѣяньми его и облекшеся въ новаго... идѣже нѣсть ни еллинъ, ни іудей... варваръ и скиѳъ, рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ». (Колосс. III, 9—11).

Но хотя-бы слова Михаила III, сказанныя совершенно не въ этомъ духѣ, и не были ему внушены Фотіемъ, то этотъ послѣдній въ дѣлѣ обращенія болгаръ, въ которомъ ему несомнѣнно принадлежитъ первенствующее положеніе, не высказалъ-же особенной заботливости о проповѣди имъ на ихъ языкѣ и славянское богослуженіе установилось у нихъ уже усердіемъ учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія. Не даромъ въ паннонскихъ житіяхъ о Фотіи и говорится только вскользь, и совершенно бездоказательнымъ греколюбіемъ отличается таже упомянутая выше статья, когда ставитъ нашихъ первоучителей въ полнѣйшую зависимость отъ мнимаго Фотіевскаго почина. Но тотъ-же избытокъ грекоклонническаго учердія зашелъ тутъ и еще далѣе. Насъ увѣряютъ, будто первоучители наши и патріархъ Фотій «были люди не только одного круга и образованія, но и *сродныхъ настроеній, характеровъ*, міросозерцаній... люди крѣпкой и упругой воли, которая не останавливается ни передъ

какими трудностями и препятствіями, *кромѣ нравственнаго долга...*» (Варш. Меѳод. Сборн., ст. Будиловича, стр. 35) [1]).

Что наши первоучители, при всей своей настойчивости въ достиженіи своихъ цѣлей, никогда однако-же не дѣйствовали противъ совѣсти, не вступали въ сдѣлки съ міромъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но что прямо противоположно поступалъ иногда Фотій, объ этомъ говорилъ не одинъ, напримѣръ, Герленрётеръ, про котораго можно сказать, что онъ иновѣрецъ и иностранецъ, но и такіе добросовѣстные русскіе ученые, какъ Ивановъ и Надеждинъ. Даже у П. А. Лавровскаго, при всемъ его пристрастіи къ Фотію, онъ является далеко не безупречнымъ по своему характеру. Всего-же откровеннѣе высказался о немъ никогда не кривившій душой и не утаивавшій никакой правды Хомяковъ.

«Тяжела, говоритъ онъ, была борьба для патріарха, избраннаго безъ сомнѣнія противозаконно и обезчещеннаго союзомъ съ развратомъ и мерзостями византійскаго двора...» «Человѣкъ бездушный и презрительный не менѣе самихъ папъ во всемъ, что касалось до его личнаго властолюбія, великій и правый во всемъ, что касалось до общихъ законовъ церкви»,—вотъ безпристрастный выводъ Хомякова о Фотіи (Соч. Хомякова, IV, 634—35).

Въ желаніи окружить знаменитаго патріарха сіяніемъ, будто-бы подобающимъ ему на равнѣ съ нашими первоучителями, низводимыми въ положеніе какъ будто-бы только исполнителей его плановъ, обнаруживается такое подобострастіе относительно грековъ, которое право стоитъ подобострастія передъ западомъ. Но въ другой юбилейной статьѣ культъ эллинизма зашелъ и еще далѣе. «Кириллъ и Меѳодій греки навѣрно менѣе удобны и симпатичны католикамъ, чѣмъ Кириллъ и Меѳодій славяне», говорится тутъ. «Для насъ въ этомъ знаменательномъ фактѣ греческаго происхожденія славянскихъ апостоловъ заключается весь смыслъ ихъ великаго подвига на пользу славянства. Чтобъ... облаготворить одинаково всѣ племена славянскія, надо было прежде всего стать выше всякихъ узко-племенныхъ стремленій и задачъ, всякихъ... чувствъ мѣстнаго патріотизма... Люди вполнѣ удовлетворяющіе... этимъ уловіямъ могли оказаться только у ближайшихъ высоко-культурныхъ православныхъ

[1]) Въ подлинникѣ безъ курсива.

сосѣдей славянъ на югѣ, у образованныхъ грековъ и болѣе ни у кого!» (Варш. Меѳод. Сборн., статья К. Я. Грота, стр. 4, 7—8).

Такими людьми однако-же оказались въ свое время апостолы совершенно, разумѣется, независимо отъ своей еврейской народности, а единственно въ силу того, что были учениками Христа и приняли въ видѣніи огненныхъ языковъ св. Духа. Такими оставались и ближайшіе ихъ послѣдователи, отцы первыхъ вѣковъ церкви, по происхожденію принадлежавшіе прямо даже къ варварскимъ народамъ. Но вѣдь они-то, эти отцы, какъ справедливо напоминалъ покойный Терновскій, на самомъ дѣлѣ и становились вдохновеннѣйшими провозвѣстниками той правды Христовой, съ которой долго боролась именно въ лицѣ греко-римлянъ унаслѣдованная ими отъ классической старины житейская мудрость. Она такъ и не уступила вполнѣ, какъ въ Римѣ, такъ и въ Византіи, «буйству» слова Христова и «пьянству» благодати св. Духа,—что справедливо и поставлено было на видъ въ нѣкоторыхъ юбилейныхъ статьяхъ совершенно иного пошиба, появившихся въ одномъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ.

«Не одни только латиняне, сказано тутъ, а также и греки держались треязычной ереси; въ этомъ случаѣ они совсѣмъ не отличались тою терпимостью, какую обнаруживала церковь въ древнѣйшія времена своего существованія. Уже въ VI столѣтіи существовали на этотъ счетъ нѣкоторыя ограниченія; греческій языкъ признавался господствующимъ языкомъ богослуженія, а другіе языки допускались лишь въ частныхъ службахъ. Въ палестинской лаврѣ св. Саввы, въ которой, при разнородности обитателей, должна была сильно ощущаться потребность богослуженія на разныхъ языкахъ, признавался языкомъ литургіи языкъ греческій, а другіе языки, какъ армянскій, допускались только въ частныхъ псалмопѣніяхъ и чтеніи евангелія. Ко времени дѣятельности Кирилла и Меѳодія монополія греческаго языка, какъ языка богослужебнаго, на востокѣ усилилась, что очевидно сильно затрудняло проведеніе дѣла первоучителей». («Странникъ», апрѣль, стр. 605).

Къ тому-же, какъ извѣстно, приходилъ въ своей исторіи православныхъ церквей и проф. Голубинскій, научнымъ образомъ обосновавшій то, что давно уже сказывалось въ дальнозоркомъ чутьѣ Погодина. Да вѣдь правду сказать, достаточно и одного черноризца

Храбра съ его нелишенными славянскаго лукаваго простодушія «отвѣтами о письменахъ», т. е. письменахъ славянскихъ, чтобы въ тѣхъ горделивыхъ умникахъ, отъ которыхъ отстаивалъ онъ эти письмена уже въ X-мъ вѣкѣ, разглядѣть прямыхъ предковъ того пресловутаго фанаріотства, которое ознаменовало и еще ознаменовываетъ себя ревнивымъ истребленіемъ всего славянскаго. Но къ этимъ предкамъ фанаріотовъ вовсе не принадлежали, по выраженію того-же духовнаго журнала, «два мужа... отстранившихся отъ исключительнаго служенія единой греческой церкви, сохранившихъ до конца извѣстную независимость: одинъ проникнутый духомъ любви Христовой ко всему міру, ко всѣмъ племенамъ и языкамъ, любившій и знавшій самые языки языковъ, миссіонеръ универсальнѣйшій въ самыхъ своихъ задаткахъ (Кириллъ), другой—сама мудрость жизни, мужъ, суровыми подвигами аскетизма выработавшій въ себѣ особую силу характера ...мужъ дѣла твердаго, выносливаго (Меѳодій)... Какая богатая школа практики и какая высокая школа къ выработкѣ терпимости!... Требовалось не обращеніе въ христіанство, не прививка его первыхъ началъ... требовалось нѣчто большее—утвержденіе вѣры, приспособленіе ея къ особенностямъ національной жизни, какъ желало того славянство («Странникъ», стр. 665).

Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству паннонскихъ житій, послы отъ славянскихъ князей говорили въ Царградѣ, что есть у нихъ проповѣдники латинскіе и проповѣдники греческіе, но ни тѣхъ, ни другихъ они не понимаютъ. Имъ нужно было того-же, что дано было въ день Пятидесятницы всѣмъ и что вызвало въ каждомъ радостное недоумѣніе: «како мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ, въ немъ-же родихомся». Вотъ на это-то и были давно готовы откликнуться наши святые братья.

«Вы видите здѣсь, говорятся въ томъ-же духовномъ журналѣ, тотъ-же вѣковѣчный вопросъ, что въ христіанствѣ общаго и народнаго, и тотъ-же отвѣтъ, что во Христѣ Іисусѣ *нѣсть еллинъ, ни іудей... ни варваръ, ни скиѳъ, ни рабъ, ни свободь*... Великіе просвѣтители славянскихъ племенъ были величайшими проповѣдниками вселенскости, но это не была механическая вселенскость... а именно идея *братства* народовъ *въ свободѣ единаго христіанства*, въ свободномъ союзѣ *церкви*,—братства, которое и дается подвигомъ

и трудомъ *народовъ*, въ твердомъ началѣ духовной *самостоятельности* и въ свѣтѣ *единой* истины» («Странникъ», 673—674) [1]).

О той-же великой идеѣ единства въ разнообразіи должны были намъ напомнить и похороны, которые такъ скоро послѣдовали за свѣтлымъ праздникомъ 6-го апрѣля. Почти въ одинъ день со святымъ Меѳодіемъ—7-го числа—не стало Н. И. Костомарова. Утромъ 6-го ему еще напомнили о томъ, какой это праздникъ, и лучъ сознанья еще промелькнулъ у него на лицѣ. Дѣло въ томъ, что съ именами нашихъ первоучителей связывалось и самое начало поприща того человѣка, который умиралъ во время великаго всеславянскаго праздника. Мы можемъ теперь свободно вспоминать объ

---

[1]) Пріятно замѣтить, что въ томъ же Варшавскомъ Меѳодіевскомъ Сборникѣ, гдѣ помѣщены статьи А. С. Будиловича и К. Я. Грота, оказывается и статья О. Ѳ. Зигеля, также бывшаго слушателемъ В. И. Ламанскаго и моимъ, статья, гдѣ встрѣчаемся мы со взглядами, чуждыми всякаго подобострастія передъ Византіею. «Общеизвѣстно, говорится тутъ, стремленіе Карла Великаго и его преемниковъ подчинить себѣ сосѣднихъ славянъ; распространеніе христіанства давало только подходящій предлогъ къ завоевательнымъ войнамъ, а духовенство въ новообращенныхъ славянскихъ земляхъ дѣлалось надежною опорою иноземнаго владычества. Но и Византія въ этомъ отношеніи немногимъ уступала Франкамъ. Стоитъ только вспомнить нежеланіе константинопольскаго патріарха дать новокрещеннымъ болгарамъ епископа... политику греческаго духовенства послѣ завоеванія Болгаріи между 1018 и 1186 гг. (подробности, прибавлю отъ себя, можно найти у проф. Голубинскаго), чтобы придти къ убѣжденію, что и въ Византіи распространеніе христіанства считалось только средствомъ къ поглощенію славянъ. Если Византія дѣйствовала менѣе послѣдовательно и успѣшно, то причина заключается... въ сравнительной слабости, а не въ отсутствіи желанія. Такимъ образомъ на славянскій міръ, раздробленный и изнѣрившійся въ самомъ себѣ, наступали съ запада и юга двѣ грозныя организованныя силы, глубоко убѣжденныя въ своемъ умственномъ превосходствѣ и полныя презрѣнія и ненависти ко всей славянской расѣ... Въ этотъ критическій для славянства моментъ и начинается дѣятельность солунскихъ братьевъ. Прекрасно образованные и проникнутые любовью ко всему человѣчеству, они стояли неизмѣримо выше всего духовенства какъ западной, такъ и восточной имперій. Между тѣмъ, какъ главы будущихъ обѣихъ церквей уже начинали свои пренирательства изъ за догматическихъ тонкостей, между тѣмъ какъ властолюбіе и корыстолюбіе разжигали между ними ненависть, Кириллъ и Меѳодій, далекіе отъ всевозможныхъ посторонннихъ цѣлей, несли христіанскую проповѣдь къ арабамъ, хазарамъ, славянамъ. Имъ не замѣчалось подготовлявшееся распаденіе церквей; они доказали своею жизнію, что ихъ идеаломъ было единство христіанства». (Варшавскій Меѳодіевскій Сборникъ, статья г. Зигеля, стр. 3—6).

этомъ роковомъ началѣ его поприща, потому что нѣсколько лѣтъ спустя наступила совершенно иная пора, та великая историческая пора Александра II, послѣ которой, что-бы тамъ ни было, не можетъ уже повториться то, что было съ Костомаровымъ. Да, что-бы ни было, а уже не бывать такому сожженію по приговору ученаго трибунала, какому подверглась первая магистерская диссертація Костомарова—диссертація объ уніи, въ которой тогда предосудительнымъ, вѣроятно, показался даже прибранный къ ней эпиграфъ:

О Боже мій нескончений!
Дивитися горе,
Що тепера на симъ свѣти
Вира виру боре.
О Боже мій нескончений!
Що ся теперъ стало?
Усе вира, усе вира,
А милости мало [1]).

На томъ-же началѣ широкой терпимости основывалось и общество, нѣсколько позже задуманное Костомаровымъ и отчасти уже осуществлявшееся въ Кіевѣ, общество, ставшее для него окончательно роковымъ, потому что въ тѣ невозможныя болѣе времена предосудительною могла показаться и печать Костомарова, которую приняли за печать общества, такъ какъ на ней значилось: «и уразумѣете истину и истина свободитъ вы» (Іоанна VIII, 32). Вотъ съ этимъ-то обществомъ и связаны были имена нашихъ первоучителей, цѣлью-же общества было достиженіе славянской взаимности. Самъ покойный историкъ счелъ возможнымъ еще при жизни сообщить о немъ свѣдѣнія въ «Кіевской Старинѣ» 1883 г. и сообщить ихъ настолько подробно, что въ неизданныхъ запискахъ его, хранящихся у вдовы Николая Ивановича, сказано почти тоже самое. Въ обществѣ этомъ, по словамъ Костомарова, вообще отвергалось іезуитское правило объ освященіи средствъ цѣлями. Далѣе-же, какъ онъ выражается, desiderata общества заключались вотъ въ чемъ:

[1]) Подробности этого дѣла можно найти въ автобіографической запискѣ Н. И. Костомарова, напечатанной въ майской книжкѣ «Русской Мысли» на 1885 годъ (стр. 205 и слѣд.).

1) Освобожденіе славянскихъ народностей изъ подъ власти иноплеменниковъ.

2) Организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою.

3) Уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ-бы видомъ оно ни скрывалось.

4) Упраздненіе сословныхъ привиллегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются.

5) Религіозная свобода и вѣротерпимость.

6) При полной свободѣ всякаго вѣроученія употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей (нужно-ли пояснять по поводу этого пункта, что единый славянскій языкъ въ богослуженіи—этотъ камень преткновенія, столь наглядно выказавшійся на велеградскомъ праздникѣ—неизбѣжно ведетъ, какъ это и понимаютъ въ Римѣ, къ единству вѣроисповѣданія).

7) Полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова.

8) Преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей.

«Этимъ собственно, добавилъ покойный историкъ, и ограничились тогдашнія наши *desiderata*. Нѣкоторыя изъ нихъ были приведены въ исполненіе, другія намѣчены и частію совершены императоромъ Александромъ II» [1]).

Когда тамъ на югѣ, въ стольномъ Кіевѣ, о старой славѣ котораго, какъ блестящемъ прологѣ къ русской исторіи, такъ сочувственно говорилъ въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ статей Ю. Ѳ. Самаринъ, когда тамъ, въ позже такъ названной Малороссіи или Украйнѣ, начертаны были эти пункты всеславянскаго кирилло-меѳодіевскаго братства, тогда въ другомъ, гораздо позднѣйшемъ историческомъ средоточіи Руси, въ Москвѣ все болѣе и болѣе обрисовывалась школа такъ называемыхъ славянофиловъ и вела, такъ сказать, съ высоты Кремля, насколько это тогда оказывалось возможнымъ, войну съ такъ называемыми западниками. Если-бы тогдашняя Костомаровская программа не была изъята изъ употреб-

[1]) «Кіевская Старина» 1883 г., февраль, стр. 226—227.

ленія, а дошла до Москвы въ своемъ подлинномъ видѣ, не должны ли-бы были, чтобъ быть послѣдовательными, согласиться съ нею тогдашніе, т. е. первоначальные наши славянолюбцы,—я разумѣю Кирѣевскихъ, Хомякова, Константина Аксакова и Юрія Самарина? Думаю, что смѣло можно отвѣтить: «да». Но согласятся-ли съ нею славянофилы теперешніе?—Будемъ надѣяться [1]).

---

[1]) Особыя подробности о тогдашнемъ славянскомъ обществѣ можно найти въ автобіографической запискѣ, продиктованной Н. И. Костомаровымъ Н. А. Бѣлозерской. «Пріѣхали мы въ Кіевъ на 1-й день Рождества (1845 г.); тутъ-то впервые явилась мысль о созданіи общества, которое-бы имѣло цѣлью распространеніе идеи славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ, на основаніи полной свободы и автономіи народностей.

Однимъ изъ основныхъ правилъ общества было вербовать въ члены людей подготовленныхъ, а идеи распространять, гдѣ можно.

Въ январѣ 1846 года я началъ читать лекціи по русской исторіи въ кіевскомъ университетѣ и, по своей увлекающейся натурѣ, не знавшей золотой середины, предался имъ всею душой. Полною жизнью жилось мнѣ въ то время. Идеи основаннаго мною общества поглощали меня до фанатизма. Я распространялъ ихъ, гдѣ могъ: съ каѳедры между студентами, въ частныхъ разговорахъ между профессорами университета и даже въ духовной академіи. Идеи общества быстро пошли въ ходъ. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ распространителей ихъ былъ Пильщиковъ, имѣвшій сильное вліяніе на молодежь какъ своимъ умѣніемъ обращаться съ нею, такъ и своею честною личностью.

Въ 1846 году пріѣхала матушка, и я поселился съ нею на Крещатикѣ. Къ этому-же времени относится мое знакомство съ Т. Шевченкомъ, которое совершилось необыкновенно быстро. На другой-же день мы говорили другъ другу «ты». Когда я сообщилъ Шевченку о существованіи общества, онъ тотчасъ изъявилъ готовность пристать къ нему; но отнесся къ его идеямъ съ большимъ задоромъ и крайнею нетерпимостью, что послужило поводомъ ко многимъ спорамъ между мною и Шевченкомъ.

Въ концѣ года пріѣзжалъ въ Кіевъ Савичъ (братъ профессора с.-петербургскаго университета)... и я завербовалъ его въ общество... Онъ измѣнилъ планъ своего путешествія и вмѣсто Парижа рѣшилъ ѣхать въ славянскія земли для распространенія идей общества (члены его съѣхались въ Кіевъ на зиму и постоянно собирались то у того, то у другаго). 28 декабря 1846 года было роковымъ днемъ... Собрались мы на квартирѣ Гулака... Шевченко и я горячились, мечтали о томъ, какъ разростается общество; Шевченко... выражался не совсѣмъ цензурно о существующемъ порядкѣ...» (тутъ-то и подслушали и донесли) (стр. 212).

О томъ, что ожидало Костомарова въ Петербургѣ, при допросахъ въ бывшемъ III отдѣленіи, мы узнаемъ, между прочимъ, слѣдующее изъ той же его записки:

Костомаровская программа вполнѣ выражала идею единства въ разнообразіи. Только соблюдая ту свободу жизни, которая и сказывается въ разнообразіи, единство будетъ оставаться тою чисто духовною, ненасильственною связью, какую и можетъ лишь допускать красугольная въ настоящемъ славянофильствѣ «правда внутренняя». Со смертью основныхъ, первоначальныхъ славянофиловъ, постигшею ихъ какъ разъ передъ наступленіемъ столь желаннаго ими для освобожденія крестьянъ, мало по малу въ ихъ ученіе о «правдѣ внутренней» стали проникать кое какія позаимствованія у «правды внѣшней», со свойственнымъ ей принудительнымъ началомъ единства, уже не щадящаго жизненныхъ разновидностей. Вотъ съ этою-то порою совпало окончательное развитіе возобновившейся съ новымъ царствованіемъ литературной дѣятельности Костомарова. Оставаясь вполнѣ вѣрнымъ себѣ, онъ, со своими южнорусскими единомышленниками, не то чтобы «давалъ, какъ оно кажется г. Кояловичу, большее значеніе славянскому единству, чѣмъ русскому» [1]), а понималъ это *русское* единство точно такъ-же, какъ и *славянское*, т. е. подъ условіемъ сохраненія всѣхъ входящихъ въ него разновидностей. При томъ подмѣнѣ внутренняго единства внѣшнимъ, который былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ постороннихъ подмѣсей къ ученію умершихъ славянофиловъ, недоразумѣнія между тѣми, кто считалъ себя ихъ преемниками, и бывшими основателями кіевскаго кирилломеѳодіевскаго общества все болѣе и болѣе обнаруживались. Вотъ эти-то недоразумѣнія и приводили южныхъ славянолюбцевъ къ осо-

---

«Орловъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: очень радъ познакомиться съ вами, г. профессоръ! Мы имѣемъ объ васъ отличные отзывы, но къ сожалѣнію, у васъ нашли вещь очень преступную; намъ сообщено содержаніе: *вы толкуете о соединеніи славянскихъ народовъ противъ деспотизма!* Вѣдь, за это эшафотъ! Это не вы!... вы должны выдать намъ мерзавцевъ!...

— Не можете-ли вы изложить письменно, сказали далѣе Костомарову, что знаете о скрытыхъ цѣляхъ этого общества и вообще что знаете о славянствѣ?

Меня отвезли назадъ и я написалъ цѣлую диссертацію о славянахъ, цитировалъ Шафарика и другихъ славянскихъ ученыхъ. Диссертацію эту отнесли къ Дубельту, и онъ вскорѣ позвалъ меня къ себѣ.

— Зачѣмъ вы написали это?—спросилъ Дубельтъ.—Это годится для ученыхъ, а не для насъ. Это, мой добрый другъ, все поэзія, а васъ надобно отправить въ крѣпость на всю жизнь». (Русская Мысль 1885 г., май, стр. 212 и слѣд.).

[1]) Кояловичъ, Исторія Русскаго Самосознанія.

баго рода сдѣлкамъ съ такъ называемыми западниками, хотя послѣдніе по прежнему видѣли для насъ мало проку отъ общенія съ этимъ, будто какимъ-то особымъ, а въ сущности только отсталымъ славянскимъ міромъ. Но то и были именно только *сдѣлки*, и одному изъ главныхъ участниковъ того журнальнаго стана, къ которому по волѣ судебъ примкнулъ покойный Николай Ивановичъ, еще недавно пришлось, трактуя со своихъ культурныхъ высотъ о такомъ чудакѣ, какъ К. Аксаковъ, почти совсѣмъ обойти знаменитую рѣчь о немъ Костомарова. И въ самомъ дѣлѣ, въ этой рѣчи сказалось во многомъ такое согласіе съ только что схороненнымъ тогда знаменитымъ славянофиломъ, что г. Пыпину волей неволей приходилось скрывать эту невольную, но очевидную ересь своего сотрудника. Припомнимъ хоть слѣдующія слова этой рѣчи:

«Петровская реформа оторвала государственную сторону нашего національнаго быта отъ народной, привлекла къ первой, въ противорѣчіе съ послѣднею, образованность, поставила стѣну между классами народа и одну большую половину съ старою жизнію его отбросила за предѣлы развитія и исторіи, другую-же повела къ подражанію иноземщинѣ...»

«Русская мысль и съ нею русская наука... хотѣла было обратиться къ покинутой, отвергнутой, презрѣнной старой народности, когда западные учители позволили ей уважать то, что сдѣлалось достояніемъ черни, да не давалась ей эта народность, какъ отвергнутая Татьяна Онѣгину, когда презрѣвши деревенскую дѣвушку, онъ началъ на нее глядѣть иными глазами, коль скоро другіе стали уважать въ ней знатную барыню» (Рѣчь о К. Аксаковѣ).

Но вѣдь и позже Костомаровъ высказывалъ многое, вовсе не подходившее къ направленію того органа, въ которомъ онъ всего больше участвовалъ. Вспомнимъ хоть слѣдующее:

«Какъ въ глубокой древности древлянскіе послы говорили Ольгѣ, что ихъ послала земля, такъ въ смутное время московскаго государства... московскіе послы подъ Смоленскомъ говорили полякамъ, что ихъ послала земля съ своимъ приговоромъ и они сами могутъ быть только слѣпыми исполнителями ея воли... Не смотря на самодержавную власть царей, они сами все еще иногда питали уваженіе къ землѣ, собирали земскія думы и желали знать мысль и волю земли, которою управляли. Только съ преобразованіемъ Россіи на

западный образецъ забылось значеніе земли, подъ вліяніемъ новой бюрократіи, не имѣвшей съ землей ничего общаго по роду происхожденія» («Начало единодержавія»—статья помѣщенная въ Вѣстникѣ Европы 1870 г., №№ XI и XII) [1]).

Если такой убѣжденный западникъ, какъ Бѣлинскій, почему-то хорошо отозвался о Костомаровскомъ «Саввѣ Чаломъ», то онъ уже совершенно иначе отнесся къ нему потомъ. Послѣ сожженія первой диссертаціи Костомарова ученымъ трибуналомъ за вольнодумство, вторая его диссертація подверглась со стороны знаменитаго критика глумленію—за выборъ такого нестоющаго просвѣщеннаго вниманія предмета, какъ народная словесность [2]).

Вполнѣ послѣдовательный въ своемъ увлеченіи западомъ Бѣлинскій, года два спустя, т. е. въ 1845 г. приводилъ слова Савельева Ростиславича: «когда настанетъ судъ исторіи, тевтонскій міръ отдастъ славянамъ все, что взято», и затѣмъ съ увѣренностью отвѣ-

---

[1]) Многимъ изъ мнимыхъ единомышленниковъ, конечно, не очень понравится и то, что только что напечатано въ автобіографической запискѣ Костомарова:

«Въ Ровно я сталъ непріязненно относиться къ полякамъ помѣщикамъ и къ жидамъ: бесѣдуя постоянно съ народомъ, я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, какъ страшно бѣденъ и забитъ народъ на Волыни. По выѣздѣ оттуда, русскіе помѣщики, по сравненію съ польскими, казались мнѣ почти гуманными людьми, и самый народъ, по мѣрѣ приближенія къ Великороссіи, казался мнѣ болѣе живымъ и крѣпкимъ» (Русская Мысль 1885 г., май, стр. 209).

[2]) Въ своей автобіографической запискѣ самъ Николай Ивановичъ вспоминаетъ: «Бѣлинскій написалъ, что народныя пѣсни—такой предметъ, который можетъ занимать людей, которымъ нечѣмъ заняться или которые неспособны заняться чѣмъ либо другимъ, и съ презрѣніемъ отозвался о диссертаціи, называя ее потокомъ словъ» (Русская Мысль, май, стр. 206). Но замѣчательно также и отношеніе тогдашняго ученаго міра не только къ первой, но и къ этой второй диссертаціи Костомарова. Нѣкоторые изъ профессоровъ не хотѣли признавать ее, приноминаетъ онъ, такъ какъ самый предметъ диссертаціи казался страннымъ, неученымъ. Профессоръ филологіи Протопоповъ до конца остался при этомъ мнѣніи и даже Артемовскій-Гулакъ, хорошо знавшій по малорусски, долго спорилъ и насилу согласился. За меня особенно заступился преподаватель всеобщей исторіи Лунинъ, безспорно одинъ изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ профессоровъ того времени. Онъ говорилъ, что въ моей диссертаціи проводится настоящій взглядъ на исторію, что для исторіи всего дороже народный голосъ, выраженіе народнаго чувства и мысли. Слова Лунина многимъ показались дикими! «Хороша исторія!—говорили они.—Кому нужно знать, какъ чувствуетъ паробокъ или дивка?».

чалъ на это: «что именно взято и кѣмъ, желательно-бы знать. Но кажется этого и самъ порицатель не вѣдаетъ» (Бѣл. IX, 437). Еще позже, въ 1847 г., въ отвѣтъ на замѣчаніе Ю. Ѳ. Самарина, что и на западѣ люди безпристрастные начинаютъ обращать сочувственное вниманіе на славянскій міръ, Бѣлинскій замѣтилъ:

«Если Сандъ избрала предметомъ своего сочиненія гуситскую войну, это могло произойти безъ всякаго отношенія къ важности или неважности славянскаго вопроса, а напротивъ именно оттого, что гуситская война—событіе чисто европейское, западное, католическое, славянскаго тутъ—только національное происхожденіе дѣйствователей да безплодный для нихъ исходъ героической впрочемъ борьбы. Когда дѣло борьбы взяло на себя германское племя, реформа восторжествовала надъ католицизмомъ» (Бѣл. XI, 360).

При всей своей гуманности Бѣлинскій такимъ образомъ отказывался понять, не смотря на то, что знаменитая западная писательница клала это прямо въ ротъ, все великое общественное значеніе безплодной гуситской борьбы, а равно и совершенное перерожденіе ея съ тѣхъ поръ, какъ плодоносно взялось за борьбу германское племя; точно также, при той-же своей гуманности, онъ не хотѣлъ понять глубоко соціальнаго смысла упрековъ Луи-Блана Вольтеру за его презрѣніе къ народу и съ ужасомъ восклицалъ по поводу ихъ: «святители! да это Шевыревъ» [1]).

Между тѣмъ, тамъ на «хохлацкомъ» югѣ, такъ докторально осмѣянномъ со своимъ гопакомъ и жупаномъ, тѣмъ-же Бѣлинскимъ, Шевченко пишетъ въ 1845 г. свою, къ несчастью не дошедшую до насъ поэму «Янъ Гусъ» и снабжаетъ ее сохранившимся, къ счастью, посвященіемъ «славному Шафарику». Тутъ тотъ-же самый тевтонскій міръ, который является у Бѣлинскаго въ качествѣ какой-то оклеветанной невинности, рисуется уже въ иномъ совершенно видѣ, а этому безполезному славянскому міру съ его, какъ казалось Бѣлинскому, героическими неудачниками гуситами, творческимъ воображеніемъ украинскаго поэта предвозвѣщается то чудо воскресенія мертвыхъ, о которомъ такъ вызывающе поэтически каждогодно гла-

[1]) Замѣчательно, что въ той-же своей автобіографической запискѣ Костомаровъ, слушавшій Шевырева въ Москвѣ, называетъ его лучшимъ тогда изъ профессоровъ московскаго университета.

сить намъ пророчество Іезекіиля, за чудной заутреней великой субботы. Позволю себѣ привести основныя черты изъ этого посланія Шафарику. Оно должно быть понятно намъ всѣмъ и въ подлинномъ языкѣ Шевченка малорусскомъ съ нѣкоторою примѣсью языка церковно-славянскаго, т. е. Кирилло-Меѳодіевскаго:

Запалылы у сусида
Нову добру хату
Сусидэ зли.—Нагрилыся
Та и полягли спати
И забули теплый попилъ
По полю розвіять...
А на давнимъ пожарыщи
Искра братства тлила—
Дотливала, дожидала
Рукъ твердыхъ та смилихъ...
И дождалась.—Прозривъ еси [1])
Въ попели глубоко
Огонь добрый, смилымъ сердцемъ,
Смилымъ орлимъ окомъ
И засвитывъ, любомудре,
Свиточъ правды, воли
И славянъ симью велыку
Во тми и неволи
Переличивъ до одного—
Переличивъ трупы
А не славьянъ. И ставъ еси
На велыкихъ купахъ,
На розпутти всесвитнёму
Іезекіилемъ!—
И, о дыво! трупы встали,
И братъ зъ братомъ обнялися
И проговорили
Слово тыхои любови
На вики и вики,

[1]) Прозрѣлъ еси—обращеніе къ Шафарику.

И потекли въ одно море
Славянскіи рики.
Слава тоби, любомудре,
Чеху славьянине,
Що не давъ ты потонути
Въ нимецькій пучини
Нашій правди!...
. . . . . .
Привитай-же въ своій слави
И мою убогу лепту—думу немудрую
Про чеха святого...
Про славнаго Гуса;
Пріими, отче,—а я пишкомъ
Богу помолюся,
Щобъ уси славьяне стали
Добрыми братами
И сынами сонця правды
И еретыками—
Оттакими, якъ Констаньскій
Еретыкъ велыкій!—
Миръ мірови подарують
И славу во вики.

Шевченко не даромъ назвалъ Гуса *еретикомъ*. Онъ дѣйствительно еретикъ передъ тѣмъ западнымъ міромъ, которому поклонялся Бѣлинскій. Но такимъ его признавалъ у насъ не только латинствующій Крижаничъ, такимъ считали его и думавшіе быть совершенно въ сторонѣ отъ Рима старинные русскіе люди, въ сознаніе которыхъ однако невозможнымъ образомъ проникалъ тотъ-же Римъ черезъ близкую къ намъ византійскую, т. е. восточную *Римскую* имперію. Гусъ, этотъ представитель вѣроисповѣднаго права *народа,* такой-же еретикъ передъ всѣмъ вообще греко-римскимъ міромъ, какъ и наши первоучители, представители вѣроисповѣднаго права *народовъ*. Въ сущности та борьба, которая ведется не со вчерашняго дня яко-бы на вѣроисповѣдно-христіанской почвѣ между западомъ и востокомъ, есть не что иное, какъ борьба междоусобная, а такая борьба всегда отличается особенною непримиримостью. Наши первоучители съ одной, Гусъ съ другой стороны стоятъ

между этими, ведущими междоусобную брань, западомъ и востокомъ, одинаково наслѣдовавшими, хотя и въ различныхъ видахъ слишкомъ многое отъ греко-римскаго дохристіанскаго государства. Наши первоучители и Гусъ находятся между ними, т. е. одинаково въ сторонѣ отъ обоихъ, потому что пребываютъ на чисто-христіанской безпримѣсной почвѣ, принадлежатъ *церкви*, какъ любилъ говорить Хомяковъ, просто *церкви*, подъ которою разумѣлось у него вселенское православіе. Конецъ междоусобной войнѣ положится только тогда, когда обѣ стороны перейдутъ наконецъ на эту, отъ нихъ независимую, въ самомъ дѣлѣ *церковную почву*. Тогда-то окажется наконецъ «едино стадо и единъ пастырь»,—пастырь не въ видѣ ни міродержавнаго папы, ни міродержавнаго кесаря, а въ прямомъ и подлинномъ смыслѣ зовущаго всѣхъ въ единеніе Духа Божія. Вотъ что представлялось въ духовномъ видѣніи и вдохновенному мыслителю славянофилу, когда, становясь и вдохновеннымъ пѣвцомъ, онъ взывалъ:

О братія! плѣнъ тяжелый духа,
Постыдный плѣнъ мы разорвемъ,
Всей силой нравственнаго слуха
Призывъ нашъ внутренній поймемъ!
Духъ братства, кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ,
И скажемъ свѣту слово славы
Еще не слыханное имъ! [1]).

Ор. Миллеръ.

[1]) Стихи К. С. Аксакова.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко-біографическій очеркъ).

I.

Адамъ Григорьевичъ изъ Брусилова Кисель Низкиницкій происходилъ изъ небогатаго дворянскаго рода сѣверо-западной Волыни, гдѣ ему принадлежало во владимірскомъ повѣтѣ имѣніе Низкиничи съ селищами Коневичами и Подгайцами [1]). Онъ былъ первымъ и единственнымъ представителемъ фамиліи, достигшимъ сенаторскаго званія и вліятельнаго положенія въ Рѣчи Посполитой. Не имѣя выдающихся знатностью предковъ за время принадлежности края Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ болѣе кичился Адамъ Григорьевичъ предками болѣе древними, хотя и не засвидѣтельствованными документально,—русскими боярами кіевскаго великокняжескаго періода. При каждомъ удобномъ и даже почти неудобномъ случаѣ поминалъ онъ своего родоначальника, кіевскаго «воеводу» Святолда или Свентолдича, утверждая, что «потомки его покорились Болеславу лишь послѣ того, какъ родоначальникъ ихъ, которому поручена была защита Кіева, палъ въ самыхъ вратахъ города» [2]), и возводя такимъ

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 6, стр. 635.

[2]) Nie pierwey posteritas Boleslao cessit, aż pierwey in porta ipsa, powierzony sobie maiąc Kiiów, przodek poległ.—Памятники, изданные кіевскою

образомъ начало своего рода ко времени нашествія на Кіевъ короля Болеслава Храбраго въ качествѣ союзника Святополкова противъ Ярослава, въ 1018 году. Современники этому вѣрили или по крайней мѣрѣ подавали видъ, что вѣрятъ, ибо въ ту эпоху всѣхъ одинаково обуревала страсть возводить начало своихъ родовъ ко временамъ самой отдаленной древности. Происхожденіе Киселей отъ Святолда признавалось даже оффиціально, и въ королевской грамотѣ 5 февраля 1646 г., которою возводится Адамъ Григорьевичъ въ званіе кіевскаго каштеляна, говорится объ «именитомъ и стародревнемъ родѣ Свентолдичей-Киселей, ведущемъ начало отъ русской княжеской фамиліи и подчинившемся польскому государству еще при королѣ Болеславѣ Храбромъ» [1]). Быть можетъ, существовало на самомъ дѣлѣ и передавалось въ родѣ Киселей какое-либо преданіе о переселеніи ихъ предковъ въ польскіе предѣлы въ это далекое время, когда Болеславъ, уходя предъ Ярославомъ изъ Кіева, «възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестры его... и людій множьство веде съ собою» [2]), такъ что еще четвертъ вѣка спустя, когда женился въ 1043 г. на сестрѣ Ярослава король Казиміръ, то «вдасть за вѣно людій 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава» [3]). Въ прибавочномъ прозвищѣ Святолдича не отказывали Адаму Григорьевичу даже столь скупые на всякіе титулы и величанія московскіе бояре въ своей съ нимъ перепискѣ [4]). Перешло это прозвище и связанное съ нимъ преданіе въ малороссійскія хроники XVIII вѣка, гдѣ встрѣчаемъ такія, напримѣръ, выраженія, какъ: «Адамъ Кисель, славнаго рода Святолда, бывшаго въ лѣто 1128 (sic) русскаго гетмана, фамиліантъ» [5]). Вошло оно и въ польскія геральдическія сочиненія тѣхъ-же временъ; такъ, Нѣсецкій

комиссіею, т. I, отд. 3, № 7. Русскій переводъ этого мѣста въ Памятникахъ совершенно неправиленъ, также какъ и текстъ въ изданіи Гельцеля, Jakuba Michałowskiego Księga pamiętnicza, стр. 29: «posteritas Bolesława».

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 402.

[2]) Лаврентіевская лѣтопись подъ 1018 годомъ; Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. V, стр. 132.

[3]) Тамъ-же подъ 1043 г.; Полное собраніе, т. V, стр. 138.

[4]) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 124, 128 (письма путивльскаго воеводы князя Долгорукаго); № 160 (отъ бояръ изъ Москвы).

[5]) Краткое описаніе Малороссіи (Лѣтоп. Самовидца по изданію 1878 г.), стр. 237.

говоритъ, что «кіевскій староста Кисель погибъ во время осады поляками этого города, когда онъ былъ подчиненъ еще русскимъ князьямъ. Позже, когда завоевали русскій край короли польскіе, Кисели всегда выступали въ качествѣ вѣрныхъ защитниковъ этого (т. е. польскаго) отечества». Любопытна у Нѣсецкаго легенда о происхожденіи самаго имени Киселей и началѣ ихъ герба, который пожалованъ имъ, по легендѣ, «самодержцемъ русскимъ Владиміромъ, около 1040 (sic) года, военачальнику Свентолдичу за удачную военную хитрость. Печенѣги, приступивъ къ Кіеву, не могли взять его тѣсной осадой и стремительнымъ нападеніемъ, ибо упорно и мужественно защищалъ его вѣрный военачальникъ Свентолдичъ. Видя, что города взять невозможно открытой силой, непріятель задумалъ принудить его къ сдачѣ голодомъ и для этого заступилъ всѣ пути, откуда только могли ожидать жители подвоза припасовъ. Свентолдичъ, поняв намѣренія печенѣговъ, велѣлъ вырыть двѣ ямы, наполнить одну мукою, другую водой, и заквасить изъ этой муки тѣсто; когда напекли изъ него хлѣба, онъ велѣлъ метать его въ непріятельскій лагерь. Пораженные этимъ печенѣги, видя, что не могутъ побѣдить кіевлянъ ни силой, ни голодомъ, отчаялись въ успѣхѣ и отступили отъ города. За такую находчивость Владиміръ далъ Свентолдичу гербъ, а Киселемъ прозванъ онъ отъ квашенія (kiszenia) хлѣба» [1]). Не трудно узнать въ этой легендѣ искаженное преданіе начальной русской лѣтописи объ осадѣ печенѣгами Бѣлгорода въ 997 году; искаженіе крайне неудачно, ибо для печенія хлѣба, чтобы метать его къ врагамъ, не было никакой надобности заквашивать его въ нарочно для этого вырытыхъ ямахъ. По лѣтописной-же редакціи, эта подробность получаетъ опредѣленный смыслъ, и весь разсказъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ имени Киселей. Когда истощались уже у осажденныхъ съѣстные припасы, научилъ ихъ одинъ «старецъ» (т. е. почетный старикъ, одинъ изъ старѣйшинъ города) вырыть два колодца; въ одинъ поставили кадь съ «цѣжью» (жидкимъ сырымъ тѣстомъ), а въ другой съ медовой сытою, дали печенѣгамъ «талей» (заложниковъ), пригласили ихъ десять человѣкъ въ городъ и здѣсь говорили имъ: «Что можете створити намъ? Имѣемъ бо кормлю отъ землѣ: аще ли не вѣруете,

[1]) Korona Polska, т. II (по изданію 1738 г.), стр. 519.

да узрите своима очима». Затѣмъ при нихъ черпали изъ колодцевъ цѣжь и сыту, варили *кисель*, угостили имъ приглашенныхъ, отослали еще черезъ нихъ «корчагу цѣжи и сыты» печенѣжскимъ князьямъ, которые тоже варили и ѣли кисель. Это убѣдило ихъ въ безплодности осады Бѣлгорода, отъ котораго они и отступили [1]). Весьма вѣроятно, что именно этотъ лѣтописный разсказъ послужилъ первымъ поводомъ пріурочить происхожденіе фамиліи Киселей къ данному случаю и ко временамъ великаго князя Владиміра, впослѣдствіи-же непосредственный поводъ пріуроченія былъ забытъ и осталась только традиція о началѣ ихъ рода изъ кіевскаго княженія X—XI столѣтія.

Въ литовскомъ періодѣ пайболѣе раннее упоминаніе о Киселяхъ, отрывочное и недостаточно опредѣленное, относятся къ первой трети XV вѣка: въ указанной грамотѣ 1646 г. упоминается Кисель Александръ, находившійся въ войскѣ короля Ягелла и павшій въ сраженіи его съ великимъ княземъ литовскимъ Свидригайломъ; Нѣсецкій къ этому добавляетъ, что мать Александра была урожденная княжна Четвертинская и что сыну его, имя котораго неизвѣстно, за отцовскія заслуги пожалованы королемъ имѣнія Низкиничи и Дорогиничи.

Свести представителей рода Киселей въ родословную таблицу представляется возможнымъ только съ конца XV—начала XVI ст., когда встрѣчаются о нихъ болѣе многочисленныя упоминанія, по большей части уже документальныя. Въ помѣщаемой таблицѣ мы ограничиваемся поколѣніемъ, жившимъ и дѣйствовавшимъ одновременно съ Адамомъ Григорьевичемъ, т. е. не заходимъ далѣе его сверстниковъ; Костомаровъ говоритъ, правда, объ участіи въ событіяхъ того времени и племянника его (безъ имени), но это не подтверждается современными документами, а упоминаемые историкомъ «Богдана Хмельницкаго» факты относятся въ нихъ къ брату Адама Николаю. Почти всѣ приводимыя здѣсь лица упоминаются у Нѣсецкаго, съ поясненіемъ ихъ генеалогическихъ отношеній, поэтому на него въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не ссылаемся, указывая только упоминанія другихъ источниковъ. Итакъ

---

[1]) Полное собраніе лѣтописей, т. I, стр. 55; т. V, стр. 123.

1. Никита (Кисель); извѣстенъ только по именованію сына его Никитичемъ. По принадлежавшимъ его сыну имѣніямъ, происходилъ въ прямой линіи отъ упомянутаго выше Александра и, судя по хронологическимъ даннымъ, приходился ему внукомъ, а можетъ быть и непосредственно сыномъ.
2. Тихно, земянинъ волынскій; дворянинъ королевскій при Жигимонтѣ I; упоминается въ волынской метрикѣ подъ 1528 г. (Нѣсецкій); женатъ на Гулевичевнѣ, вторая-же жена его Мышчанка, т. е. изъ фамиліи Мышка; въ 1545 году владѣлъ Низкиничами и Дорогиничами и домомъ во Владимірѣ [1]). 1
3. Димитрій, убитъ въ сраженіи съ татарами подъ Сокалемъ, т. е. въ 1519 году [2]). 2
4. Петръ, городничій витебскій 2
5. Гиѣвошъ, полковникъ въ государствованіе Жигимонта I; въ 1545 году былъ наиболѣе крупнымъ изъ совладѣльцевъ имѣній Хрѣнова и Чернева; убитъ въ сраженіи съ москвитянами подъ Оршей, т. е. въ 1568 году [3]); жена его Тризнянка (т. е. изъ фамиліи Тризна) 2
6. Янъ 4
7. Илья 4
8. Николай, Кисель-Дорогиницкій (? такъ у Нѣсецкаго), владѣлецъ имѣнія Гунци, земскій витебскій писарь, въ 1647 году депутататъ сеймовый и избранъ былъ въ назначен-

[1]) Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 24, 41, 113, 147.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 402.

[3]) Тамъ-же и Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 17. Около того-же времени, въ 1552 году, упоминается еще Кисель Александръ, въ кіевскомъ воеводствѣ; ему принадлежала часть имѣнія Норинскаго, домъ въ городѣ Овручѣ, а другой въ замкѣ, также и двѣ замковыя городни. Нѣсколько позже, во время присяги на люблинскую унію 1569 года, во владимірскомъ повѣтѣ жилъ Кисель Андрей, а братаничи (т. е. сыновья брата) его, Григорій и Тимохъ, проживали при матери въ Литвѣ. По послѣднему указанію, ихъ можно принимать за сыновей Петра, въ такомъ случаѣ Андрей—четвертый сынъ Тихна. Родовое-же положеніе Александра совершенно неясно. Архивъ юго-западной Россіи, ч. IV, т. 1, стр. 36, 37, 41, 49; Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 21, 25.

ную сеймомъ коммисію для разграниченія округовъ велижскаго, усвятскаго и невельскаго [1]); впослѣдствіи подсудокъ земли витебской, наконецъ подкоморій дерптскій; былъ въ плѣну на Москвѣ, будучи взятъ при сдачѣ Витебска осенью 1654 года; женатъ былъ на Грудзинской. 4

9. Маріанна 4

10. Анна, въ первомъ бракѣ за Витебскимъ земскимъ писаремъ Гуркомъ, во второмъ за Громадскимъ 4

11. Григорій, подстолій владимірскій; отличался въ московскихъ войнахъ (Нѣсецкій). Самое раннее документальное упоминаніе о немъ, по тяжебному дѣлу съ владѣльцами сосѣдняго села Дегтева,—въ 1577 году. При Стефанѣ Баторіѣ былъ польнымъ писаремъ (т. е. секретаремъ штаба); тяжело раненъ въ сраженіи подъ Улой. Въ 1581 году жилъ уже на родинѣ: на завѣщаніи князя Курбскаго въ числѣ свидѣтелей подписался «Григорій Кисель Низкиницкій». Безъ всякаго еще титула подписался онъ на другомъ документѣ, въ 1588 году. Съ 1593 же и до 1613 года встрѣчаемъ его неизмѣнно въ выборной должности земскаго владимірскаго подсудка. Кромѣ Низкиничъ, другія его имѣнія не упоминаются, равно какъ не попадалось намъ упоминаній о немъ позже 1613 года [2]). Женатъ былъ, по Нѣсецкому, который ошибочно принимаетъ двухъ Киселей этого имени, на Ѳедорѣ Иваницкой. 5

12. Янъ, отъ котораго идутъ Кисели-Дорогиницкіе. Въ 1594 году подписалъ въ качествѣ свидѣтеля листъ Кирилла Терлецкаго на имѣніе луцкаго епископства Водирады во владимірскомъ повѣтѣ, объ отдачѣ его въ аренду Станиславу Кандыбѣ [3]) 5

---

[1]) Volumina legum, по изданію 1860 г., т. IV, стр. 60, § 64.

[2]) Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 200; Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 1, стр. 91, 373, 468; ч. I, т. 6, стр. 320, 325. 328, 391, 413; ч. III, т. 1, стр. 44, 47, 51, 402; ч. VI, т. 1, стр. 198.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 1, стр. 431.—Этотъ самый документъ подписалъ также Александръ Кисель-Дорогиницкій, но родового отношенія его къ предыдущему опредѣлить невозможно, если не признать его за одно лицо съ упоминаемымъ ниже (№ 23) сыномъ Яна, которому въ такомъ случаѣ въ

13. Адамъ-Францишекъ, первый изъ рода принялъ унію и построилъ базиліанскій монастыръ въ Витебскѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ вышедшими изъ терпѣнія православными извѣстный ихъ преслѣдователь Іосафатъ Кунцевичъ, недавно канонизованный, въ качествѣ мученика, папою Піемъ IX. Въ сеймовой конституціи 1690 года, подтверждающей эту «недавнюю» фундацію, названъ однимъ только именемъ Адама [2]). 8
14. Петръ 8
15. Михаилъ 8
16. Самуилъ, хорунжій витебскій 8
17. Адамъ, которому и посвящена настоящая статья . . . 11
18. Николай, хорунжій новгородсѣверскій. Въ 1626 г., въ хоругви брата своего Адама, участвовалъ въ сраженіи противъ шведовъ и былъ тяжело раненъ пулею въ голову. Вѣроятно, принималъ непосредственное участіе въ усмиреніи козацкаго возстанія Павлюка подъ Боровицею; по крайней мѣрѣ, данный козаками 24 декабря 1637 г. присяжный листъ о покорности, явленъ 20 февраля 1638 года для внесенія въ актовыя книги Николаемъ Григорьевичемъ, уже въ приведенномъ выше званіи. Былъ посломъ на сеймахъ въ 1638, 1641, 1645, 1648 годахъ, а въ 1650 году избранъ маршалкомъ на сеймикѣ черниговскаго воеводства. Въ 1638 и 1641 году его избирали въ сеймовую коммисію по разграниченію воеводствъ кіевскаго съ черниговскимъ, въ 1646 г. по опредѣленію границъ съ московскимъ государствомъ и для ревизіи пріобрѣтенныхъ отъ Москвы по поляновскому договору имѣній. Въ 1649 г. былъ посланъ комиссаромъ къ козакамъ и былъ съ братомъ въ Переяславѣ у Хмельницкаго; во время збаражской осады

1647 году, во время московскаго посольства, слѣдуетъ дать не менѣе 74 лѣтъ, ибо для подписи документа онъ долженъ былъ быть уже совершеннолѣтнимъ.

[2]) Volumina legum, изданіе 1860 года, т. V, стр. 401, § 26. При этомъ освобождены отъ всѣхъ повинностей въ пользу войска находившіяся въ его владѣніи деревни: Жеребцяи, Пурызы и Яшкевичи, съ озеромъ и рч. Селявицей, принадлежащія къ королевскимъ имѣніямъ и уступленныя Киселемъ новому кляштору.

начальствовалъ собственной хоругвью и участвовалъ въ неудачномъ парламентерствѣ Зацвилиховскаго къ Хмельницкому. Въ 1650 году получилъ, по уступкѣ отъ брата (т. е. съ вѣдома и согласія короля), староство черкасское. Тогда-же ѣздилъ единолично въ Чигиринъ для переговоровъ съ Хмельницкимъ. Въ 1651 году, при осадѣ козаковъ въ Винницѣ, былъ убитъ во время штурма, а по другимъ, болѣе точнымъ, извѣстіямъ, попалъ со своею хоругвью на устроенныя нарочно Богуномъ проруби на р. Богу, гдѣ и утонулъ. Костомаровъ ошибочно распредѣляетъ относящіеся къ этому лицу факты между двумя лицами, считая новгородсѣверскаго хорунжаго племянникомъ Адама, брата-же его почему-то именуетъ Юріемъ [1]) . . 11

19. Петръ 12

20. Матвѣй; слѣдуетъ еще добавить: 12

21. Павла и 12

22. Гавріила, убитыхъ въ 1636 году, въ сраженіи со шведами подъ Гнѣвомъ (Möwe), гдѣ они были въ хоругви Адама Григорьевича [2]). 12

23. Александръ, подстолій черниговскій; посолъ на сеймѣ въ 1637 году, избранъ депутатомъ въ радомскій трибуналъ; въ 1647 году снова членъ сейма, избранъ комиссаромъ по проведенію границъ съ московскимъ государствомъ; участвовалъ въ посольствѣ Адама на Москву [3]).

Этими сверстниками Адама воеводы закончимъ его родословіе, добавляя лишь еще одну геральдическую подробность. Гербъ Киселей, изображенный на изданномъ въ іюльской книжкѣ «Кіевской

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, см. въ указателѣ при III томѣ; Памятники, т. I, отд. 3, стр. 234, 312, 314, 316, 320, 328; т. II, отд. 3, стр. 50, 56; Архивъ юго-западной Россіи, ч. II, т. 1, стр. 284, 315; ч. III, т. 1, стр. 367; Jak. Michałowskiego Księga, стр. 259, 272, 451, 811, 815; Лѣтопись Грабянки, стр. 70. Vol. leg., т. III, стр. 449, § 42; т. IV, стр. 16, § 61; 45, § 5 и 6; Twardowski, Wojna domowa, стр. 68; «Кіевская Старина», 1882 годъ, февраль, стр. 377 (Дневникъ Освѣцима).

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 403.

[3]) Vol. leg., т. III, стр. 434, § 4; Акты южной и западной Россіи, т. III, № 120, стр. 116.

Старины» портретѣ, совершенно сходенъ съ описаніями его у древнихъ геральдиковъ по рисунку, но не по краскамъ. Окольскій, а за нимъ и Нѣсецкій, говорятъ, что шатеръ въ гербѣ не «зеленый въ желтомъ полѣ», какъ изображено на портретѣ, а пестрый, бѣлый съ чернымъ, поле-же красное; на верху шатра не крестъ, а золотой шаръ; надъ щитомъ «темный шаръ съ золотыми обручами» —это обычный геральдическій шлемъ.

II.

Годъ рожденія Адама Григорьевича съ точностью намъ неизвѣстенъ; судя же по тому, что въ 1648 г. онъ жаловался на свою старость, а также по участію его въ первомъ походѣ королевича Владислава на московское государство и въ южной арміи Жолкевскаго подъ Бушей, т. е. въ 1617 г., рожденіе его слѣдовало-бы отнести къ послѣднему десятилѣтію XVI вѣка [1]). Но по упоминанію самого-же Киселя въ письмѣ отъ 31 (21) мая 1648 г. къ примасу Андрею Лубенскому о томъ, что свою примирительную политику относительно козаковъ онъ позаимствовалъ отъ Жолкевскаго, можно заключать, что онъ служилъ подъ начальствомъ послѣдняго въ Украйнѣ еще до шведской и потомъ московской войны, такъ какъ съ этой поры утихаютъ козацкіе безпорядки,—т. е. въ послѣдніе годы XVI ст. Въ такомъ случаѣ рожденіе его придется отодвинуть къ *семидесятымъ* годамъ того-же вѣка, не позже во всякомъ случаѣ 1580 г. Ссылка Киселя на авторитетъ Жолкевскаго [2]) очень важна, и мы должны будемъ ниже воспользоваться ею подробнѣе.

Послѣ неудачи подъ Бушей, Кисель сопутствовалъ Жолкевскому подъ Орынинъ (1619 г.) и къ гибельной для Жолкевскаго Цецорѣ (1620 г.) Потомъ онъ участвовалъ въ хотинскомъ походѣ (1621 г.) и продолжалъ служить подъ начальствомъ гетмановъ великихъ Ходкевича и Конецпольскаго, сначала, какъ человѣкъ небогатый, «худопахолокъ», служилъ только «почтомъ», т. е. съ

---

[1]) Памятники кіевской коммиссіи, т. I, отдѣлъ 3, № 7; Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I, стр. 404; Буша нынѣ Яруга, мѣстечко могилевскаго уѣзда подольской губерніи, надъ Днѣстромъ.

[2]) Michał. Księga, стр. 30; Памятники, т. I, отд. 3, № 7.

нѣсколькими товарищами (poczet). Но шесть лѣтъ спустя, въ несчастной битвѣ противъ Густава-Адольфа, подъ Гнѣвомъ, онъ уже начальникъ хоругви, въ которой служатъ его родичи; изъ нихъ, какъ упомянуто, раненъ его родной братъ и убито два двоюродныхъ. Объ этомъ вспоминаетъ черезъ двадцать лѣтъ король Владиславъ, говоря, что самъ онъ былъ очевидцемъ мужественнаго поведенія Адама въ бою [1]).

Не знаемъ, когда именно умеръ Григорій Гнѣвошевичъ; но именно смерть его, по всей вѣроятности, вызвала Адама домой, въ Низкиничи, для полученія наслѣдственнаго имѣнія и приведенія въ порядокъ дѣлъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ его въ 1631 г. и притомъ безъ всякаго титула, простымъ земяниномъ [2]). Да и некстати было ему отправляться хотя-бы ко двору фанатическаго католика Жигимонта III, отъ котораго ему, какъ православному, трудно было ожидать какихъ либо милостей. Но король умеръ 30 апрѣля 1632 г., едва успѣвши передать только-что вернувшемуся изъ-за границы старшему сыну Владиславу свою наслѣдственную, хотя и фиктивную, шведскую корону. Кисель поспѣшилъ къ знавшему его королевичу, извѣстному религіозной терпимостью. Съ 27 іюня начался «конвокаціонный» сеймъ, задача котораго состояла въ разсмотрѣніи недостатковъ минувшаго правленія, причемъ *неокончательныя* сеймовыя рѣшенія передавались на предварительное разсмотрѣніе мѣстныхъ сеймиковъ, а утверждены могли быть только на «элекційномъ» сеймѣ, назначенномъ на 27 сентября. Самый выборъ короля долженъ былъ окончиться не позже, какъ черезъ шесть недѣль, т. е. до 9 декабря. О нѣкоторыхъ обстоятельствахъ этихъ сеймовъ необходимо упомянуть здѣсь подробнѣе, такъ какъ ими опредѣлилась будущая карьера Адама Григорьевича.

На конвокаціи заявлены были самыя настоятельныя требованія равноправности со стороны утѣсненныхъ при покойномъ королѣ исповѣданій; диссиденты разныхъ сектъ заключили на этотъ разъ политическій союзъ между собою, а затѣмъ и съ православными. Требованія послѣднихъ совпали съ требованіями явившихся на тотъ-же сеймъ козацкихъ пословъ; послѣдніе, кромѣ

---

[1]) См. примѣчаніе 1 и 2 на стр. 58.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. 6, стр. 635.

заступничества за православіе, просили также о возстановленіи ихъ правъ, недавно (1625 г.) ограниченныхъ договоромъ куруковскимъ или на Медвѣжьихъ Лозахъ. Мало того: они даже домогались, какъ люди рыцарскаго званія, допущенія ихъ къ участію въ избраніи короля, что было, конечно, отвергнуто шляхтою съ негодованіемъ. Относительно расширенія правъ даны неопредѣленныя обѣщанія подъ условіемъ вѣрной службы, тоже сказано и о греческой религіи. Почти столь-же малаго успѣха добились и защитники интересовъ православія изъ числа членовъ самого сейма: имъ и разновѣрцамъ обѣщано было новое разсмотрѣніе вопроса на элекціонномъ сеймѣ; временно-же, до избранія короля и до сейма коронаціоннаго, пріостановлено было дѣйствіе стѣснительныхъ распоряженій прошлаго царствованія какъ противъ «разновѣрцевъ», такъ и противъ православныхъ, особенно противъ ихъ высшей іерархіи, возстановленной безъ участія и вопреки волѣ правительства и католическаго большинства; *обѣщано* было даже возвращеніе имъ епископскихъ каѳедръ, занятыхъ уніатами, равно многихъ монастырей и церквей, даже учрежденіе новыхъ епархій въ Бѣлой Руси. И все же, хотя постановленія конвокаціоннаго сейма не имѣли, какъ сказано, никакой окончательной силы, католическіе прелаты, подписывая эдиктъ капитуровый, т. е. установленіе порядка управленія во время безкоролевья, добавляли къ подписи оговорку, что они соглашаются на все изложенное «безъ нарушенія цѣлости правъ римско-католической церкви» [1]). По другому извѣстію, духовные сановники, въ видѣ уступки, рѣшились измѣнить формулу: «безъ нарушенія правъ моей епархіи» [2]). Останавливаемся на этомъ эпизодѣ въ виду его высокой важности для дальнѣйшихъ событій. Здѣсь впервые козачество, корпорація сословная, выступаетъ на *легальную* защиту интересовъ не сословныхъ вовсе, а общенародныхъ, выступаетъ не одно, какъ это было въ 1625 г., а въ союзѣ съ православною частью дворянства. На этой почвѣ,—хотя только на этой,—

[1]) Z zastrzeżeniem całości praw Rzymsko-katolickiego kościoła.—Piasecki, по изданію Бартошевича въ польскомъ переводѣ, стр. 363. У Костомарова (по рукописи), Монографіи т. IX, стр. 97, въ латинской формулѣ нѣтъ слова Romanae, но именно оно возбудило позже протестъ.

[2]) Костомаровъ, тамже, стр. 99: salvis juribus diocesiae meae.

оно необходимо сближалось съ православнымъ русскимъ дворянствомъ, по совпаденію требованій, что и не замедлило выразиться на ближайшемъ сеймѣ, а еще больше впослѣдствіи.

На элекційный сеймъ козаки выслали снова пословъ, съ заявленіемъ тѣхъ-же требованій о возстановленіи прежнихъ правъ (въ сущности никогда не упроченныхъ положительнымъ закономъ), съ письмомъ къ королевичу Владиславу, въ которомъ они предлагаютъ поддерживать его кандидатуру всѣми силами, и съ повтореніемъ просьбъ о возстановленіи правъ церкви православной, нарушенныхъ уніею. Имъ отвѣтили снова совершенно неопредѣленно, съ выговоромъ за неумѣстныя для шляхты выраженія и за «необычность» данной имъ отъ козачества инструкціи вообще.

Но послѣдній пунктъ козацкихъ просьбъ энергично поднятъ былъ и въ самомъ сеймѣ. Особенно выдѣлились здѣсь, какъ искусные защитники интересовъ православія, Вороничъ, Древинскій (извѣстный съ этой стороны и раньше, волынскій чашникъ, Лаврентій) и *Адамъ Григорьевичъ Кисель*, избранный теперь въ число «кантуровыхъ» судей, т. е. на время безкоролевья. Онъ переносилъ вопросъ съ почвы церковной на чисто политическую, доказывалъ, что декретами Жигимонта III противъ православныхъ 1627—1630 гг. нарушаются свобода и равноправность православныхъ шляхтичей (chodzi tu nie o wiarę, ale o miarę), ясно этимъ опредѣляя характеръ своихъ воззрѣній. При несомнѣнной своей набожности и преданности исповѣданію предковъ, онъ поворачивалъ вопросъ такъ слишкомъ круто въ видахъ парламентской тактики, употребляя современное выраженіе. Но въ то же самое время ясно обрисовывается передъ нами гордый сознаніемъ своей принадлежности къ господствующему въ Рѣчи Посполитой сословію представитель олигархіи, своего рода civis Romanus новаго времени, которому сословныя и политическія его прерогативы дороги если не въ большей, то въ одинаковой мѣрѣ, какъ и унаслѣдованная отъ предковъ вѣра... Другой изъ защитниковъ православія на этомъ сеймѣ, Древинскій, съ которымъ конечно Кисель имѣлъ предварительныя совѣщанія о распредѣленіи ролей, какъ это бываетъ между членами одной партіи во всякомъ законодательномъ собраніи, ставилъ въ свою очередь вопросъ внѣ обсужденія по существу, а на почву политическую. Кисель говорилъ, что дѣло сейма не богословское, волынскій-же

чанникъ доказывалъ, что оно и не юридическое, ибо права греческаго исповѣданія въ Рѣчи Посполитой основаны не на какихъ либо королевскихъ грамотахъ, а просто на ея древности. Въ этомъ его поддержалъ глава диссидентовъ Криштофъ Радзивилъ, и рѣшено было предоставить дѣло третейскому суду «короля шведскаго» (in partibus), т. е. королевича Владислава, котораго и просили объ этомъ депутаты православныхъ и уніатовъ, безъ участія католиковъ, ибо *формально* споръ шелъ только между двумя первыми исповѣданіями. Владиславъ составилъ особую коммисію изъ двухъ сенаторовъ и четырехъ пословъ, по его личному выбору, и призналъ необходимымъ, согласно заключенію коммисіи, утвердить окончательно данныя православнымъ фактивно на конвокаціи временныя уступки. Такимъ оборотомъ сеймъ былъ поставленъ въ невозможность отказать въ утвержденіи, и по выборѣ Владислава въ короли онъ могъ дать въ пользу православныхъ дипломъ не отъ себя только лично, въ качествѣ короля, а на основаніи сеймового постановленія, т. е. имѣющій силу закона государственнаго. Дипломомъ этимъ узаконялась православная іерархія, въ 1620 г. возстановленная, но такъ, что ея представителей покойный король не только не признавалъ, а велѣлъ предавать суду; возвращались отъ уніатовъ захваченныя ими епархіи на Волыни и въ Червоной Руси, равно какъ многіе монастыри съ ихъ имѣніями и церкви; разрѣшалось учредить нѣсколько епархій вновь: все это подъ главенствомъ кіевскаго митрополита, посвящаемаго патріархомъ константинопольскимъ и отъ него зависимаго [1]).

Обратимъ теперь вниманіе на связь нѣкоторыхъ историческихъ событій, оказавшихъ непосредственное вліяніе на судьбы лица, которому посвященъ настоящій очеркъ.

Король Владиславъ IV не былъ ни ослѣпленнымъ фанатикомъ, подобно своему отцу, ни столь недальновиднымъ политикомъ, чтобы не видѣть, что разнузданная олигархія шляхты раньше или позже способна привести къ гибели его государство. На первыхъ-же порахъ, когда канцлеръ литовскій Альбрехтъ Радзивиллъ, фанатиче-

[1]) Весь ходъ этого дѣла на сеймахъ 1632 г. изложенъ у современника Пясецкаго, стр. 355—383, подробнѣе-же у Костомарова, по рукописямъ Императорской публичной библіотеки, Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 94—112 (изданіе 1884 года).

скій католикъ (тогда какъ его родственникъ, Криштофъ, польный литовскій гетманъ, былъ ревностнымъ кальвинистомъ), отказалъ приложить печать къ диплому православнымъ, король пригрозилъ при первой-же вакансіи назначить канцлеромъ «еретика», и напуганные прелаты сами поспѣшили склонить Радзивилла на уступку. Естественно, поэтому, было ему искать себѣ вѣрныхъ слугъ между некатоликами. Что касается взглядовъ его на шляхетское полновластіе, то онъ ихъ тщательно скрывалъ; извѣстно однако, что задуманная имъ подъ конецъ царствованія война противъ турокъ имѣла заднею мыслію увеличеніе постоянной арміи, съ цѣлью «приборкать» шляхту.

Такимъ образомъ, дѣйствуя въ пользу православныхъ, король не поступалъ противъ совѣсти. Но была тутъ и другая сторона, чисто политическая. Утверждалась іерархія, возстановленная Сагайдачнымъ, вождемъ козацкимъ, удовлетворялись тѣмъ самымъ и новыя ходатайства козаковъ по дѣламъ греческой церкви. Владиславу близко знакомо было козачество, приходившее къ нему на помощь подъ Москву въ 1618 г., въ числѣ 20 тысячъ, а три года спустя, однимъ козакамъ онъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ во время хотинскаго похода 1621 года. Теперь онъ снова нуждался въ козакахъ, ихъ нужно было приласкать, и послы ихъ возвратились съ сейма съ самой милостивой грамотой короля, а что имъ было обѣщано на словахъ гораздо больше сдѣланнаго,—видно уже изъ опасенія повѣрить это бумагѣ, но въ грамотѣ упомянуто: «*Послы ваши подробнье скажутъ обо всемъ*» [1]).

Въ то-же время, рядомъ съ козаками, греческую церковь защищало на сеймѣ и многочисленное еще тогда православное дворянство. Особенно энергичнымъ и искуснымъ защитникомъ, рядомъ съ престарѣлымъ уже Древинскимъ, выступаетъ Адамъ Кисель. Естественно ожидать, что именно въ немъ будетъ искать законоправнаго союзника православное козачество, что онъ въ свою очередь будетъ пользоваться у козаковъ авторитетомъ и вліяніемъ. Вотъ это-то обстоятельство и указываетъ въ немъ королю человѣка, который можетъ оказаться очень полезнымъ. Притомъ-же, это homo novus, не своенравный магнатъ, а рядовой шляхтичъ изъ небога-

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 109—110.

тыхъ; что ни получитъ онъ въ будущемъ, куда ни выдвинется,— всѣмъ будетъ обязанъ лично королю, и нечего опасаться, что примкнетъ онъ, поднявшись выше, въ магнатской оппозиціи противъ короля: хотъ-бы онъ даже и захотѣлъ, они его не примутъ, ибо онъ во-первыхъ выскочка, а во-вторыхъ схизматикъ.

Такая цѣпь неизбѣжныхъ послѣдствій извѣстнаго уже намъ ряда фактовъ должна была предначертать будущую дорогу Адама Григорьевича, опредѣлить въ общихъ чертахъ всю его судьбу.

Мы не рѣшились-бы, конечно, изложить всѣхъ этихъ соображеній, если-бы они основывались только на видимой ихъ логической послѣдовательности: это было-бы безплоднымъ гаданіемъ о томъ, что могло-бы случиться, *если-бы*... Но мы основали ихъ на разсмотрѣніи касающихся нашего предмета фактовъ за все послѣдующее двадцатилѣтіе, до самой смерти Киселя, и избрали такую предположительную форму изложенія лишь для того, чтобы яснѣе указать роковую связь этого послѣдующаго съ предъидущимъ, хранившимъ въ скрытомъ видѣ его ростки, которымъ оно, какъ все и всегда на свѣтѣ, заранѣе было въ общемъ уже опредѣлено...

III.

Послѣ коронаціи Владислава IV, въ началѣ 1633 г., Адамъ Григорьевичъ остался при его дворѣ, въ качествѣ «дворянина королевскаго»; такъ назывались тѣ изъ придворныхъ, которые не занимали особыхъ, опредѣленныхъ должностей,—ибо здѣсь были тѣ-же чины, что и коронные, государственные, напримѣръ маршалъ надворный, подскарбій надворный. «Дворянъ», по ихъ обязанностямъ, можно до извѣстной степени сопоставить со свитскими офицерами или даже флигель-адъютантами нашего времени; на нихъ возлагались самыя разнообразныя порученія, ихъ посылали всюду, гдѣ требовалось присутствіе довѣреннаго отъ короля и тѣмъ самымъ авторитетнаго лица. Адаму Григорьевичу на первый-же разъ пришлось выполнить порученіе сколько серьезное, столько-же и щекотливое: ему поручено было отобрать отъ уніатскаго епископа Почаповскаго и передать православному луцкому епископу Александру (Аѳанасію) Пузынѣ, согласно новому диплому, жидичинскую архимандрію съ ея богатымъ монастыремъ, имѣніями

Терниками и Теремнымъ, и церковью Богородицы на предмѣстьи въ Луцкѣ [1]).

Но вслѣдъ затѣмъ ему предстояло дѣло гораздо большей важности какъ въ чисто-политическомъ отношеніи, такъ равно и для него лично.

Московское государство до высшей степени тяготилось деулинскимъ перемирнымъ договоромъ 1618 г., заключить который оно вынуждено было крайнимъ упадкомъ силъ, оставивъ за Польшею захваченныя ею земли сѣверскую, черниговскую, а главное—первостепенную пограничную крѣпость Смоленскъ. Необходимость отдохновенія и устройства внутреннихъ дѣлъ заставляла Москву свято соблюдать ненавистный договоръ: она, подобно Россіи нашихъ временъ, по извѣстному выраженію покойнаго канцлера кн. А. М. Горчакова, «не будировала, но собиралась съ силами». Срокъ деулинскаго перемирія, заключеннаго на четырнадцать съ половиною лѣтъ, истекалъ въ іюнѣ 1633 г. Но смерть Сигизмунда III представилась московскому правительству удобнымъ случаемъ нарушить его раньше, и оно поспѣшило воспользоваться эпохою безкоролевья, надѣясь встрѣтить слабый отпоръ. Была снаряжена большая рать подъ начальствомъ того-же самаго боярина Михайла Борисовича Шеина, который сдалъ Смоленскъ въ 1611 г. и которому представлялась такимъ образомъ возможность загладить давнишнюю неудачу. Шеинъ энергически повелъ осаду и Смоленскъ, не смотря на мужественную оборону коменданта Станислава Восводзкаго, близокъ былъ къ паденію.

Королю Владиславу IV приходилось собирать войско и спѣшить на выручку осажденнымъ. Немедленно по окончаніи коронаціоннаго сейма, какъ только король возвратился изъ Кракова въ Варшаву, сдѣланы были распоряженія о сборѣ войска къ Оршѣ и заготовкѣ военныхъ припасовъ. Стягивая всѣ наличныя силы на помощь близкому къ паденію Смоленску, королю необходимо было изыскать особыя средства для защиты земли сѣверской. Охрана границъ отъ стороны Путивля возложена была на Киселя. Отпра-

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. VI, т. 1. Жидичинъ, на р. Стырѣ, недалеко отъ Луцка къ сѣверу. У Костомарова (Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 99) архимандрія ошибочно названа Жидичевскою.

вившись въ Запорожье, онъ успѣлъ собрать двадцать тысячъ козаковъ, заставилъ москвитянъ снять осаду Чернигова и затѣмъ, соединившись съ ополченіями брацлавскаго воеводы Лукаша Жолкевскаго, старосты калушскаго и переяславскаго и владѣльца нѣсколькихъ нынѣшнихъ уѣздовъ полтавской губерніи, князя Іеремія Вишневецкаго, вмѣстѣ съ ними вторгнулся въ предѣлы московскаго государства. Задача этихъ войскъ состояла преимущественно въ томъ, чтобы препятствовать сбору въ порубежныхъ мѣстностяхъ новыхъ ополченій противъ главной арміи Владислава, которая наступала къ Смоленску, куда и успѣла прибыть во время, такъ что осаждающіе должны были отступить и перейти въ оборонительное положеніе. Отряды Вишневецкаго, Жолкевскаго и приведенные Киселемъ козаки также дѣйствовали вполнѣ успѣшно. Они опустошали огнемъ и мечемъ путивльскія, брянскія, сѣвскія, рыльскія, курскія, кромскія, карачевскія и болховскія волости московскаго государства [1]).

Война эта, какъ извѣстно, окончилась чрезвычайно успѣшно для Владислава и несчастливо для москвитянъ, въ особенности для Шеина лично. Отбитый отъ города, онъ окопался на приднѣпровскихъ возвышенностяхъ, сохранившихъ донынѣ имя Шеинова кургана, осажденъ былъ здѣсь поляками, и въ концѣ концевъ вся русская рать сдалась 4 февраля 1634 года на капитуляцію. Войскамъ данъ свободный пропускъ, но поляки забрали знамена, болѣе ста двадцати орудій и порохъ, запасы котораго были такъ велики, что еще во время осады города царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 году оставалось его 77 боченковъ, да взято гетманомъ Радзивиломъ 80 центнеровъ и разстрѣляно на «виваты» не мало [2]). Шеинъ былъ обвиненъ на Москвѣ въ измѣнѣ и осужденъ на смерть. Результатомъ его несчастнаго похода былъ договоръ «вѣчнаго докончанья», на рѣчкѣ Поляновкѣ, по которому Москва закрѣпляла за Польшей черниговскую, сѣверскую и смоленскую земли, даже со сдачею не взятыхъ еще городовъ, какъ Дорогобужа, Бѣлаго

[1]) Всѣ эти подробности изъ грамоты королевской, самаго-же Владислава. 1646 года. Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 403—404.

[2]) Собраніе актовъ, изданіе виленской археографической коммиссіи (1858 г.). стр. 51. 102.

и др., самые титулы «князя смоленскаго, черниговскаго» исключены у царя, а присвоены королю во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ съ московской стороны. Владиславъ-же съ своей стороны уступилъ Москвѣ одинъ звукъ пустой,—онъ отрекся отъ титула «нареченнаго царя московскаго» [1]). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что своими успѣхами Владиславъ въ весьма значительной степени обязанъ былъ диверсіи со стороны сѣверскаго пограничья, въ томъ числѣ Киселю съ его козаками.

И онъ это понялъ, и оцѣнилъ всю важность содѣйствія ему тѣхъ-же силъ въ будущемъ, если представится въ нихъ надобность. Адаму Григорьевичу пожалованъ былъ на ленномъ правѣ городъ Кобыщъ и Козаргродъ въ новообразованномъ черниговскомъ воеводствѣ, здѣсь-же дано ему богатое староство Носовское, и скоро мы видимъ его въ должности черниговскаго подкоморія, а главное—ему была поручена ближайшая административная власть надъ козачествомъ, въ непосредственной зависимости отъ великаго короннаго гетмана, которымъ былъ тогда краковскій капителянъ Станиславъ Конецпольскій [2]). Дѣятельность Киселя въ качествѣ главнаго комиссара надъ козаками заслужила впослѣдствіи благодарность короля. Но напрасно Костомаровъ полагалъ [3]), будто здѣсь Кисель «выступилъ посредникомъ между козаками и правительствомъ», будто онъ, въ августѣ 1631 г., явился на «вальную» (всеобщую) козацкую раду на рѣкѣ Русавѣ потому только, что узналъ о ея характерѣ, т. е. о допущеніи не однихъ реестровыхъ, но и поспольства, явился по собственному почину, въ качествѣ посторонняго медіатора.

---

[1]) Gołębiowski, Panowanie Władisława Jagełły, стр 11—13, 58—63; Piasecki, Kronika, стр. 390—393, 396—401: Памятная книжка смоленской губерніи на 1864—1865 годъ; Moraczewski, Strożytności Polskie, т. II, стр. 471—473. Одна изъ послѣднихъ грамотъ Владислава съ титуломъ московскаго царя, данная подъ Смоленскомъ въ 1634 г., относится къ Кіеву: подтвержденіе правъ шевскаго цеха на купленный имъ дворъ. Сохранилась въ подлинникѣ; русскій переводъ напечатанъ нами въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1870 года, № 57.

[2]) Королевская грамота 1646 г., Архивъ юго-западной Россіи, отд. III, т. I. стр. 404. Кобыща теперь мѣстечко Козары козелецкаго, а Носовка мѣстечко нѣжинскаго уѣзда.

[3]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 124—126.

Нисколько. Кисель присутствовалъ здѣсь въ самой недвусмысленной роли,—онъ былъ прямымъ представителемъ *правительства*. Кромѣ нѣсколько разъ уже цитированной грамоты 1646 года, имѣемъ о томъ свидѣтельство болѣе близкое. Годъ спустя, когда возставшіе подъ главенствомъ Павлюка козаки вынуждены были смириться, то въ присягѣ своей подъ Боровицею они должны были выразить раскаяніе въ убійствѣ своихъ старшинъ, «данныхъ имъ, властію его королевской милости, отъ комиссаровъ: подкоморія черниговскаго Адама изъ Брусилова Киселя, старосты носовскаго, и полковника королевскаго, сына брацлавскаго воеводы, Станислава изъ Потока Потоцкаго». Далѣе въ той-же присягѣ козаки говорятъ, что они уже обращались къ польному коронному гетману черезъ тѣхъ-же лицъ, «господъ комиссаровъ, которые предъ тѣмъ войско (т. е. козацкое) въ порядокъ устроили и старшинъ намъ назначили»[1]).

Мы настаиваемъ на этомъ, повидимому, мелочномъ фактѣ потому, что онъ представляется важнымъ съ нашей, біографической, точки зрѣнія: такой или иной характеръ участія лица въ извѣстныхъ событіяхъ, т. е. частный или оффиціальный, несомнѣнно долженъ быть принятъ во вниманіе при оцѣнкѣ этихъ дѣйствій съ ихъ нравственной стороны. Подробнѣе мы коснемся этого вопроса въ концѣ статьи, здѣсь-же отмѣтимъ только, что такое различіе, въ отношеніи къ Киселю, очень хорошо сознавали современные ему козаки. Они, въ виду соприкосновенія извѣстныхъ точекъ во взглядахъ обѣихъ сторонъ, относились къ нему съ извѣстнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ, во всякомъ случаѣ совершенно иначе, чѣмъ къ тѣмъ, кто былъ имъ принципіально враждебенъ по всѣмъ пунктамъ. Король впослѣдствіи ставилъ Киселю въ заслугу, что во время козацкаго возстанія 1637 года онъ поспѣшилъ собрать нѣсколько сотъ человѣкъ войска, присоединился во главѣ этого отряда къ польному гетману Николаю Потоцкому и содѣйствовалъ ему въ подавленіи мятежа. Козаки, конечно, заслугою этого считать не могли; но не считали они такого образа дѣйствій Киселя и виною, не ставили ему этого лыка въ строку: на ихъ взглядъ, въ данномъ случаѣ, по выраженію незнакомой имъ поговорки, каждая изъ сторонъ faisait son métier. Этимъ и объясняется, что

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I, стр. 368—369.

послѣ пораженія подъ Кумейками и Боровицею, они продолжали защищаться до послѣдней крайности и рѣшились выдать Павлюка съ четырьмя другими предводителями лишь послѣ того, какъ Кисель поручился имъ, что король помилуетъ выданныхъ плѣнниковъ [1]). Очевидно, Кисель пользовался у нихъ большимъ авторитетомъ, хотя и стоялъ въ рядахъ противниковъ.

Зналъ это хорошо онъ самъ, посылая козакамъ свое письмо при гетманскомъ универсалѣ, обѣщавшемъ прощеніе всей ихъ массѣ, если они покорятся и станутъ просить милости. Разсчитывалъ Адамъ и на то, что слово заступничества съ его стороны будетъ имѣть вѣсъ и передъ королемъ. Не принялъ онъ только въ разсчетъ одного: что самъ король въ Польшѣ того времени былъ не болѣе какъ маріонеткой, игрушкою въ рукахъ всесильной шляхты. На собравшемся въ февралѣ 1638 года сеймѣ послы проявили крайнее ожесточеніе противъ козаковъ, требовали совершенно уничтожить ихъ силою, а Павлюка, въ виду присвоенія имъ какъ-бы самостоятельной царственной власти надъ всей Украйной, порѣшили увѣнчать раскаленной желѣзной короной, давъ ему въ руки раскаленный-же скипетръ. Напрасно было горячее заступничество за нихъ со стороны Киселя. «Они сдались добровольно, говорилъ онъ: я поручился, что Рѣчь Посполитая даруетъ имъ жизнь; иначе они-бы защищались до послѣдней возможности. Если теперь, не смотря на мое поручительство, ихъ казнятъ, то это подорветъ вѣру въ слово не только поручителя, но и довѣрителя, то-есть Рѣчи Посполитой». Протестъ его не былъ уваженъ, и только король отмѣнилъ приготовленный Павлюку съ товарищами варварскій и въ то-же время буфонскій способъ казни, вмѣсто котораго имъ отрубили въ Варшавѣ головы и потомъ взоткнули ихъ на колья [2]).

Такъ подрывала сама шляхта предъ козаками авторитетъ единственнаго замѣтнаго лица изъ своей среды, которое могло имъ пользоваться! Послѣдствія нарушенія обѣщаній отъ имени правительства, данныхъ однимъ изъ признанныхъ его представителей,

---

[1]) Kronika Pawła Piaseckiego, стр. 418. Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 146.

[2]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 155 (по рукописи Императорской публичной библіотеки).

не замедлили обнаружиться въ томъ иначе необъяснимомъ фактѣ, что вслѣдъ за только что полученнымъ тяжелымъ урокомъ, вслѣдъ за жестокими казнями въ лѣвобережной Украйнѣ, которыми Николай Потоцкій думалъ затрящать населеніе и сдѣлать его безмолвно покорнымъ, немедленно-же вспыхнуто новое народное возстаніе въ еще болѣе грозныхъ размѣрахъ. Связь этихъ двухъ фактовъ такъ рѣзко бросалась въ глаза, что ее тогда-же отмѣтилъ Пясецкій въ нѣсколькихъ лаконическихъ фразахъ. Историкъ этотъ, полякъ и католическій бискупъ, съ полускрытой, но горькой иронією говоритъ о дѣятельности сейма 1638 года. Разсказавъ о возбужденіи жителей Гданска противъ сеймоваго постановленія о взиманіи и здѣсь пошлинъ съ товаровъ, подобно иностраннымъ портамъ, и о возникшей по этому поводу ожесточенной полемикѣ на письма и въ печати, намекнувъ далѣе о подкупахъ по этому дѣлу, Пясецкій продолжаетъ: «этому дѣлу никогда не пришлось-бы испытать недостатка въ защитникахъ; но не нашлось никого, кто-бы вступился за козаковъ, вождь которыхъ Павлюкъ съ товарищами своего плѣна напрасно ссылался на поручительство за его жязнь, данное черниговскимъ подкоморіемъ Адамомъ Киселемъ, и сложилъ во время этого сейма голову на плахѣ. Отняты всѣ вольности, наданныя обществу польскихъ козаковъ, и мѣстечко Терехтемировъ, а гетманамъ предложено снова отправиться противъ нихъ, перевести со свѣта тѣхъ, которые-бы вздумали сопротивляться приговору сейма, и тогда устроить милицію на новый ладъ. По этому-то козаки въ этомъ старательнѣе позаботились о своей безопасности». Передавъ затѣмъ очень сжато ходъ возстанія Гуни, Остранина и Скидана, историкъ передаетъ, что козаки, осажденные надъ рѣкой Старцемъ, долго не хотѣли вступать ни въ какіе переговоры, *вслѣдствіе нездержаннаго обѣщанія Павлюку* (даннаго Киселемъ) и не соглашались выдать никого изъ своихъ предводителей. Когда-же, наконецъ, имъ поручился самъ гетманъ, что на предстоящемъ сеймѣ имъ будутъ возвращены прежнія вольности, они также согласились до той поры соблюдать во всемъ предписанный имъ Рѣчью Посполитою порядокъ, т. е. куруковскій договоръ. «Но и этихъ обѣщаній имъ не сдержали: ибо когда они, обезпеченные завѣреніемъ въ свободномъ пропускѣ, оставили свой укрѣпленный лагерь и стали расходиться небольшими отрядами по домамъ, королевское войско избило

большую часть ихъ, а права ихъ и привиллегіи погрязли печально въ неопредѣленныхъ сеймовыхъ препирательствахъ» [1]).

По словамъ все той-же грамоты 1646 г., Кисель, послѣ козацкихъ возстаній, «посѣтивъ Запорожье и извѣдавъ всѣ козацкіе способы, предложилъ средства къ удержанію этого войска въ добромъ порядкѣ, которыя привели къ благопріятнымъ послѣдствіямъ». Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что поляки посылали на Запорожье, въ промежуткѣ двухъ возстаній, т. е. въ февралѣ 1638 г., полковника Мелецкаго, въ качествѣ комиссара, съ двумя полками реестровыхъ козаковъ, чтобы выгнать и вывесть оттуда всѣхъ бѣглецовъ и оставаться тамъ для сторожи. Походъ его кончился неудачею, а по его удаленіи здѣсь избранъ былъ въ старшіе Остранинъ. Сопутствовалъ-ли ему, теперь уже безъ званія комиссара, Адамъ Григорьевичъ, или же онъ посѣтилъ Запорожье осенью того-же года, вслѣдъ за усмиреніемъ Остранинова бунта,—во всякомъ случаѣ приведенное мѣсто грамоты указываетъ прямо на него, какъ на иниціатора тѣхъ стѣснительныхъ мѣръ въ отношеніи козачества, какія были введены у нихъ во время рады на Масловомъ-Ставѣ [2]). Въ этомъ убѣждаетъ и самый характеръ принятыхъ мѣръ: главною изъ нихъ, кромѣ перевода главнаго мѣста управленія козачествомъ, а слѣдовательно и артиллеріи, изъ лежащаго надъ Днѣпромъ Терехтемирова, откуда легко было увозить ее по водѣ въ далѣе лежащій Корсунь, было назначеніе козакамъ главнаго начальника и полковниковъ исключительно изъ шляхтичей, а именно такую мѣру предлагалъ Кисель и раньше того [3]).

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Kronika Piaseckiego, стр. 422—423: «Przywileje ich na wątpliwych obradach sejmów nedznie uwisły».

[2]) Теперешнее село Масловка въ каневскомъ уѣздѣ, около мѣстечка Козина и р. Руссавы.

[3]) Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 131, 177.

МАЛОРУССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ
И МИѲИЧЕСКОЕ ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ.

Похоронныя причитанія вводятъ насъ въ область такъ называемыхъ *миѳовъ біологическихъ*, т. е. знакомятъ съ первобытными воззрѣніями на жизнь и смерть. Къ сожалѣнію, этотъ родъ народныхъ произведеній не обращалъ до сихъ поръ на себя должнаго вниманія: не только ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ слегка касались ихъ, даже собиратели не давали имъ много мѣста въ своихъ сборникахъ среди другихъ произведеній народнаго творчества [1]). Только въ 1872 г. великорусская похоронная причеть, благодаря трудамъ Е. В. Барсова и содѣйствію общества любителей россійской словесности, явилась на свѣтъ въ полномъ своемъ видѣ и тотчасъ-же обратила на себя вниманіе. Г. Баталинъ на страницахъ Филологическихъ замѣтокъ прямо заявилъ, что «Причитанья» г. Барсова восполнили собою весьма значительный пробѣлъ, существовавшій до тѣхъ поръ въ сборникахъ памятниковъ народнаго творчества [2]). Не смотря на это заявленіе, причитанія не привлекли на

[1]) Изъ сборниковъ, въ которыхъ помѣщено нѣсколько образцовъ похоронной причети, можно назвать сборники Рыбникова и Шейна; кромѣ того нѣсколько плачей можно найти въ «Описаніи олонецкой губерніи» г. Дашкова.—Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1841 г., № 12.—Что касается ученыхъ, то въ своихъ изслѣдованіяхъ упоминаютъ о похоронной причети гг. О. Миллеръ, Буслаевъ и др. Объ этомъ подробно сказано у г. Барсова.—«Причитанья сѣвернаго края» т. I, введеніе.

[2]) См. Филологическія Записки 1873 г. т. II, ст. «Народное творчество».

себя особеннаго вниманія и не вызвали попытокъ изслѣдовать представляемый ими матеріалъ. Предположивъ произвести изслѣдованіе похоронной причети въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и посвятить особую статью великорусской похоронной причети [1]), я въ предлагаемой вниманію читателей статьѣ намѣренъ остановиться исключительно на причети *малорусской*, какъ ближайшей сестрѣ причети великорусской.

Если великорусская похоронная причеть нашла, хотя и поздно, своего настоящаго собирателя, то этого отнюдь нельзя сказать о причети малорусской: до сихъ поръ мы не имѣемъ по этой части ничего, подобнаго сборнику г. Барсова; есть только нѣсколько образцовъ малорусской причети въ сборникѣ г. Метлинскаго [2]) и у г. Терещенка [3]). Нельзя не пожалѣть, что г. Чубинскій, имѣвшій возможность собирать малорусскую причеть въ полномъ видѣ, не обратилъ на нее должнаго вниманія. Довольно подробно записавъ различныя повѣрья и обряды, связанные съ смертью, онъ далъ мало образцовъ похоронной причети, руководствуясь, вѣроятно, высказаннымъ имъ соображеніемъ объ однообразіи ея [4]). Такое заключеніе объ однообразіи малорусскаго «голосиння» надъ умершими слишкомъ поспѣшно и составлено по первому впечатлѣнію. Правда, въ каждомъ «голосинни» дѣйствительно *выражается неутѣшная скорбь по умершемъ и нежеланіе жить безъ него на бѣломъ свѣтѣ*. Но, во-первыхъ, не изъ однихъ-же только подобныхъ изліяній состоитъ малорусская похоронная причеть; во-вторыхъ, не эти изліянія составляютъ главное значеніе произведеній этого рода. Вотъ это-то главное въ содержаніи малорусской причети и просмотрѣлъ г. Чубинскій, чего, конечно ему въ вину никакъ нельзя ставить, потому что для этого нужна слишкомъ спеціальная подготовка. Дѣло въ томъ, что среди указаннаго г. Чубинскимъ однообразія изліяній въ мало-

---

[1]) См. Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XIII, стр. 227—231.

[2]) Народныя южно-русскія пѣсни, стр. 292—293.

[3]) Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 87 и др.

[4]) См. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалъ Чубинскаго, т. IV, стр. 697—713. Вотъ его подлинныя слова: обычай «голосинья» надъ умершими принятъ во всѣхъ мѣстностяхъ Малороссіи *и вездѣ отличается своимъ однообразіемъ*. Ibid., стр. 705.

русской причети тамъ и симъ попадаются *выраженія*, на основаніи которыхъ можно прослѣдить вѣрованія, ведущія свое начало изъ глубокой старины. Эти-то, такъ сказать, оазисы миѳологическихъ вѣрованій, встрѣчающіеся въ маторусскомъ «голосинни», и составляютъ одну изъ важныхъ сторонъ его; они-то и были неполны въ представленныхъ до сихъ поръ образцахъ малорусской похоронной причети. Послѣднее обстоятельство, между прочимъ, побудило меня, не смотря не замѣчаніе г. Чубинскаго объ однообразіи, заняться собираніемъ малорусской похоронной причети съ тѣмъ, чтобы со временемъ (если тому поблагопріятствуютъ обстоятельства) издать ее, какъ существенное дополненіе великорусскихъ причитаній [1]).

Пользуясь отчасти собраннымъ мною самимъ матеріаломъ, отчасти матеріаломъ, даваемымъ другими собирателями, я постараюсь въ настоящей статьѣ указать оставшіеся въ малорусскомъ «голосинни» слѣды вѣрованій, составляющихъ достояніе общеславянское и восходящихъ ко временамъ отдаленнѣйшимъ.

Ни одно изъ явленій міра физическаго, доступныхъ наблюденію первобытнаго человѣка, не производило на него такого глубокаго впечатлѣнія, какъ смерть. Причина этого, по всей вѣроятности, заключается въ той таинственности, которою окруженъ переходъ отъ жизни къ смерти. Въ самомъ дѣлѣ, что доступно было въ этомъ великомъ послѣднемъ актѣ жизненной драмы младенческому уму первобытнаго человѣка?—Одинъ бездыханный трупъ доступенъ былъ внѣшнимъ чувствамъ его, обо всемъ-же остальномъ онъ могъ только гадать.

Всматриваясь въ явленіе смерти и ища разрѣшенія его, человѣкъ прежде всего долженъ былъ остановиться на самомъ актѣ смерти. Его прежде всего поражала рѣзкая перемѣна, происходившая въ организмѣ человѣка: вмѣсто полнаго тепла и жизненной силы организма передъ нимъ лежалъ холодный и неподвижный трупъ покойника. Нужно было подъискать какое либо объясненіе этой первой загадкѣ смерти.

Живя тѣсною жизнью съ природой, понимая ее по аналогіи съ своимъ собственнымъ существованіемъ, человѣкъ естественно,

---

[1]) См. Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 179 и слѣд.

для разъясненія своихъ недоразумѣній, долженъ былъ обратиться къ этой внѣшней природѣ. Наблюдая въ ней перемѣны дня и ночи и временъ года, онъ не могъ не замѣтить аналогіи между смертью и зимою съ одной стороны, между жизнью и лѣтомъ съ другой. Какъ лѣтомъ, при свѣтѣ и теплотѣ солнца, вся природа полна жизни и дѣятельности, такъ и тѣло человѣка оживляется внутреннею силою, огнемъ, заключеннымъ внутри его; наоборотъ, какъ зимою вмѣстѣ съ исчезновеніемъ солнечной теплоты и свѣта умирала вся природа, такъ и тѣло человѣка съ исчезновеніемъ внутренняго огня лишалось дѣятельности, цѣпенѣло. Отсюда естественнымъ путемъ возникло воззрѣніе, по которому жизнь отождествлялась съ свѣтомъ и солнцемъ, а смерть съ мракомъ и холодомъ [1]). Слѣды этого воззрѣнія, общаго славянамъ и индоевропейцамъ, находимъ и въ малорусской похоронной причети. Мать, оплакивая преждевременную смерть дочери, причитаетъ:

Зашло мое сонечко красное, [2]) т. е. жизнь дочери закатилась, подобно тому, какъ закатывается ежедневно солнце и вся природа погружается въ мракъ.

Съ другой стороны актъ смерти напоминалъ человѣку актъ сна. Отсюда переходъ къ воззрѣнію, что смерть есть сонъ. Подобное воззрѣніе было естественнымъ слѣдствіемъ болѣе ранняго, вышеупомянутаго, воззрѣнія, по которому смерть отождествлялась съ мракомъ [3]). Въ самомъ дѣлѣ, если смертъ отождествлялась съ мракомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была отождествляться и съ сномъ, въ который погружаетъ всю природу зимній мракъ. Указанія на такое отождествленіе смерти со сномъ, встрѣчающееся въ миѳологіяхъ и другихъ народовъ [4]), видимъ мы въ слѣдующихъ выраженіяхъ, съ которыми иногда обращаются къ умершимъ:

---

[1]) См. Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. I, стр. 182; Потебня, О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ, стр. 32.

[2]) Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 90; Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 70.

[3]) Аѳанасьевъ, Поэтическое воззрѣніе, т. III, стр. 36—37; Потебня, О миѳическомъ значеніи нѣк. обр., стр. 34, 294—295).

[4]) См. Аѳанасьевъ, ibid., т. III, стр. 36; Шеппингъ, Миѳы славянскаго язычества, стр. 31.

Встань, моя матинко! встань, моя ридвесенька [1]).

Такъ объяснялъ себѣ первобытный человѣкъ актъ смерти. Но человѣческій разумъ въ явленіи смерти долженъ былъ открыть и другую сторону, болѣе внутреннюю. Помимо акта смерти нужно было еще объяснить таинственную силу, производящую самый этотъ актъ; объяснить-же себѣ эту силу младенческое сознаніе народа могло не иначе, какъ представивъ ее себѣ въ какомъ либо видимомъ образѣ. Изъ такихъ видимыхъ образовъ смерти малорусская похоронная причеть сохранила лишь указаніе на образъ смерти: птицы. Вотъ нѣсколько выраженій изъ малорусскихъ плачей, представляющихъ, по моему мнѣнію, слѣды первобытнаго воззрѣнія на смерть:

«Коли буде зозуля кувати, я буду ей питати: чи не бачила моеи неньки ридненькои? Скажи ій, зозуленько, якъ мни тошно, якъ мни гирко безъ неньки жити [2]).

На порози стояла,
Зозуленька кувала,
А я жъ про свого братика
Въ ней питала:
—Чи не бачила мого братика и проч. [3]).

Да соловеечки будутъ щебетати, а я буду прислухатись, чи не до мене йде моя вирная дружина на пораду [4]).

Будуть пташками тамъ (т. е. на томъ свѣтѣ) литать, а мы будемо питать: чи не бачили нашои матуси дорогои? [5])

Во всѣхъ приведенныхъ здѣсь мѣстахъ изъ малорусскихъ причитаній птицамъ приписывается способность приносить вѣсти съ того свѣта. Такая способность тѣсно связана съ вѣрою въ вѣщихъ птицъ вообще, такъ распространенною у различныхъ народовъ и представляющею остатокъ глубокой старины [6]). Птицамъ приписывается спо-

[1]) Метлинскій, стр. 293; Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 701; Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 93).

[2]) Метлинскій, стр. 293.

[3]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 703.

[4]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 183, № 1.

[5]) Ibid., стр. 184, № 2.

[6]) См. Аѳанасьевъ, т. I, стр. 508; Шерцля, Начало религій и слѣды монотеизма въ язычествѣ, Православное обозрѣніе. 1884 годъ, октябрь, стр. 294—295.

собность предсказывать смерть и приносить вѣсти съ того свѣта потому, что самая смерть представляется въ образѣ птицы. Вотъ почему я и считаю приведенныя выше выраженія малорусской причети за указанія на образъ смерти-птицы. Что касается другаго, болѣе поздняго образа смерти—антропоморфическаго, то въ извѣстныхъ мнѣ образцахъ малорусскихъ плачей нѣтъ указаній на него; но что у малороссокъ этотъ образъ существуетъ, доказываетъ I т. Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи, гдѣ мы находимъ различные антропоморфическіе образы смерти: она представляется то тощею женщиной-старухой, то женой въ бѣлой рубахѣ, съ распущенными волосами, то человѣческимъ скелетомъ, съ косою въ рукахъ [1]).

Умирая человѣкъ теряетъ внутреннюю силу, которая оживляла его. Эта сила называется *душою*. Народъ не могъ оставить безъ вниманія и эту вторую часть человѣческаго существа, имѣющую такое важное для него значеніе. Онъ долженъ былъ высказать свое воззрѣніе и на нее.

Извѣстно, что у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ существуетъ представленіе души въ образѣ вѣтра, на что указываютъ самыя названія души, сохранившіяся въ языкахъ этихъ народовъ [2]). Помимо вѣтра душа представлялась еще въ образѣ дыма или пара, облака, огня звѣзды и пр. Изъ этихъ многочисленныхъ образовъ души малорусское «голосіння» не знаетъ ни одного; есть только весьма незначительные слѣды воззрѣнія, по которому она сближалась съ звѣздою, огнемъ и т. п. Объ этихъ слѣдахъ я скажу ниже, когда поведу рѣчь о воззрѣніи на мѣсто загробнаго міра; а теперь упомяну еще объ одномъ вѣрованіи, весьма распространенномъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и встрѣчающемся въ малорусской причети, вѣрованіи, по которому душа по смерти человѣка можетъ принимать на себя образы различныхъ животныхъ. Изъ всѣхъ имѣющихся у меня подъ руками образцовъ

---

[1]) Ibid., стр. 217—219.

[2]) Сравн. сл. душа, лит. dausa, лат. spiritus, spirare (дуть и дышать), anima, animus, гр. ἄνεμος (вѣтеръ и душа), πνεῦμα и πνέω, ψυχή (=душа) и ψύχειν (дуть), санкр. âna (душа) и anila (= вѣтеръ) образованы $\sqrt{}$ an. Такая-же тѣсная связь между понятіями души и вѣтра существуетъ и у народовъ не-индоевропейскихъ. Такъ kum. kih означаетъ и дуновеніе и душу, еврейское nefeš и rûach—вѣтеръ и душу и пр. (См. Шерцая, ibid., стр. 275).

малорусскихъ причитаній я нашелъ указаніе на подобнаго рода вѣрованіе только въ одномъ плачѣ дочери по матери. Плачъ этотъ записанъ въ г. Нѣжинѣ черниговской губерніи.

Дочь спрашиваетъ мать-покойницу, когда она къ ней въ гости прійдетъ и какъ:

Да коли ты до мене въ гости прибудешъ, да чи ты итти-мешъ, чи летитымешъ, чи плеститимешъ? *Утонькою плестимешъ, буду ряску розгонати, зозулею будешъ летиты, сады буду росхилати, дорогою итимешъ, буду дорiженьку промитаты, буду и воритички одчиняты* [1]).

Позволю себѣ сопоставить съ этимъ слѣдующія мѣста изъ плачей великорусскихъ:

Покажись-приди, надежная головушка,
Хоть съ-подъ кустышка приди да сѣрымъ заюшкомъ,
Изъ подъ камышка явись да горносталюшкомъ...
Хоть съ погоста прилети да черной галочкой,
Перелетной покажись да малой пташечкой...
Хоть съ чиста поля явись ясным соколомъ,
Со темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
Хоть съ глубокихъ озеръ сѣрой утушкой [2]).

Способность оборачиваться, т. е. принимать всевозможные образы, нѣкоторыми изслѣдователями народныхъ произведеній (Афанасьевъ) считалась исключительнымъ свойствомъ мертвецовъ, что едва-ли вѣрно [3]). Оборачиванье-же въ частности въ *утку и зозулю* [4]) разбираемой причети можно объяснить миѳическимъ выраженіемъ вообще въ образѣ птицы-вѣтра [5]). Тутъ такимъ образомъ мы встрѣчаемся съ воззрѣніемъ, по которому душа переходитъ въ вѣтеръ

[1]) Записано въ Нѣжинѣ ученицей гимназистьой Кл. Пирожниковой.

[2]) Барсовъ, Причитанія, т. I, стр. 19, 19—21; 65, 29—21; 171, 71—74

[3]) См. О. Миллера, Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, ч. I, стр. 94, примѣчаніе 2.

[4]) О символическомъ значеніи этихъ птицъ въ малорусской поэзіи см. Объ историческомъ значеніи русскаго народнаго права, Н. И. Костомарова, стр. 67 и 84 и друг.

[5]) Въ отдѣльные вѣка язычества молніямъ придавался миѳическій образъ червя, гусеницы, а вѣтрамъ птицы». Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія. Сл. на пр., т. III, стр. 214 и др.

и носится вмѣстѣ съ нимъ, т. е. съ воззрѣніемъ, сотвѣтствующимъ вѣтрамъ Ведъ-*Марутамъ*, въ которыхъ толкователи Ведъ видятъ души усопшихъ [1]).

Одухотворяя всю природу, перенося на нее свои психическіе процессы (антропопатизмъ) и даже формы своей жизни (антропоморфизмъ), первобытный человѣкъ долженъ былъ надѣлить жизнью и бездыханный трупъ. Въ самомъ дѣлѣ, если все окружающее человѣка жило своею жизнью, то отчего-бы также не жить своею особою жизнью и трупу покойника? Сильно развитой у первобытнаго человѣка инстинктъ жизни не мирился съ мыслью о конечномъ уничтоженіи послѣ смерти, и вотъ явилось воззрѣніе, что со смертью жизнь земная не прекращается, но только принимаетъ новыя формы.

На существованіе подобнаго воззрѣнія указываютъ погребальные обряды какъ древнихъ народовъ, такъ и современныхъ дикарей.

Что касается малорусской причети въ частности, то и она сохранила слѣды подобнаго вѣрованія. Прежде всего самое названіе гроба, куда полагаютъ трупъ умершаго, въ малорусскомъ языкѣ весьма характерно. Такъ въ причитаньяхъ гробъ называется *хатой* [2]), иногда съ присоединеніемъ эпитетовъ *смутна* и *не весела*:

Охъ, моя дочечко! Та чого-жъ це ты таку хату забажала, смутну та не веселу [3]). Замѣчательна просьба, съ которой обращаются къ сосѣдямъ и дальнимъ родственникамъ, приглашая ихъ сдѣлать гробъ и вырыть могилу для умершаго. Поздоровавшись, обыкновенно говорятъ: «Прійдить, будьте ласкави, до насъ, та поможете построить моему батькови (чи тамъ матери) *нову хату; не схотивъ у старій жить*. Другое не менѣе характерное названіе гроба—*домовина*.

Изъ указаннаго ясно, что смерть считалась только переходомъ къ новой жизни, или, говоря языкомъ причети, переходомъ въ *нову хату*. Подобнаго рода воззрѣніемъ, очевидно, руководствовались при постройкѣ гробовъ въ древнее время: эти гробы, какъ показали раскопки кургановъ, имѣли видъ домика или шатра, смотря по тому, принадлежитъ-ли курганъ осѣдлому племени, или кочевому [4]).

---

[1]) Ор. Миллеръ, Опытъ .., стр. 94.

[2]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 706.

[3]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 186, № 1.

[4]) Шейковскій, Бытъ подолянъ, вып. 2, стр. 5.

Если покойникъ переходилъ только въ новый домъ и начиналъ только новую жизнь, то надо было позаботиться, чтобы эта жизнь была спокойна, чтобы въ новомъ домѣ не было ни въ чемъ недостатка. Отсюда возникло обыкновеніе полагать въ гробъ вмѣстѣ съ умершимъ различные предметы. Изъ имѣющихся подъ руками данныхъ мы узнаемъ, что въ Малороссіи въ гробъ кладутъ *деньги*, чтобъ окупить мѣсто [1]), *ладонъ* [2]) и *макъ*, если умершая—старуха, имѣющая внуковъ, «щобъ було чимъ на тимъ свити онукивъ обсыпать, якъ прыйдуть йсти просить» [3]). Кромѣ того сюда нужно присоединить *поминки* [4]) и причитанья, съ которыми обращаются къ могилѣ: чи чуете вы, мій батеньку и моя матусенько? Чи вамъ тамъ лучче, чи намъ тутечки? [5])

Тоже вѣрованіе сказывается и въ слѣдующихъ вопросахъ, съ которыми обращаются къ умершимъ: доню моя, голубонько! да куды-жъ ты одъ мене одряжаешься? [6]) или: куды-жъ це ты йдешъ, мене покидаешъ? [7]) Особенно это ясно выражено въ слѣдующихъ словахъ плача матери по дочери: иди, мое дитятко, *въ далеку дорогу* и пр. [8]). Ясно, что трупъ существа близкаго оплакивали; но плачъ этотъ былъ не надъ окончательно погибшимъ, а только надъ *отправившимся въ далекій путь*.

Если живые старались устроить какъ можно покойнѣе жизнь умершихъ въ новомъ жилищѣ, то и умершіе съ своей стороны должны были отвѣчать имъ выраженіемъ благодарности и расположенія. Разъ живые ходятъ къ покойнику на могилу съ различными приношеніями [9]), то и онъ долженъ явиться въ гости къ нимъ. Отсюда съ одной стороны вопросы, которые задаются покойнику почти въ каждомъ плачѣ: изъ якои стороны и коли намъ тебе въ

[1]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 702 и 710.

[2]) Въ борзенскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи, сообщилъ ученикъ И. Локоть.

[3]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 708.

[4]) Труды, т. IV, стр. 710; Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 119—126.

[5]) Терещенко, ibid., ч. V, стр. 30.

[6]) Записано въ Нѣжинѣ ученицей Кл. Пирожниковой.

[7]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, 183, № 3.

[8]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, ibid., стр. 186, № 3.

[9]) См. Радуницы у Терещенка, т. V, стр. 27 и др.

гости ждати?[1]) или: скажы-жъ мени теперъ, коли-жъ ты до мене въ гости прыйдешъ? колы-жъ мыни столы застиляти да коли-жъ мыни тебе ждати?[2]), съ другой—вѣра въ возможность передавать поклонъ раньше умершимъ покойникамъ и надежда получать отъ нихъ вѣсточки. Такъ мать, обращаясь къ сыну-покойнику, говоритъ: понеси-жъ ты нашъ поклонъ дидови й баби[3]). Впрочемъ, должно замѣтить, что надежда на полученіе вѣсточки отъ умершихъ родственниковъ часто подрывается въ малорусской причети скептицизмомъ. Вы часто встрѣчаемся съ такими или подобными имъ выраженіями: видтиля не йдуть, письма не шлють й словесно не перекажуютъ[4]).

Достаточно, какъ кажется, подкрѣпивъ фактами, взятыми изъ малорусскихъ причитаній, высказанную выше мысль о существованіи въ нихъ вѣры въ продолженіе жизни и за гробомъ, перейду къ воззрѣнію на мѣсто, гдѣ будетъ происходить эта новая жизнь.

Задаться вопросомъ, гдѣ помѣщается новая обитель усопшихъ, и такъ или иначе рѣшить его необходимо нужно было народу, разъ онъ вѣрилъ, что жизнь происходитъ (хоть и въ иныхъ формахъ) и за гробомъ.

Малорусскія причитанья даютъ различные отвѣты на вопросъ о локализаціи новаго жилища отшедшихъ въ вѣчность предковъ. Такъ мать, оплакивая свою безвременно скончавшуюся дочь—невѣсту, причитаетъ: Богъ тебя взялъ, да будетъ Его святая воля! Молись у Него за меня грѣшную!.. Ты уже не здѣсь, а *тамъ. тамъ живешь* со святыми[5]).

Изъ этихъ словъ плача мы узнаемъ, что загробный міръ помѣщается у Бога. Подобное рѣшеніе вопроса о локализаціи загробнаго міра надо считать явленіемъ позднѣйшаго, христіанскаго времени. Древнѣйшаго-же воззрѣнія, бывшаго нѣкогда на мѣстѣ только что указаннаго, мы, къ сожалѣнію, не находимъ въ извѣстныхъ до сихъ поръ образцахъ южно-русскихъ причитаній. Это древнѣйшее

[1]) Метлинскій, южно-русскія народн. пѣсни. стр. 293.

[2]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 183, № 1, 184. № 1, 185, № 3, 186, № 2 и 187.

[3]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. 185, № 2.

[4]) Ibid., стр. 183, № 3, 185, № 3.

[5]) Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 90.

воззрѣніе состояло въ томъ, что умершіе отправляются въ область великаго неба, въ сообщество солнца и звѣздъ. Предполагать такое именно древнѣйшее воззрѣніе малорусской причети на мѣстопребываніе умершихъ даетъ мнѣ право великорусская похоронная причеть, родная сестра причети малорусской, въ которой находимъ рядомъ стоящими оба воззрѣнія—и древнѣйшее, въ малорусской причети отсутствующее, и позднѣйшее [1]).

Предполагая нѣкогда существовавшимъ въ малорусской причети подобное воззрѣніе на страну умершихъ, я и сказалъ выше, что въ разбираемыхъ причитаньяхъ сохранились указанія на вѣрованіе, считающее душу звѣздою и огнемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если малорусская похоронная причеть подставила указанное воззрѣніе на страну мертвыхъ на мѣсто древнѣйшаго, сказывающагося хоть въ слѣдующихъ словахъ плача великорусскаго:

Пріубрался свѣтъ—надежная головушка
Къ красну солнышку на приберегушку,
Къ свѣтлу мѣсяцу на придрокушку [2]),

то отчего-же не предположить, что въ ней было и воззрѣніе на душу, соотвѣтствующее указанному только что воззрѣнію на міръ загробный. Вѣдь отправленіе души въ область краснаго солнца и свѣтлаго мѣсяца объясняется только воззрѣніемъ на ея существо. Признаніе въ душѣ силы свѣта и теплоты, представленіе ея огнемъ, звѣздою—все это неизбѣжно вело къ тому, чтобы мѣстомъ жилища душъ считать небо, воздушную сферу, гдѣ движутся небесныя стада—облака, гонимыя воющимъ вѣтромъ и освѣщаемыя блескомъ молній и небеснымъ огнемъ [3]). Таково объясненіе древнѣйшаго воззрѣнія на страну мертвыхъ.

Что касается воззрѣнія позднѣйшаго, смѣнившаго это древнѣйшее, то ясно, что оно возникло тогда, когда источникомъ свѣта сталъ считаться Богъ, а область небеснаго моря Его царствомъ [4]).

[1]) См. мою ст. въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, т. XIII, стр. 255, 256.

[2]) Барсовъ, Причитанья, т. I, стр. 33, 35, и др.

[3]) Аѳанасьевъ, Поэтическое воззрѣніе славянъ на природу, т. I, стр. 62; т. III, стр. 192, 206, 208.

[4]) Такое рѣшеніе вопроса о локализаціи загробнаго міра могло сложиться у народа и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ апокрифическихъ сочиненій, гдѣ есть указанія на пребываніе душъ у Господа. Такъ въ «Павловомъ видѣніи» душу праведн-

Съ другой стороны загробный міръ помѣщается на землѣ, въ въ могилѣ, куда опускается гробъ. Жена, представляя себѣ бѣдствія, ждущія ее самую и ея дѣтей послѣ смерти мужа, высказываетъ желаніе удалиться изъ этого міра вмѣстѣ съ покойникомъ и проситъ его взять ее съ собою:

Ой прійми-жъ мене до себе
У сирую землю! [1])

Еще яснѣе высказывается то-же воззрѣніе въ словахъ дочери, оплакивающей мать. Спросивъ мать—покойницу: куды-жъ ты йдешъ,— дочь какъ-бы въ отвѣтъ продолжаетъ: яма глыбока... Туды витеръ не завіе, сонце не пригріе [2]). Тутъ мы, такимъ образомъ, встрѣчаемся съ воззрѣніемъ, по которому душа пребываетъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ устроенной для нея *домовинѣ*. Подобное воззрѣніе не менѣе древне, чѣмъ и то, по которому душа отправляется въ надзвѣздный міръ [3]).

Въ заключеніе замѣчу, что малорусская причеть и вообще преданія малорусскаго народа не даютъ намъ никакихъ указаній на тотъ образъ загробнаго міра, который-бы напомнилъ намъ образъ, рисуемый первобытнымъ человѣкомъ [4]). Записанныя г. Чубинскимъ воззрѣнія малорусскаго народа на рай и адъ [5]) кратки и носятъ на себѣ слѣды вліянія воззрѣній христіанскихъ.

Этимъ я и заканчиваю настоящую статью, посвященную изслѣдованію малорусской похоронной причети. Сдѣланное обозрѣніе предлагаемаго сю матеріала должно привести насъ къ тому заключенію, что главныя, основныя воззрѣнія малорусскаго народа на смерть и жизнь вполнѣ соотвѣтствуютъ подобнымъ-же воззрѣніямъ не только всѣхъ славянскихъ народовъ, но и нѣкоторыхъ народовъ индоевропейскихъ.

Азовъ,
1885 г., іюля 12.

С. Брайловскій.

ника ангелъ возноситъ на небо. Въ вопросахъ Іоанна Богослова о живыхъ и мертвыхъ находится такой вопросъ: «Камо идетъ душа праведнича? Чадо, не слыша-ли Давида глаголяща: душа ихъ во благихъ водворится Господеви, и сѣмя ихъ наслѣдитъ землю? Чадо, не посидѣвши, душа праведнича идетъ къ Господу (Памятники старинной русской литературы, вып. III, стр. 115, 130.

[1]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 704.

[2]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XII, стр. № 2.

[3]) См. Котляревскаго, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 178.

[4]) См. Тейлоръ, Доисторическій бытъ человѣчества, 1868 г., стр. 401.

[5]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. I, стр. 195.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1].

VIII.

Вызванные траги-комическимъ приключеніемъ съ Олесею толки и пересуды мало по малу затихали, а далѣе и совсѣмъ были забыты, какъ забыты послѣдовавшій затѣмъ турецкій походъ, и голодный 30-й годъ, и комичное на взглядъ народный польское возстаніе. Строгія мѣры, принятыя потомъ противъ польскихъ пановъ, пробудили на время въ украинскомъ населеніи и духовенствѣ неясныя надежды на ослабленіе польскаго гнета, но этимъ надеждамъ суждено было осуществиться еще весьма нескоро. Протекло немало лѣтъ, пока духовенству блеснулъ первый лучъ надежды на улучшеніе его приниженнаго и бѣднаго положенія. Семья Моссаковскихъ увеличивалась съ году на годъ, исключительно почти дочерьми, и заставляла не разъ о. Харитона и Оницю задуматься надъ судьбою подростающихъ дѣтей, когда и собственное хозяйство и натуральная помочь прихожанъ, и ихъ грошовыя приношенія едва давали возможность сводить концы съ концами, при всей простотѣ ихъ жизни и незатѣйливой обстановкѣ. Какъ ни ничтожна была тогда потребность въ образованіи женской половины духовенства, но и о. Харитонъ понималъ, что нельзя ограничиться однимъ обученіемъ церковно-славянской грамотѣ и что надо-бы дать дочерямъ какую-то *эдукацію*, какъ говорило вокругъ самое мелкое шляхетство. Въ чемъ

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., августовск. кн., стр. 631—681.

могла состоять эта эдукація, этого онъ и самъ не постигалъ, но только смутно соображалъ и на примѣрахъ видѣлъ, что есть разница между тѣми дочерьми священниковъ, которыхъ отцы отдаютъ въ науку разнымъ шляхтянкамъ и тѣми, что ростутъ на волѣ, какъ его Онися, и что за эдукованныхъ поповенъ охотнѣе сватаются богословы—семинаристы. Въ этомъ заключалась смутная его надежда пристроить дочерей, когда придутъ въ возрастъ; но всѣ мечты его на этотъ счетъ разлетались въ прахъ, когда онъ оглядывался на свое бѣдное хозяйство. Вдругъ, въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, прошелъ глухой слухъ, что священникамъ хотятъ назначить жалованье. Слухъ то возобновлялся, то затихалъ и даже совсѣмъ предавался забвенію. Старшей дочери Моссаковскаго минулъ тринадцатый годъ, а она еще и азбуки не знала. Будь, что будетъ, думалъ о. Харитонъ, а надо хоть самому учить, и онъ усадилъ свою Настуню за грамотку, т. е. церковно-славянскій букварь. Наука шла медленно, какъ всякое неосмысленное дѣло, и составляла истинную пытку для рѣзвой Настуни. Разъ какъ-то сидѣла она надъ грамоткою и твердила: *тма, мна, здо, тло, тыю, ныю, тлю, тля*, въ то время, когда мать, перегнувшись до половины въ глубокій сундукъ, съ ожесточеніемъ переворачивала тамъ сувои полотна.

— И що воно, тату, оце *тлю, тля?* спрашивала дочь сидѣвшаго подлѣ нея отца.—Таке смишне...

— Эге, це бачъ не при насъ писано, отвѣчалъ о. Харитонъ. А отъ якъ насъ вчили, то все було приказують: *тыю, ныю, тлю, тля*—иззивъ вовкъ жидивське теля. Такъ се бачъ отъ противъ чого воно написано!

Настуня ничего, конечно, не могла понять изъ предложеннаго объясненія, но самое сопоставленіе и напоминаніе о томъ, какъ волкъ съѣлъ теленка у жида, очень ее разсмѣшило, и она громко захохотала; засмѣялся и о. Харитонъ, довольный своимъ объясненіемъ того, «противъ чого воно тамъ написано».

— И чого то вы регочитесь, глухо отозвалась изъ сундука Онисія Степановна.

— А якъ же, мамо, не сміятись? коли воно таке смишне, отвѣчала дочь, продолжая хохотать.

— Що-жъ тамъ таке смишне? спросила мать, высунувшись изъ сундука, и повернулась къ дочери.

— А якъ же, мамо, отвѣчала Настуся. Оце я читаю *тлю, тля*, а тато примовляють: иззивъ вовкъ жидивське теля.

— Атъ! нема твоему татови чого робыти, то выдумуе, замѣтила на это Онисія Степановна, сама едва удерживаясь отъ смѣху, и обратясь къ мужу, прибавила:

— Нема въ тебе роботы, то пишовъ-бы на тикъ, та подивився-бъ, чи вже намолотили хочъ на насиння.

— Якъ нема роботы! съ живостію возразилъ о. Харитонъ. А це-жъ хиба не робота? Отъ сижу та проказую.

— Та ка-зна-що росказуешь, добавила полушутя Онисія Степановна.

— Якъ ка-зна-що? оправдывался о. Харитонъ. А же-жъ и насъ такъ учили. Ца те воно наука.

— Така вже тамъ и наука. Мучилась и я колись надъ тою граматкою та часловцемъ, а выросла, то за роботою та письмями геть чисто забула. Отъ якъ-бы завдати нашу Настю до якои пляхтянки, хоть-бы до сеи Шемплиньскои, що въ Богуслави, то инша ричь. Навчила-бъ шити и вышивати, ще й танцювати, и якъ до людей обертатись и съ ними обходитись. Добре, кажуть, учить. Прыйме якого стовбура, отъ хочъ-бы съ Псаёкъ о. Прокопа, а побуде вона въ неп рикъ, чи два, зовсимъ инакше выглядае: вмie выйти до свитлыци, до гостей привитатись и до ихъ що промовити. А то що тамъ те *зде, тло*?

— То правда, Онисія Степановна, але на це треба грошей, а де ихъ въ Бога взяти?

— Аже-жъ кажуть, буде якесь тамъ жалуванія.

— Вже третій рикъ говорять, а до сёго часу нема. Мабуть и не буде.

— А мени здаеця, що скоро вже буде, бо отъ жидъ въ Богуслави набивався мени съ своимъ товаромъ. Визьмить, каже, наборъ, а якъ дадуть вамъ жалуванія, то тоди оддасте. Инши, каже, батюшки вже й квитки намъ подавали, то не треба буде имъ хлопотатись за тимъ жалуваниямъ, сами у благочинного поберемо.

— Э, що тамъ жиды росказують! Имъ абы гроши. Не буде жалуванія, то й такъ мусять оддати ти, що квитки подавали. Жиды це добре знають.

— Та вони все знають: де що зробиця, або хто вмре, чи хто яку парафію зайнявъ, чи кого въ манастырь засадили, то все попередъ усихъ знають и всимъ росказують.

— Та то правда, але тутъ не така справа. Де столиця, а де якій Гершко, або Янкиль зъ своею крамницею.

— Отъ-же побачишъ, коли не моя правда буде. Не дурно-жъ паны и люди вже говорять, що теперь попы забагатіють.

— Та то имъ жиды набрехали, а вони й вирять.

— Нехай жиды, а все таки моя правда буде. Ось побачишъ.

— Та вже-жъ побачимо, якъ хто живый того дижде.

— Це ты такъ, якъ той каже: не буду дивиця, нехай козыридя.

Такъ препирались между собою Описія Степановна и о. Харитонъ, не разъ, порознь и вмѣстѣ, мечтавшіе о томъ, какой переворотъ въ ихъ жизни должно произвести давно ожидаемое назначеніе жалованья. На этотъ разъ ихъ мечты одинаково разогрѣвало желаніе отдать дочь въ науку въ Богуславъ, но теперь Описія Степановна говорила прямо, какъ думала и соображала, а о. Харитонъ наоборотъ казался не вѣрующимъ своему близкому счастью и старался разувѣрить и свою жену. Вдругъ на дворѣ залаяли собаки, потомъ что-то затопало въ сѣняхъ, и въ свѣтлицу вошелъ длинноногій пономарь изъ с. Шандры, обносившій *курсорію* по благочинію. Поклонившись почтительно хозяевамъ, онъ молча вынулъ изъ бывшей у него въ рукахъ тряпицы, своего рода портфеля, какую-то, отчасти затасканную, въ четверо сложенную бумагу и съ радостною улыбкой направился подъ благословеніе къ о. Харитону.

— А що це буде? Що доброго вы намъ принесли? привѣтливо спросилъ пономаря о. Харитонъ, принимая изъ рукъ его бумагу.

— Та вже таке добре, що лучшого николи не було и не буде, сказалъ, весело осклабляясь, пономарь.

— Ой-же! Що-жъ воно таке? Чи не жалуванія, може? тревожно спросилъ о. Харитонъ, раскрывая дрожащими руками бумагу.

— Такъ воно и есть, отвѣчалъ пономарь, разносившій радостную вѣсть по благочинію и раздѣлившій уже свою и общую радость не съ однимъ изъ батюшекъ и своихъ собратій.

— Описіе Степановно! чи чуете? воскликнулъ изумленный о. Харитонъ.

— А я тобі казала? А чія правда, а чія правда? А бачь, а бачь! заговорила Описія, схватившись со стула и дрожа отъ радости.

— Хвалити Господа милосердного, дождались мы Его святои ласки! продолжалъ благовѣстникъ пономарь, чуть не въ десятый

разъ въ одной и той-же формѣ выражавшій обуявшую его и всѣхъ радость.

— А що? А бачъ? А я тоби казала..., перебивала его Онися, подбѣгая къ мужу и щупая бумагу, какъ-бы желая самымъ прикосновеніемъ удостовѣриться въ томъ, что ея и общія мечты и ожиданія наконецъ сбылись.

— Та постій! прерывалъ ее о. Харитонъ; дай прочитаю. Може воно ще й не зовсимъ такъ.

— Де вже воно не такъ, тараторила Онися. Казала тоби, що коли вже жиды, та и люди...

— Та ще й якъ! перебилъ ее въ свою очередь пономарь. Більшъ якъ за два роки разомъ...

— Якъ-то? вскрикнула Онися. Це-бъ то...

— Та постій, кажу тоби. Дай прочитаю! прервалъ опять о. Харитонъ.

— Та такъ, батюшечка, одъ того часу, якъ воно призначено те жалуванія, говорилъ досконально знавшій дѣло пономарь.

— Але-жъ бо почкайте, нехай я на свои очи увирюсь; тутъ мабуть все написано, возразилъ ему о. Харитонъ, уже давно развернувшій консисторскій указъ.

И онъ сталъ слово за словомъ, строку за строкой вычитывать длиннѣйшій указъ, заключенный въ одинъ многосложный періодъ, съ неизбѣжнымъ подъ конецъ: *Приказали*. По мѣрѣ чтенія румянецъ широко разливался по щекамъ о. Харитона, лице его принимало опредѣленный радостный видъ, онъ во-очію убѣждался, что предъ нимъ не сонъ, а чистая дѣйствительность. Въ указѣ ясно было сказано, что жалованье назначается со дня воспослѣдованія о семъ высочайшаго повелѣнія, между тѣмъ какъ именно около двухъ лѣтъ прошло въ собираніи всѣхъ нужныхъ свѣдѣній въ расписаніи приходовъ по классамъ, въ составленіи штатовъ, правилъ выдачи, вычетовъ въ пенсіонный капиталъ и проч. и проч. О. Харитонъ просмотрѣлъ приложенные къ указу печатные штаты епархіи и убѣдился, что его приходъ положенъ въ 5-мъ классѣ, что жалованья ему 120 руб. въ годъ. Онъ умственно прикинулъ, сколько причтется ему за прежнее время, и сообразивъ, что на ассигнаціи это дастъ около 1,000 р., въ неописанномъ восторгѣ и умиленіи воскликнулъ:

— Слава тоби, Господи! Слава тобѣ! Отъ це-жъ не будемо мы вже билше паньской ласки благати, не будемо й людямъ пастирятьси,

по церковцы, протягши руку, ходити та промовляти: «помилуй мя Боже, по вельцы, дай, Грицьку, мирку пшеныци!» Не будемо на лубяныхъ возахъ, та въ мутузяныхъ шлеяхъ ѣздити. Скидайте теперъ, Онисіе Степановно, намитку та плахту! Вберу я васъ, якъ паву, посажу на дзигличку, та й буду дивитись на васъ... И дочку одламо до пенсіи въ Богуславъ.

— Та ты лишь придивись, коли воно тамъ те жалуванія буде! Може ще якій рикъ мине, поки дадуть, остановила Онися разфантазировавшагося мужа.

— Ба ни, теперъ, поспѣшилъ сказать все знавшій попомарь, а о. Харитонъ, заглянувъ въ *курсорію*, т. е. циркуляръ благочиннаго, вычиталъ тамъ и день, въ который назначалось прибыть всѣмъ за полученіемъ жалованья, и окончательно увѣрившись во всемъ, сказалъ женѣ:

— Давайте-жъ намъ теперь, Онисю, доброго могорыча! и ласково попросилъ добраго вѣстника присѣсть.

Онися не замедлила принести водки и закуски. Выпили по одной, по другой, благословляли царя, синодъ, митрополита, поминали всѣхъ, кого только знали. Онися, взявъ первую чарку, перекрестилась большимъ крестомъ и, обращаясь къ иконѣ Господа Вседержителя, произнесла съ умиленіемъ:

— Господи, Господи! приполни оце цареви нашому, его жиночци и диточкамъ, чого тильки воны въ Тебе просятимуть.

— Дай Господи, дай Господи! повторяли, умиленно воздыхая, о. Харитонъ и гость.

— Отъ це вже третій день хожу, та пригадую соби, якъ то воно въ псалтыри читаецця: *благовѣстити день отъ дне спасеніе Бога нашого*, сказалъ попомарь, вынивая на прощанье.

— Истинно такъ. Се отъ самого Бога спасеніе наше! воскликнулъ въ заключеніе о. Харитонъ, благословляя и отпуская съ миромъ попомаря-благовѣстника.

Скоро наступилъ срокъ полученія перваго жалованья. Къ Балабухѣ съѣхались священники, дьячки и попомари со всѣхъ числившихся въ его благочиніи 18 церквей. Огромный дворъ Балабухи переполнился пріѣзжими и представлялъ собою родъ ярмарки, или точнѣе выставки самыхъ разнокалиберныхъ бричекъ, вилють до богуславскаго возка, набитыхъ сѣномъ или соломою, съ продырявленнымъ

иногда кузовомъ, съ проломаннымъ передкомъ, въ дышло и въ оглобли, убогой, въ большей части веревчатой упряжи, разномастныхъ и самаго различнаго роста лошадей съ цѣлымъ табуномъ стригуновъ и сосуновъ. Въ общемъ это была выставка убожества, простоты и даже просто неряшества. Промежъ бричекъ и лошадей торчали неуклюжія фигуры дьячковъ, пономарей, церковныхъ сторожей и просто хлопцевъ, отъ рала взятыхъ въ погоничи. Слышался говоръ людской, стукъ лошадиныхъ копытъ, ржаніе кобылъ и ихъ лошатъ. Батюшки входили и выходили, изъ раскрытыхъ оконъ благочиннической дома слышался веселый разговоръ, иногда дружный хохотъ. Собравшіеся батюшки обмѣнивались чувствами всѣмъ общей радости, смѣялись надъ прежнею своею бѣдою, толковали о томъ, кто что справитъ на полученныя деньги, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали наступленія раздачи жалованья. А Балабуха въ особой комнатѣ возился съ записями и кучками серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, разложенныхъ на огромномъ столѣ. Наконецъ онъ показался въ свѣтлицѣ и громко произнесъ:

— А що-жъ, панотци! Гроши готови, але попереду годилось-бы намъ до церкви пійти та благодарственный молебинь соборомъ одправить.

— Добре, добре! До церкви ходимъ, загудѣло все собраніе.

И скоро всѣ съѣхавшіеся пестрой гурьбой направились въ церковь. Молились усердно, горячо и громко воспѣли, какъ пѣснь побѣдную, *Тебе Бога хвалимъ* и многолѣтіе государю императору Николаю Павловичу и всему царствующему дому, всероссійскому синоду, кіевскому митрополиту и всему православному духовенству.

Когда молившаяся компанія направилась изъ церкви въ домъ благочиннаго, жиды густой толпой провожали ее до двора. Имъ хорошо извѣстно было, что значитъ это необычное собраніе духовенства, иные и просто заинтересованы были въ немъ и приставали по пути къ своимъ должникамъ, но получали подчасъ не совсѣмъ лестный отказъ.

Наступила наконецъ раздача жалованья. Балабуха предварительно заявилъ, что принятіе всей суммы изъ казначейства не обошлось безъ подарка казначею и другимъ чинамъ за труды имъ, и тѣмъ тонко намекнулъ, что и ему отъ получателей слѣдуетъ

также что либо за трудъ, не говоря уже о покрытіи общаго расхода въ казначействѣ.

— А що-жъ? Треба було дати, отозвался о. Прокопъ. Се-бъ-то, якъ пишеця десь: не обротиши, каже, устенъ вола молотящца. То то вже зъ кожного зъ насъ по часточци.

— Та й ще прикинемо, отецъ благочинный; бо, якъ кажуть, вмѣешь брати, то вмій-же й давати, сказалъ о. Мелхиседекъ.

— Такъ, такъ! заговорили другіе батюшки, а за ними и честное дяковство и пономарство.

Балабуха, поблагодаривъ собраніе, удалился въ свою комнату, усѣлся за большимъ столомъ и сталъ звать причты по классамъ приходовъ. Входившіе расписывались въ книгѣ, получали каждый свою часть изъ готовыхъ кучекъ впередъ сосчитанныхъ денегъ и откладывали тутъ-же въ пользу благочиннаго—священники по два, по три рубля, а причетники по полтинѣ. иные и по рублю. Священникамъ отсчитывалось жалованье серебряными рублями, а причетникамъ исключительно почти мѣдными гривнами и пятаками, такъ какъ казначей всучилъ Балабухѣ чуть не цѣлый возъ мѣди. Получившіе выходили, на мѣсто ихъ входили другіе. Батюшки припасли длинные, грубаго холста, «капшуки», дьячки и пономари забирали гривны и пятаки въ полы кафтановъ и даже торбы отъ овса. Въ свѣтлицѣ пересчитывались деньги, звенѣли мѣдь и серебро. На лицахъ считавшихъ мѣнялись то глубокая сосредоточенность, то неописанная радость.

Раздача кончилась. Балабуха съ удовольствіемъ замѣтилъ порядочную кучку рублей и мѣдяковъ, оставленныхъ въ пользу его, и тѣмъ охотнѣе пригласилъ своихъ сослужителей раздѣлить хлѣбъ-соль, а дьячкамъ и пономарямъ выслалъ въ кухню двѣ бутылки водки.

— Що-жъ намъ зъ цёго? съ недовольствомъ замѣтилъ одинъ изъ послѣднихъ. Нема чимъ и горла гаразъ промочить. Ходимъ лишь въ Галилею, це-бъ то до жидивъ, та по своему заньемъ могорычъ.

И толпа убогихъ доселѣ, а теперь внезапно разбогатѣвшихъ по своему причетниковъ хлынула на дворъ, пряча деньги, куда кто могъ, и разбрелась группами по жидовскимъ заѣздамъ, а батюшки остались запивать свою радость у благочиннаго. Одно смущало ихъ радостныя чувства: вмѣстѣ съ назначеніемъ жалованья, изданъ синодальный указъ, которымъ требы раздѣлялись на обязательныя и

необязательныя, и за исполненіе первыхъ предписывалось не требовать платы отъ прихожанъ. Это въ сотый разъ выдвинуло вопросъ о неравномѣрномъ назначеніи жалованья, т. е. гдѣ больше приходъ, тамъ и жалованье было больше, и наоборотъ въ приходахъ меньшихъ и меньшее назначалось жалованье.

— Треба намъ, началъ Балабуха, сей указъ строго сполнять, щобъ не було одъ людей наруги та скаргъ.

— Добре сполнять тому, въ кого парафія сыльна, замѣтилъ о. Петръ. Тому и за необязателни навидають стильки, що й до дому не донесе.

— Не по правди таки зроблено зъ цымъ жалуваннямъ, поддержалъ его о. Прокопъ. Я це й давно казавъ: въ кого й такъ багато, то тому ще билше...

— А же бачите, черезъ що то билше, прервалъ о. Прокопа благочинный. Въ кого билша парафія, въ того билше тихъ, бачте, обязателнихъ требъ, то винъ повиненъ билше трудитись безъ платы, черезъ те ёму и жалованія билше.

Вопросъ о неравномъ жалованьѣ разрѣшался теперь, «въ сходство указа», аподиктически. О. Тихонъ попробовалъ коснуться другой стороны дѣла. Онъ говорилъ:

— То-то-жъ заказано *требувать* за ти обязателни требы; ну, а якъ чоловикъ самъ дае, то хто-жъ не визьме? Даремне, здаетьця мени, то пишуть та приказують; бо хто-жъ схоче, щобъ я ёму даремне хрестивъ, винчавъ, або ховавъ? Якъ я за кого помолюсь, то то есть моя молитва, а хто мени на молитвы дасть, то то есть ёго жертва. Якъ-же могла бути тая жертва?..

— Розумне слово, замѣтилъ кто-то.

О. Мелхиседекъ пробовалъ возражать, указывая на то, что не вездѣ одинаково прихожане настроены въ этомъ дѣлѣ, предлагалъ даже въ замѣнъ безплатнаго исполненія обязательныхъ требъ возвысить плату за необязательныя; но о. Харитонъ, болѣе всѣхъ дорожившій добрыми отношеніями къ прихожанамъ, кротко замѣтилъ:

— Коли оце намъ полегшало, то треба, щобъ и людямъ легше стало.

Всѣ согласились съ о. Харитономъ; кто-то сказалъ какъ-бы про себя: «якось воно тамъ буде». Балабуха пригласилъ гостей къ столу. За обѣдомъ развеселившіеся батюшки много подшучивали другъ надъ другомъ по поводу расходовъ, какіе кому предстоятъ:

одинъ совѣтовалъ сосѣду купить самоваръ, вмѣсто мѣднаго чайника, другой—продать гончарамъ старую лѣнивую кобылу для безопасной перевозки горшковъ и въ замѣнъ купить лошадей у поссесора, тотъ—закрыть полученными въ додачу пятаками пробитый кузовъ брички, этотъ—пожертвовать постромки отъ шлей для колокольни и т. д. Всѣ веселились, ибо каждый видѣлъ теперь возможность, какъ говорится, «полатать старыя свои диры». Одинъ Балабуха смутно соображалъ, что ему едва хватитъ жалованья расплатиться съ жидами.

— А вамъ-бы, о. Харитонъ, варто булобъ проминять свою обичайку, та купить у якого пана каляску, сказалъ, обращаясь къ нему, о. Мелхиседекъ, намекая на крайне неприглядную и старую его бричку.

— А що вы думаете, не куплю? отвѣчалъ подкураженный о. Харитонъ. Отъ колибъ мени тильки оказію знайти, то й куплю, та ще до васъ тею каляскою и въ гости прыиду.

Всѣ разсмѣялись отъ такой рѣшимости черезъ чуръ скромнаго и крайне простоватаго о. Харитона.

Обѣдъ кончился. Батюшки разбрелись по лавкамъ покупать гостинцы женамъ и дѣтямъ, неся полные карманы денегъ. Жиды встрѣчали ихъ низкими поклонами и тащили за полы, каждый въ свою лавку. О. Харитонъ рѣшилъ набрать для своей Описи на платье такой-же матеріи, какую замѣтилъ на платьѣ благочинной, но плохо разглядѣвъ ее и вообще не зная въ этомъ толку, купилъ, что подсунула плутоватая жидовка. Довольный однако своей покупкой, о. Харитонъ пустился изъ города домой, постоянно ощупывая свои карманы. На дорогѣ догоняетъ его Баньковскій, бывшій уже теперь управляющимъ имѣніемъ графа Зазіемблы, лежавшимъ на пути въ Чайки. Баньковскій, какъ старый знакомый, съ обычною своею привѣтливостію, пригласилъ къ себѣ о. Харитона на медъ. Послѣдній не догадывался, что хитрый панъ такъ льстиво запрашиваетъ его къ себѣ не спроста, и охотно согласился; у Баньковскаго-же, при видѣ о. Харитона, возвращавшагося съ двухгодовымъ жалованьемъ, дѣйствительно блеснула мысль спустить ему свой старый, совсѣмъ негодный къ употребленію экипажъ. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ пригласилъ даже о. Харитона пересѣсть въ его нетычанку, а погоничу велѣлъ слѣдовать за ними. О. Ха-

ритонъ чувствовалъ себя удобно и легко и не скрылъ этого отъ Баньковскаго. Баньковскій обрадовался и повелъ искусно рѣчь:

— Або вамъ це соромъ їздити на тому вози, та ще й матушку свою возити? Вы теперъ багати, маете, за що справити и не таку, якъ оце моя, паточанку.

— Якъ ін въ Бога справити? смущенно отвѣчалъ о. Харитонъ. Де тихъ майстривъ шукати?

— То готову купить, подзадоривалъ Баньковскій. Я-бъ на вашимъ мисти не то паточанку, каляску купивъ-бы. Нехай-бы сусиды завидували.

— А де-жъ намъ тои каляски шукати? возразилъ о. Харитонъ. Якъ-бы яка оказія, та ще по близу, то може й купивъ-бы.

— Ничого й шукати; купить у мене. Въ мене есть добра каляска; звычайно не нова, але колись дужо коштовала. Зъ Кракова спроважена. Теперъ дешево отдавъ-бы. Далебукъ, купить! Заидете, побачите и якъ въ цини зійдемось, заразъ и отдамъ. Перепряжете свои кони, сядете, якъ граиъ, вкотите въ свій двиръ. то матушка и не влизнае васъ.

— Прыидемо, побачимо, отвѣчалъ нерѣшительно о. Харитонъ.

Скоро между тѣмъ они очутились во дворѣ Баньковскаго. Тутъ только, высаживаясь изъ нетычанки, о. Харитонъ почувствовалъ, что у него порядкомъ шумитъ въ головѣ послѣ благочинническаго обѣда. А Баньковскій, какъ только вошли въ комнаты, принялся усердно угощать о. Харитона. Выпили старки, угостились наливкой, закончили старымъ медомъ. О. Харитонъ совсѣмъ осовѣлъ. Баньковскій только этого и ждалъ, и тотъ часъ предложилъ смотрѣть экипажъ.

Экипажъ стоялъ въ сараѣ, и среди низенькихъ бричекъ и саней возвышался, какъ гора. На высокихъ загнутыхъ рессорахъ и огромныхъ колесахъ высоко поднимался запыленный кузовъ съ непомѣрно высокимъ верхомъ. Широкія крылья круто загибались и спускались чуть не до самой земли. Приступки были откидныя, въ нѣсколько ступенекъ, и доходили также почти до земли. Чтобы взглянуть на козлы, надо было порядочно поднять голову вверхъ.

При первомъ взглядѣ на такую махину, о. Харитонъ нѣсколько смутился.

— Це можно справди, подумалъ онъ, сею каляскою налякати Онисю, въихавши въ двиръ. Подумала-бъ, що архіерей прыихавъ.

— А, то ладный повозъ! хвалилъ свое добро Баньковскій. Спробуй, ксенже, яки-то подушки, яки пружины!

Отецъ Харитонъ полѣзъ въ экипажъ и съ непривычки такъ нырнулъ въ подушки, что только пыль поднялась столбомъ.

— А мягко сидити, неначе на перини, та ще щось трошки нибы гойдае, промолвилъ съ высоты о. Харитонъ.

— Э, якъ поидете, тоди загойдае! подзадорилъ Баньковскій. То такъ, якъ на крылахъ, якъ на гойдальци.

У о. Харитона разгорѣлись глаза; его въ особенности прельщала высота экипажа и мягкое сидѣнье. О прочности, легкости онъ не разсуждалъ; не то было въ его головѣ. О. Харитонъ вспомнилъ ѣдкую шутку Мелхиседека и свое, публично сдѣланное, заявленіе, и рѣшился купить коляску.

— А щобъ вы за нен взяли? спросилъ онъ Баньковскаго.

— Не дорого, не дорого, тотъ отвѣчалъ. Для пана ксіендза отдамъ за двѣстѣ злотыхъ, то значитъ тридцять рубливъ.

— Э, не варто! визмить двадцять пять, коли хочете.

— Буде мало, сказалъ было Баньковскій; но сообразивъ, что все равно придется отдать жидамъ въ ломъ за безцѣнокъ, замялся какъ-бы въ нерѣшительности.

— Та берить, повторилъ о. Харитонъ; добри гроши даю.

— Мало буде, повторилъ въ свою очередь Баньковскій, а глаза его говорили, что онъ только ломается.

— Та беритъ, громко сказалъ о. Харитонъ и съ высоты своего сидѣнья протянулъ руку къ Баньковскому.

— Ну, то такъ тилько для ксендза, бо я такъ пана ксендза шаную, закончилъ Баньковскій и, трепля по рукѣ о. Харитона, добавилъ:

— То еще для папа дамъ и хомоиты зе вписткимъ, тилько панъ додасть мнѣ за то три рубли.

О. Харитонъ безъ труда согласился на это. Ударили еще разъ по рукамъ и пошли запинать могорычъ.

Между тѣмъ Баньковскій велѣлъ очистить экипажъ и упряжь, перепречь лошадей о. Харитона и подъѣхать къ крыльцу. Когда о. Харитонъ, распрощавшись, вышелъ на крыльце, то снова какъ-бы задумался надъ своею покупкою: экипажъ казался ему цѣлымъ куре-

немъ, погоничъ торчалъ какъ-бы на вышкѣ, упряжь обвисла на маленькихъ лошадкахъ и сами онѣ напоминали не то овецъ, не то собакъ. Съ помощью Баньковскаго онъ взобрался на высокое, теперь открытое сидѣнье и утонулъ въ подушкахъ; подростокъ погоничъ съ высоты козелъ едва досталъ лошадей кончикомъ батога; лошадки понатужились, и громоздкій экипажъ, колыхаясь съ боку на бокъ, дребезжа и звеня, покатился по мягкой дорогѣ. Повѣялъ легкій вѣтерокъ и освѣжалъ уставшаго и подпившаго о. Харитона. Онъ оглянулся вокругъ себя и невольно почувствовалъ въ себѣ какую-то важность, достоинство, превосходство—предъ кѣмъ и чѣмъ, въ томъ самъ онъ не могъ дать себѣ отчета.

— Нехай завидують! думалъ про себя о. Харитонъ; а тымъ часомъ налякаю добре мою паниматку, и обратясь къ погоничу, громко сказалъ: а ты гляди мени, якъ въидемо въ двиръ, жени коней пидъ самисенькій ганокъ.

— Ой, батюшко, коли не всижу на цихъ коелахъ! Здается, отъ-отъ упаду, отвѣчалъ погоничъ съ своей *вышки*.

— Держись, якъ хочешъ, та мерщій поганяй, бо вечиръ близько.

Солнце закатывалось за гору. Онисія Степановна сидѣла съ дочерьми и все высматривала, не ѣдетъ-ли мужъ. Вдругъ съ горки на плотину быстро скатился экипажъ и повернулъ прямо ко двору.

— Що це воно таке завертае въ нашъ двиръ? промолвила Онисія Степановна: повозъ панській, а въ ёму сидить якійсь батюшка.

Погоничъ разогналъ лошадокъ и влетѣлъ въ ворота, но, не привыкши въѣзжать длиннымъ экипажемъ, зацѣпилъ заднимъ колесомъ за столбъ, ось подломилась, экипажъ грохнулъ и застрялъ въ воротахъ, а погоничъ на переднихъ колесахъ подкатилъ къ крыльцу, повисши, какъ ракъ, на высокомъ козелкѣ. О. Харитонъ барахтался въ упавшемъ на бокъ кузовѣ, застегнутомъ фартухомъ.

— Бый ёго сила Божа! Що це за диво? вскрикнула Онися, но увидѣвъ у воротъ своего мужа, силившагося вылѣзть и стать на ноги, бросилась къ нему на помощь.

— Що це за визъ и де винъ взявся? спрашивала Онися, держа мужа подъ руку и помогая ему высвободиться.

— Отъ це лихо несподиване! восклицалъ о. Харитонъ, разгибая спину и растопыривъ руки. Тай бисова ёго дитина оцей хлопець!

Тай хитрый-же той проклятый Баньковскій! Отъ тоби й каляска! Отъ тоби двадцять пять карбованцивъ!

— Схаменись! Що ты верзешъ? Якій Баньковській? Яки карбованци? Може ты грошы згубывъ, борони Боже? сыпала вопросами Онися.

— Якъ-бы згубывъ, то не такъ жалко було-бъ.

— Охъ, мени лихо! Щожъ я буду чипити, що буду казати? продолжалъ о. Харитонъ.

— Яке лихо? Та ты роскажи мени, що це за каляска и де ты ии взявъ. Роскажи, не мучъ мене, кричала Онися.

— Нехай уже вамъ хлопець роскаже, а мене вже хочъ быйте, хочъ лайте, нычого вамъ не скажу.

По требованію матушки, хлопецъ, какъ зналъ, разсказывалъ исторію пріобрѣтенія экипажа, а о. Харитонъ все голосилъ:

— И на чорта я до того брехуна запхавъ! И якій мене нечистый до его запись!

— Здуривъ на старисть, зовсимъ здуривъ, поучала его Онися, выслушавъ разсказъ хлопца. И де въ тебе той розумъ дився? Хто-жъ теперъ зведе й полагодить оцю машину? И на чорта вона намъ здалась! Двадцять пять карбованцивъ, та за упряжъ три, то то мало не сто рубливъ на погани, якъ-то кажуть, грошы!

Вошли въ комнату. Онися продолжала пушить мужа и сожалѣть о напрасно потерянныхъ деньгахъ.

О. Харитонъ сидѣлъ молча и уже не рѣшался поднести женѣ гостинецъ.

— А дежъ решта грошей? спросила наконецъ Онися. Дай сюды до рукъ, и высыпавъ на столъ изъ переданнаго ей мужемъ длиннаго «капшука» серебряные рубли, принялась считать и складывать ихъ въ кучки.

— Щось мало, замѣтила она, окончивъ счетъ. Не вси грошы. Мабуть пропывъ въ Богуслави.

— Боронь Боже! На могорычъ пишло всёго злотый, та благочинному давъ за труды два карбованци, та купивъ самоваръ, та трохи сахару й чаю, та ще купивъ вамъ, Онисіе Степановно, гостинця: набравъ вамъ на плаття такои самои матеріи, якъ у благочиннои.

При этихъ словахъ грозная доселѣ Онисія Степановна немного смягчилась и нѣсколько ласковымъ голосомъ спросила:

— А дежъ ти закупки? Може де погубивъ?

— Тамъ, душко, десь въ задку. Ось я пиду та принесу.

— Ой, дать-бы тоби по задку, шутливо проговорила Онися и пошла съ мужемъ разыскивать покупки въ торчавшемъ у воротъ кузовѣ коляски.

Вернулись въ домъ; зажгли свѣчку. Онися кинулась къ матеріи, развернула ее и распустила на рукѣ до самого полу. О. Харитонъ съ сладенькой улыбкой поднесъ свѣчку къ матеріи.

— Чи це воно на лице, чи мабуть на выворитъ? спрашивала Онися, присматриваясь къ матеріи.

Матерія была блѣдно-пепельнаго цвѣта съ мелкими блѣдно-желтыми цвѣточками, на легкомъ фонѣ которыхъ темными пятнами выдѣлялись причудливаго узора темно-зеленые листья, напоминавшіе прибитые морозомъ листья тыквы. Онися перевернула матерію на другую сторону и удостовѣрившись, что тамъ было лице, а здѣсь изнанка, взглянула еще разъ и со смѣхомъ отбросила на столъ.

— Та й набравъ-же ты доброго дива! воскликнула она.—Щось старе, або полынне. Мабуть жидивка вкрывалась цеею матерією зъ пивъ-року. А узоръ зовсимъ неначе хто на чирини насыпавъ высивокъ, та притрусивъ гнилымъ листямъ.

— Ей-же Богу, Онисіе, таку саму сукню носить благочинна и навѣть багати богуславськи жидивки, взболтнулъ о. Харитонъ.

— То це ты мене прирівнявъ до жидивокъ та до своеи поганои благочинноі? вскрикнула Онися.—Геть, бери ій, самъ носи, або благочинни подаруй. Стану я убиратись якоюсь рябою куркою.

— Коли-жъ така теперъ мода, робко отозвался о. Харитонъ.

— Добра мода! Вже й ты щось знаешь въ тихъ модахъ. Покинь вже! Пойду, та сама одвезу та переминю на щось инче, сказала Онися и прибавила тутъ-же: отъ тоби жалування! Пропало, що й радили.

Уже на утро работники сложили кой-какъ разломанную коляску и втащили въ сарай, гдѣ она служила прютомъ для несущихся куръ, пока захожіе изъ Богуслава жидки, скупавшіе всякое старье по деревнямъ, не купили ее въ ломъ за треть цѣны. Баньковскому впрочемъ не прошла даромъ продѣлка его съ о. Харитономъ, и Онисія Степановна глубоко была убѣждена въ томъ, что его самъ Богъ покаралъ за причиненную имъ обиду. Дѣло было такъ.

Баньковскій, хотя носилъ громкое титло жондцы, на самомъ дѣлѣ былъ не выше экономa въ большихъ имѣніяхъ. У графа Зазіембло имѣніе было небольшое; самъ онъ былъ скупъ и самъ смотрѣлъ за всѣмъ. Но онъ часто выѣзжалъ, и Баньковскій въ его отсутствіе спускалъ по немногу панское добро жидкамъ и деньги бралъ въ свою пользу. Какъ разъ въ эту пору, пользуясь отсутствіемъ помѣщика, Баньковскій тайкомъ запродалъ въ одно мѣстечко знакомому еврею нѣсколько четвертей помѣщичьей пшеницы и самъ отправлялъ ее на пяти возахъ чрезъ Ольшаницу за Рось. Но лишь только онъ проѣхалъ Ольшаницу, какъ на встрѣчу ему жидъ съ извѣстіемъ, что графъ невзначай возвращается домой по той-же дорогѣ и находится уже въ сосѣдней деревнѣ. Баньковскій повернулъ назадъ. Онъ могъ ускакать, но куда было дѣвать возы съ пшеницей? Графъ могъ ихъ настигнуть и тогда все открылось-бы. Что дѣлать? Куда дѣваться? Баньковскій бросился къ о. Харитону.

— Ой, ксепже, рятуйте! крикнулъ онъ, влетая въ комнату къ о. Харитону.

— Що тамъ таке? Може обламались въ дорози? спросилъ о. Харитонъ.

— Та де тамъ обламався! Тутъ таке дило, що може й самъ пропаду, якъ не порятуете мене.

И Баньковскій, горя отъ стыда, чистосердечно сознался въ своей продѣлкѣ о. Харитону и просилъ выручить его изъ бѣды.

— А чимъ-же я вамъ поможу? спросилъ о. Харитонъ.

— Тамъ, бачте, стоятъ возы за вашимъ дворомъ. Чи не можна у васъ переховати пшеницю на якій часъ?

— Душею радъ-бы зробить це для васъ; але якъ хто выявить, то й мени лихо буде.

— Атъ, хто тамъ выявить!

— А той самый жидъ, що вамъ сказавъ, то й грапови скаже. Вы не знаете тихъ жидивъ. А якъ самъ грапъ набижитъ, та знайде у мене, що тоди буде?

— Змилуйтесь, голубчику, порятуйте мене! вопилъ Баньковскій, хватая за руки о. Харитона. Куды хочте, диньте ту пшеницю.

— Хиба въ дзвиныцю, сказалъ о. Харитонъ, сжалившись надъ Баньковскимъ и выгораживая, хотя и неумѣло, себя.

— Истинно въ дзвиницю! вскрикнулъ отъ радости Баньковскій. Тамъ и самъ грапъ не посьмѣе шукати. Тильки якъ найскорише, бо отъ-отъ грапъ наскочить.

О. Харитонъ схватилъ ключи, чтобы вмѣстѣ съ Баньковскимъ идти къ колоколнѣ, гдѣ расположились возы, какъ вдругъ предъ ними появилась Онисія Степановна, взволнованная сколько нахальствомъ Баньковскаго, столько-же и податливостію своего мужа.

— Якъ-то! заговорила она гнѣвно, и возвысивъ голосъ.—Щобъ у насъ переховувалась крадена пшениця, та ще въ дзвиницѣ? Я того не позволю.

О. Харитонъ руки опустилъ, Баньковскій сталъ красный, какъ ракъ.

— Онисіе Степановно! началъ онъ, немного оправившись. Яка-жъ то крадена пшениця? То такъ, напродажъ, звычайно, панська. Але-жъ то тилько черезъ ничъ, завтра заберу.

— А вы думаете, я ничого не чула? Чула все.

— Але-жъ моя кохана, моя злота, моя дрога, змилуйтесь!

— Яка я вамъ кохана? Есть у васъ коханка, отрѣзала грубо Онися, намекая Баньковскому на Олесю. А злота та дрога, то може ваша коляска, що ниддурили нею мого чоловика. Подивиця па неи, оттамъ въ возовни потрощена стопть, а коли не важко на возахъ, то й заберить зъ собою, та гроши вернить. Стыдно такъ панамъ робити, людей ниддурювати!

Баньковскій понялъ, что ему нечего ждать услуги отъ разгнѣванной матушки, онъ не могъ также снести и сыпавшихся на него обличеній и рѣшилъ поспѣшить къ возамъ, чтобы не потерять дорогаго времени.

— А, якъ сіе пани на мніе такъ гніева, то южъ трудна рада, сказалъ онъ, чтобы скрыть свой стыдъ, и прибавивъ: бувайте здорови! побѣжалъ къ возамъ.

— А тоби чортъ-ма стыда й сорома пускать до себе съ крадеными, та ще въ дзвиницю! накинулась Онися на о. Харитона по уходѣ Баньковскаго.

— Коли-жъ чоловикъ бидкаеця, просить; якъ-же ёму не помогти?

— Бидкаеця... Злодій, ляхъ нечестивый, та ще й тебе ниддуривъ, гроши занапастивъ, засыпала Онися словами, какъ горохомъ. Баба ты плаксива! Ты-бъ, здаеця, й за жида душу оддавъ-бы.

О. Харитонъ рѣшился молчать, боясь возражать женѣ, и въ тоже время не чувствуя за собою вины, такъ какъ онъ просто хотѣлъ помочь человѣку въ бѣдѣ, а о томъ, что довело его до этой бѣды, не разсуждалъ. Иначе настроена была Онися: помимо всякихъ опасеній за укрывательство, ей и просто хотѣлось косвенно выдать Баньковскаго и тѣмъ отомстить ему за потерянныя на покупку коляски деньги. И дѣйствительно, Баньковскій тутъ-же попался. Не успѣлъ онъ повернуть возы отъ колокольни, какъ налетѣлъ графъ. Баньковскій придумалъ было какое-то объясненіе, но подводчики своими отвѣтами на распросы графа, болѣе по своей простотѣ, чѣмъ по злобѣ на Баньковскаго, выдали его. Графъ понялъ, въ чемъ штука, безцеремонно выбранилъ Баньковскаго и прогналъ его отъ себя. Онися торжествовала.

— Ото ёго Богъ за насъ покаравъ, ото ёму по ти правди! говорила она: не пиддурюй, не обманюй не крадь!

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, въ обстановкѣ окружнаго да и всего духовенства совершалась значительная перемѣна. Батюшки и матушки, заполучивъ деньги, какія и во снѣ имъ не снились, принялись «латать свои диры», производить тѣ или другія улучшенія въ своемъ домашнемъ быту: кто настилалъ полы, кто дѣлалъ пристройку къ дому, кто покупалъ нетычанку или иного названія бричку, на рессорахъ и безъ рессоръ, съ будкой и безъ будки; иные запасались къ зимѣ санями на подрѣзахъ, мѣняли упряжь, прикупали и вымѣнивали съ приплатой лошадей, пили шерстяныя, иные и шелковыя рясы, собачьи или волчьи шубы, бросали треухи изъ черныхъ или сивыхъ барашковъ и такія-же, высокія, съ плисовымъ дномъ и «пятакомъ» на немъ, шапки и пили новыя изъ темно-коричневаго плюша на подклейкѣ, на манеръ камилавокъ, оставляли въ небреженіи старыя, съ костяными, нерѣдко рѣзной работы, набалдашниками, предпочитая имъ новыя, укороченныя, московской продукціи, съ наперстниками аплике и даже чисто серебряными. Самыя закоренѣлыя въ старинѣ матушки снимали и прятали въ сундуки свои памитки и плахты, каноты и плиферки, намиста и дукачи, а дочери ихъ горсеты и стрички, и обзаводились ситцевыми и шерстяными сподницами и платьями, головными платками — «матерьянными» и шелковыми, а иные чепцами, преданными потомъ забвенію. Покупалась и обновлялась мебель и столовая по-

суда, выносились «оклоны» и «скрыни» и замѣнялись стульями и диванами, уменьшалось число иконъ и увеличивалось число картинъ. Много было шуму и толковъ, насмѣшекъ и пересудъ по поводу начавшейся теперь перемѣны: державшіеся старины осуждали тѣхъ, которые стремились къ новизнѣ, пока сами не сходили на тотъ-же путь, теперь облегченный назначеніемъ жалованья. Даже Онисія Степановна съѣздила въ Богуславъ, перемѣнила купленную о. Харитономъ матерію и сшила себѣ платье у жидка «по журналу» и «зъ мысомъ», а о. Харитонъ съѣздилъ въ Кіевъ на контракты и купилъ нетычанку на заднихъ рессорахъ, да лично для себя крытую сукномъ баранью шубу. Всѣ спѣшили удовлетворить свои ближайшія, неотложныя надобности, не думая о будущемъ, и лишь немногіе догадались и свезли оставшіяся крохи въ единственное тогда кредитное учрежденіе—кіевскую контору государственнаго банка.

Осчастливленные жалованьемъ батюшки и матушки понемногу улучшали свой бытъ и совершенствовались съ внѣшней стороны, не думая о томъ, что теряли они, отдаляясь отъ старины и прилѣпляясь къ новизнѣ. Что сдѣлано или пріобрѣтено, даже съѣдено, или выпито однажды, то незамѣтно входило въ привычку и вкусъ. Потребности умножались, возрастали, привычки крѣпли, а средства оставались тѣже и первоначальный запасъ ихъ давно истощился. Прихожане, зная и часто толкуя о жалованьѣ, умѣряли свое усердіе по части приношеній. Многіе изъ батюшекъ подъ разными предлогами давно прибѣгли къ возвышенію платы за требы, но это возбуждало противъ нихъ прихожанъ; послѣдніе громко говорили о томъ въ домахъ, корчмахъ и на ярмаркахъ. Одинъ о. Харитонъ держался давняго правила: что дадутъ, за все спасибо; но и онъ чувствовалъ, что и жалованья и доходовъ уже не хватаетъ. Онися что ни день приставала къ нему: накинь та накинь на требахъ, якъ по иншихъ селахъ. О. Харитонъ только рукой махалъ. Онися рѣшилась сама приняться за это дѣло.

Однажды пришли два прихожанина «сватись за вѣнчанія». Послѣ обычныхъ переговоровъ, кто и на комъ женится, пѣть-ли между женихомъ и невѣстой родства и въ какой день свадьба, когда рѣчь зашла о платѣ и о. Харитонъ безмолвно согласился на предложенный рубль за повѣнчанье, Онися прервала отца жениха на полусловѣ:

— И що бо то вы даете такъ мало? Накиньте ще другого карбованця. Хиба не варто? Такій гарный у васъ парубокъ.

Мужикъ вскинулъ на матушку удивленными глазами и спокойно проговорилъ:

— Даемо, якъ и колись давали.

— Э, колись и гроши були не ти. Теперь, Господи, якъ все дорого стало: теперь и наймитъ дорогшій, и кинь, и вилъ, и визъ дорогшій, и хлибъ, и одежа, и все, до чого не кинься.

— Коли-жъ, матушечко, и на весилля треба грошей, та ще не абы якихъ. Теперь и горилка дорогша, и музыки дорогши, и хустки, й поясы, и киснынки, все-все, говорилъ мужикъ, какъ-бы передразнивая матушку.

Онися не осталась въ долгу. Чѣмъ болѣе старѣлась она, тѣмъ больше говорила. Казалось, что съ лѣтами у нея языкъ выросталъ и становился все длиннѣе и подвижнѣе.

И Господи! затараторила она: що то значить накинути карбованця для такого господаря, якъ вы. Вы и въ дорогу ходите, и видъ фуру стаете, и коло хозяйства добре дбаете. Вамъ то ничого, а намъ той карбованець въ великій пригоди стане. Гроши кругли, такъ и котяться. Ей Богу, не зоглядисся, якъ и роскотяться. Теперь не настачишься тихъ грошей, такъ и котяться, такъ и котяться, и хто ёго знае, куды вони деваються. Прикиньте таки карбованця!

Мужикъ помялся и попросилъ батюшку благословить могоричъ.

Что дальше, то меньше стѣснялась Онися въ переговорахъ съ прихожанами относительно требъ, а потомъ и самаго о. Харитона пріучила надбавлять гдѣ гривну, гдѣ пятакъ. Надбавленное однажды входило въ обычай, становилось правиломъ; громада потолковала и стала платить, но отношенія ея къ священнику стали колебаться.

Вырабатывался между тѣмъ проэктъ обезпеченія духовенства не однимъ жалованьемъ. На прихожанъ возложена обязанность строить новыя помѣщенія для причтовъ, гдѣ они были негодны, или оплачивать ихъ готовые дома, если они признавались годными, ремонтировать тѣ и другіе и сверхъ того обрабатывать часть ихъ полевой земли. Послѣднее совсѣмъ взбудоражило крестьянъ и если прежде они въ тихомолку говорили: «пипъ зъ живого и зъ мертвого дерь, та ще й жалуванія бере», то теперь громко вопіяли: «робили

панщину панамъ, а теперь ще й попамъ». При первомъ нарядѣ къ о. Харитону на работу, его прихожане пришли въ полное недоумѣніе.

— Чи се насъ за спасеніе души панъ пригналъ до васъ, чи таки справди на панщину? спрашивали они батюшку.

— По правди сказати, я и самъ не розберу, отвѣчалъ о. Харитонъ.

Спустя годъ или два послѣ того по селамъ пропелъ слухъ, что панщина въ пользу помѣщиковъ будетъ уменьшена. Народъ заволновался и ждалъ этого, какъ манны небесной, какъ великой милости отъ Бога. Скоро какъ-то и въ Ольшаницу прибыла коммисія изъ предводителя дворянства, исправника и благочиннаго. Согнали людей въ церковь и прочли высочайшій указъ о введеніи такъ называемыхъ инвентарныхъ правилъ, которыми опредѣлялась и значительно уменьшалась «панщина», а одинъ печатный списокъ этихъ правилъ, съ подробнымъ обозначеніемъ, въ какомъ возрастѣ крестьяне обоего пола признавались годными къ работѣ, кто и сколько дней въ недѣлю долженъ отбывать панщины, какую и въ какой мѣрѣ долженъ исполнять работу, и чего не долженъ ни давать, ни работать, тутъ-же всенародно врученъ былъ о. Харитону, съ обязательствомъ ежевоскресно прочитывать и объяснять «правила» въ церкви, а равно читать и вообще по требованію прихожанъ. Вездѣ послѣдовало тоже.—Батюшки читали и объясняли; паны, видя уменьшеніе рабочихъ рукъ и дней, придумали жаловаться, что «попы бунтуютъ крестьянъ». Вышло запрещеніе объяснять «правила», а читать приказано лишь по требованію крестьянъ и только тѣ статьи, относительно которыхъ они будутъ недоумѣвать, не вдаваясь однако ни въ какія объясненія и толкованія. Пришло воскресенье. Прихожане о. Харитона ждали, что вотъ батюшка ихъ выйдетъ «на отпустъ» и еще разъ прочтетъ имъ «правила»; но чтенія не послѣдовало. Крестьяне пошушукались между собою и выйдя изъ церкви, остановились на паперти. Выходитъ о. Харитонъ; они почтительно поклонились ему, обступили его кругомъ и спрашиваютъ:

— А що-то, батюшечко, правилъ намъ сёгодни не вычитували?

— Бо заказано що недили читати, смущенно отвѣчалъ о. Харитонъ.

— Якъ-то, пробачайте, заказано! Але при насъ вамъ ти указы отдано, при насъ казали, щобъ вы намъ що недили прочитували и тлумачили.

— Та же-жъ такъ було, а теперь иначе: написано—тоди тильки вамъ читати, якъ вы того схочете и тильки то, що вы будете потребувати.

— Гм... дивно! сказали нѣкоторые изъ крестьянъ и всѣ разошлись.

Насталъ великій постъ; асаулы объявили по селу, чтобы всѣ сносили обычную дань пану яйцами. Крестьяне къ о. Харитону за разъясненіемъ; тотъ велѣлъ собраться въ церковь и вскорѣ самъ явился.

— Чого потрибуете? Що вамъ читати?

— Прочитайте намъ, батюшко, за яйця!

О. Харитонъ взялъ «правила», долго въ нихъ рылся и наконецъ громко прочелъ: «всѣ косвенные поборы и налоги отмѣняются».

Мужики выпучили глаза и въ недоумѣніи переглянулись.

— Та вы бо намъ, батюшечко, прочитайте за яйця.

— Та же-жъ я вамъ оце зараз прочитавъ.

— Коли-жъ мы ничого не зрозумили. Скажить намъ, будьте ласкави, чи повинни мы давати яйця панови, чи ни?

— Ничого вамъ не можу казати, бо запрѣщено намъ. Отъ що належиця, я вамъ прочитавъ, а билшъ ничого не скажу.

О. Харитонъ самъ не догадался-бы прочесть именно этотъ параграфъ, но его наставилъ случайно бывшій у него священникъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи, болѣе его развитый и достаточно знавшій русскую грамоту.

Прихожане о. Харитона глубоко вѣрили его правдивости и честности, ничего не сказали, пожали только плечами и съ тѣмъ разошлись.

Настало лѣто. Панъ потребовалъ обычную дань ягодами, грибами, потомъ орѣхами. Мужики снова къ батюшкѣ, но онъ прочелъ имъ тотъ-же параграфъ. Мужики уже и не добивались объясненія, зная по разсказамъ на ярмаркахъ, что нѣкоторые изъ батюшекъ поплатились уже за объясненія. Въ Кіевѣ царилъ тогда грозный Бибиковъ; но и его обошли паны съ помощію уѣздной полиціи, замѣщаемой исключительно почти поляками. По доносу послѣдней одинъ священникъ, обвиненный въ произведеніи не существовавшаго бунта, въ одни сутки доставленъ былъ къ Бибикову на тройкѣ съ жандармами и по его настоянію лишенъ прихода. Это навело страхъ на всѣхъ батюшекъ и они рѣшились молчать. Доставалось, правда, и панамъ отъ того-же Бибикова за инвентари,—одного изъ нихъ

онъ вызвалъ въ Кіевъ, заставилъ выучить наизустъ нѣсколько печатныхъ листовъ убійственнаго текста инвентарныхъ правилъ и только проэкзаменовавши лично, отпустилъ домой,—но злоупотребленія ихъ по выполненію инвентарныхъ правилъ открывались рѣдко, благодаря заступничеству и укрывательству закупленной полиціи. Дѣйствуя за одно съ нею, помѣщики-поляки въ большинствѣ старались парализовать дѣйствіе инвентарныхъ правилъ и оставить напщину на прежнемъ положеніи. Были между ними и такіе фанатики-патріоты, которые задались мыслію возбудить народъ противъ властей, вызвать его на волненія и тѣмъ доказать, что народъ грубъ, непокоренъ, бунтливъ, злоупотребляетъ дарованною ему милостію и что въ концѣ концевъ инвентари необходимо отмѣнить. Чѣ и другіе, съ помощію своихъ агентовъ, старались увеличить если не число рабочихъ дней, то самую работу, стали необыкновенно взыскательны и придирчивы, били и мучили нещадно за вину и безъ вины, стѣсняли крестьянъ въ выпасахъ скота, уменьшали количество пахатныхъ полей, или мѣняли лучшія на худшія, близкія на отдаленныя, сгоняли крестьянъ съ села съ хуторовъ, садовъ, пасѣкъ, отнимали левады, сѣнокосы, всякіе льготные клочки, запрещали ловлю рыбы, стѣсняли даже въ водопояхъ. При малѣйшемъ возраженіи или ослушаніи обзывали крестьянъ бунтовщиками, выставляли ихъ такими предъ властями, предавали болѣе предерзыхъ въ руки полиціи, въ колодкахъ и кандалахъ, или накликали полицію и цѣлыя коммисіи и войска на мѣста мнимаго возмущенія, навлекали страшныя наказанія и совершенное почти разореніе. Народъ почувствовалъ, что никогда ему не было такъ тяжело, какъ послѣ введенія инвентарей, а паны и всякая мелкая шляхта сознательно и безсознательно твердила мужикамъ, что все стало чрезъ инвентари, что пока не было инвентарей, и панамъ и людямъ было лучше. Отсюда слѣдовало, что виноватъ тотъ, кто ввелъ инвентари, т. е. правительство. Народъ извѣрился въ панахъ, теперь пересталъ вѣрить и чиновникамъ, посылаемымъ для его вразумленія и успокоенія. Волненіе росло и мѣстами прорвалось, приведя народъ къ новой бѣдѣ.

Въ Ольшанцѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, во все время жатвы, выгоняли на напщину ежедневно всѣхъ—стараго и малаго, мужескій полъ и женскій. Помѣщикъ не въ мѣру увеличилъ на этотъ годъ запашку: панскій хлѣбъ сжинался и свозился, крестьян-

скій пропадалъ на корню. Крестьяне возроптали; они собрались къ пану гурьбою и просили, «щобъ було по левентарю», т. е. чтобы, отработавъ ему указанное въ инвентаряхъ число дней, они могли въ остальные работать для себя. Панъ усмотрѣлъ въ этомъ ослушаніе и пригрозилъ розгами и плетьми, а нѣкоторыхъ для примѣра тутъ-же высѣкъ. Крестьяне на другой день совсѣмъ не явились къ пану на работу, а пошли на свои нивы. Произошли легкія схватки, а больше перебранка между ѣдущими на поле людьми и экономомъ и «сипаками», гнавшими ихъ на панскій ланъ. Помѣщикъ послалъ гонца къ становому, что у него въ имѣніи открытый бунтъ. Становой донесъ исправнику, исправникъ губернатору, и чрезъ нѣсколько дней въ Ольшаницу вступила рота солдатъ въ сопровожденіи исправника и другихъ полицейскихъ чиновъ. Собрали крестьянъ и, объявивъ ихъ бунтовщиками, потребовали безпрекословнаго повиновенія помѣщику. Тѣ стали оправдываться, возражать, ихъ обвинили въ упорствѣ и требовали выдачи зачинщиковъ. Всѣ думали и дѣйствовали одинаково и никто никого выдавать не могъ. Розыски, увѣщанія затянулись, а между тѣмъ куры, гуси, поросята, бараны и даже телки массами забирались на прокормленіе солдатъ, а сѣно и овесъ для лошадей начальства. Уже самъ помѣщикъ указалъ на старосту и его двухъ братьевъ, какъ на главныхъ бунтовщиковъ. Ихъ хотѣли арестовать, но они скрылись. Пошли розыски, угрозы всѣхъ пересѣчь и десятаго въ солдаты сдать.

Розыски продолжались, какъ однажды вечеромъ о. Харитонъ, разговаривая съ Описей, услыхалъ чуть замѣтный стукъ въ окно, а оглянувшись назадъ, увидалъ въ окнѣ мертвенно-блѣдное лицо старосты.

— Выйдить, паноче, сюды, та такъ, щобъ нихто зъ наймитивъ не бачивъ, проговорилъ чуть слышно староста подъ окномъ.

О. Харитонъ вышелъ за уголъ своего дома и нашелъ тамъ старосту и его братьевъ, дрожащихъ отъ страха.

— Рятуйте, паноченьку! просили они, кланяясь до земли. Переховайте насъ де небудь, бо насъ шукаютъ скризь, хотятъ бити та на Сибирь заслати.

— Боже мій! Дежъ я васъ сховаю? А якъ почнуть трусити и въ моій осели? прошепталъ о. Харитонъ.

Мнимые бунтовщики повѣсили головы. Но тутъ выбѣжала Онися и узнавъ, въ чемъ дѣло, торопливо заговорила:

— Ховайтесь въ дзвиныцю; въ дзвиныци не посьмiють трусити. Йдить мерщій черезъ садокъ; ты, паноче неси ключи, а я достану хлиба та воды.

Черезъ нѣсколько минутъ староста съ братьями сидѣли въ коморкѣ колокольни; матушка принесла харчи, а о. Харитонъ заперъ коморку и колокольню на замокъ и тихонько съ Онисею вернулись черезъ садъ въ свой домъ.

Полицейскіе и солдаты обѣгали все село, искали по хатамъ, по коморамъ, хлѣвамъ и огородамъ, въ погребахъ и на вышкахъ; но старостa Онопріенко и два его брата будто въ воду упали. Порѣшивъ, что они бѣжали изъ села, съѣхавшая коммисія учинила жестокую расправу съ ольшаницiною громадою за крайнее ея упорство и укрывательство главныхъ зачинщиковъ мнимаго бунта. Согнали народъ на выгонъ, окружили цѣпью солдатъ и началась безпощадная порка. Сначала сѣкли по указанію помѣщика выдающихся ослушниковъ, потомъ били десятаго и наконецъ объявили, что такъ поступлено будетъ со всякимъ, кто не выйдетъ на панщину и окажетъ ослушаніе помѣщику. Хаты и господарство старосты и его братьевъ подверглись разоренію, семейства ихъ перешли къ сосѣдямъ. Коммисія удалилась, а солдаты еще нѣсколько дней оставались въ Ольшаницѣ для успокоенія жителей, какъ объявила коммисія.

Всю ночь и весь день просидѣли братья Онопріенки въ колокольнѣ. Въ слѣдующую ночь о. Харитонъ принесъ имъ запасъ продовольствія и нѣсколько денегъ и посовѣтывалъ бѣжать изъ села куда либо далеко, въ виду грозившей имъ великой бѣды. Братья залились горькими слезами.

— Тикайте, наставлялъ ихъ батюшка: тикайте на сахарни, ставайте на роботу та приносьте инколи грошi жинкамъ. Приходьте просто до мене въ глупую ничъ; застукайте въ викно, я до васъ выйду и зроблю, що тильки скажете, а тимъ часомъ тикайте, бо завтра завдадуть васъ туды, де козамъ рога правлять.

Братья упали къ ногамъ его; онъ благословлялъ ихъ и утѣшалъ и вывелъ чрезъ свой и сосѣдніе сады въ поле.

Три зажиточные хозяева, добрые отцы семействъ, степенные, уважаемые люди пошли по свѣту бурлаками. И не одинъ разъ въ году, въ темную ночь, кто-то тихонько стучался къ батюшкѣ въ окно, и каждый разъ мягкосердый панъ-отець выходилъ на стукъ, долго шептался, что либо бралъ отъ пришедшаго или ему давалъ, иногда-жъ провожалъ въ коморку колокольни на два-три дня. То приходили безталанные бурлаки, братья Онопріенки, подъ покровомъ батюшки видѣвшіеся съ своими семьями и поддерживавшіе ихъ существованіе.

Время шло, Моссаковскіе старѣлись, дочери ихъ подростали и увеличивали расходы родителей. Взяли они отъ польки учительницы старшую дочь и отвезли въ Богуславъ двухъ другихъ, а за тѣми слѣдовалъ еще цѣлый рядъ Палажекъ и Горпинокъ. Пастуня прошла нехитрую науку, выучилась пополамъ съ грѣхомъ по польски и немного по русски, отчасти вышивать и вязать, порядочно танцовать, а главное—дѣлать книксены и даже строить глазки. Не смотря на то, она внесла незамѣтно рѣзкую перемѣну въ протой домашній складъ жизни, начавъ съ того, что вопреки старосвѣтскому обычаю выходила смѣло къ гостямъ и садилась рядомъ съ ними.

Съ выростаніемъ дочерей росли и заботы Онисіи Степановны. Пуще прежняго налегла она на хозяйство, чтобы восполнять чувствовавшійся съ каждымъ годомъ недостатокъ средствъ: сама ѣздила къ рабочимъ на поле, стояла надъ ихъ шеей и отпускала ихъ домой лишь по заходѣ солнца. Слугамъ у нея просто житья не стало: она будила ихъ чуть не съ первыми пѣтухами, грызлась съ ними цѣлый день, заваливала роботой, а женскую прислугу морила до полночи и за полночь. Наймиты и особливо наймички отказывались служить у матушки.

Разъ какъ-то нанялась къ Онисьѣ Степановнѣ сильная, работящая дѣвка изъ Богуслава, Маруся. Она успѣвала за двоихъ; но, какъ говоритъ пословица: «хто добре везе, того й поганяють», то и Марусю матушка вздумала погонять и погоняла до тѣхъ поръ, пока та не бросила ее въ самую горячую пору, не дослуживши году.

Спустя нѣсколько дней Онисѣ понадобилось поѣхать въ Богуславъ на базаръ. Тутъ случайно она узнала отъ людей, что ея Маруся находится на службѣ у Балабухи. Онися позеленѣла отъ злости; для нея не могло быть сомнѣнія въ томъ, что

Маруся ушла отъ нея не сама по себѣ, но по подговору благочинной; она чувствовала притомъ всю невозможность найти въ рабочую пору наймичку, равно и обойтись безъ нея въ сложномъ хозяйствѣ, которое, съ уходомъ Маруси, пошло, какъ мельничное колесо, лишившееся одного зуба. Ничего не думая и не соображая, движимая однимъ лишь гнѣвомъ и желаніемъ во что-бы не стало отобрать Марусю, Онися бѣгомъ почти пустилась къ Балабухамъ, влетѣла къ нимъ съ азартомъ и послѣ не совсѣмъ любезныхъ привѣтствій приступила къ объясненію.

— Не годиться, госпоже благочинно, одмовляти у людей наймичокъ! говорила, между прочимъ, Онися. Теперъ жнива, треба хапати хлибъ на поли, треба комусь зварити и спекти дома, и корови подоити, и овець доглядить, и кабанивъ нагодувати, и до череды одигнати. Въ мене велике господарство и великій скрутъ. Я не вмію до пивдня спати, а съ пивдня по свитлыци похожати...

Олеся отнеслась къ своей противницѣ совершенно спокойно, даже насмѣшливо; это еще болѣе раздражило ее и она продолжала вычитывать, какъ по книгѣ:

— Въ мене симья, въ мене дочки; мени не можна обійтись безъ наймичокъ. Отъ взяла Настуню зъ пенсіи, теперъ Горпинку и Палазю одвезла. Дочки ростуть; треба для ихъ дбати, треба напрясти и пошити, та ще-бъ було-бъ зъ чого. Отъ выбрали конопли, часъ уже и ленъ брати... Що я безъ наймички робытиму? Отъ й сегодня сама й коровы доила, сама й пекла й варила...

Олеся только засмѣялась, выслушавъ всю эту дребедень. Онися не выдержала и прямо брякнула:

— Въ кого въ дворі нема й поросяты, а въ хати нема й кішки, тому тильки смишки.

Олеся стала среди комнаты и выпучила на Онисю глаза.

— Чи вы прыихали въ гости, чи лаятись зъ нами? спросила она ее.

— Не лаятись, а по свою наймичку прыихала, сказала Онися.

— А коли такъ, то берить ій соби, вона мени не дуже потрибна, отвѣчала Олеся.

— Якъ вона схоче, то нехай йде зъ вами, добавилъ Балабуха, поднимаясь со стула, и отворивъ дверь въ кухню, кликнулъ Марусю.

Вошла Маруся. Онися приступила къ ней съ докоромъ и рѣшительнымъ требованіемъ возвратиться къ ней на службу. Та от-

вѣчала ей рѣзкимъ и грубымъ отказомъ и стремительно вышла за дверь. Пристыженная и раздраженная Онися, бросивъ хозяевъ, побѣжала за Марусею въ кухню, накинулась на нее съ бранью, приступала съ кулаками, грозила становымъ.

— Хочъ мене въ тюрму ведить, а я не пиду до васъ служити, отвѣчала рѣшительно Маруся.

— А коли сама не пидешъ, то тебе приведуть до мене, крикнула Онися, и съ этими словами вихремъ устремилась изъ кухни на крыльце, чтобы бѣжать къ становому.

— Прощайте, отець благочинный! сказала она Балабухѣ, стоявшему въ растворенной изъ свѣтлицы двери. Спасиби вамъ за вашу послугу. Я одъ васъ сего не сподивалась. Це мабуть вы одбили въ мене наймичку за колишнись гарбузы...

Балабуха, а за нимъ Олеся съ изумленіемъ смотрѣли на взбѣсившуюся Онисю. Она, едва кивнувъ имъ головою, стремглавъ полетѣла со двора прямо въ становую квартиру. Становой только посмѣялся надъ простодушною матушкою, и Онися съ скрежещущими зубами поѣхала домой. Только подъѣзжая къ Ольшаницѣ, она, придя не много въ себя, подумала было, не хватила-ли она черезъ край; но врожденная ей дикая гордость и старые счеты съ Балабухами не позволили ей сознать свою ошибку.

Молча вошла Онися въ комнату, возвратившись домой, и какъ ни допытывался у нея о. Харитонъ о причинѣ ея огорченія и разстройства, не сказала ему ни слова: ей было одинаково и стыдно и досадно за свою горячность и за свою неудачу.

На другой день, не успѣли пообѣдать, какъ явился отъ благочиннаго посланецъ съ письмомъ. Для о. Харитона это было полною неожиданностію, такъ какъ съ благочиннымъ у него не было никогда частной переписки. Не безъ волненія онъ распечаталъ письмо и едва могъ дочитать оное до конца. Балабуха сдержанно, но тѣмъ не менѣе сильно выговаривалъ о. Харитону за вчерашнюю выходку его жены, коротко изобразилъ произведенную ею бурную сцену, привелъ наиболѣе оскорбительныя ея фразы и въ заключеніе просилъ передать Онисіѣ Степановнѣ, чтобы она впредь избавила его отъ своихъ посѣщеній и не являлась къ нему въ домъ.

Пока о. Харитонъ разбиралъ письмо, Онися, зацѣпивъ большой мотокъ пряжи за ручку двери и столбикъ кровати, быстро

наматывала нитки на клубокъ. По посланцу она знала, отъ кого письмо, догадывалась и о томъ, по какому поводу оно прислано. Густая краска выступила на ея лицѣ, когда о. Харитонъ распечатывалъ письмо, но скоро она овладѣла собой и спокойно продолжала свою работу.

— Охъ, Боже мій! Ой, що-жъ це вы зробили! вскричалъ о. Харитонъ, дочитавъ письмо.

— А те зробила, що треба було, отвѣчала Онися спокойно и твердо. Прочитала добру молитву и благочинни и благочинному.

— Ой, що-жъ вы тамъ робили, що казали? спрашивалъ о. Харитонъ, желая удостовѣриться, такъ-ли оно было, какъ писалъ благочинный.

— Що казала? Вылаяла на вси боки, та й поихала, коротко отвѣчала Онися. Нехай не одмовляють въ мене наймички.

— А бодай-же васъ Богъ любивъ! Що-жъ мы теперъ будемъ робити?

— Що робили, те й робитимемъ. Тильки-бъ и лиха, що съ благочиннымъ полаялась.

— Ой, бодай-же васъ курка кбрыкнула. И треба було вамъ йхати та лаятись!

— Не за тимъ я йздила, щобъ лаятись. Поихала на торгъ; люди сказали, що Маруся въ Балабухи; я пишла та й вылаяла.

— Ой, бодай-же вамъ жаба на ногу настоптала, або мышь васъ переллякала! Наробили лиха; буде-жъ теперь намъ.

— Не мели ка-зна-чого языкомъ, бо я ще й тебе вылаю. Боюсь я дуже твого благочинного.

— Охъ, не кажить сёго, Онисіе Степаповно! Вы не знаете, якъ винъ розгнивався. Пише, щобъ и нога ваша въ ёго доми не була.

— Отъ-то мени завгорить! Стану я йздити до сего поганои гусарськои коханки.

— Добре вамъ такъ казати, а мени хочъ съ парафіи втикай. Донече винъ мене на тихъ книгахъ та отчетахъ.

— А коли ты такъ его боишься, то одпиши ему визъ горшкивъ, якъ колись, то й пересердиця.

— Э, ни, вже горшками тутъ не одбудемо. Треба буде вамъ самимъ поихати та перепрохати.

— А бодай винъ не диждавъ, щобъ я его перепрошувала. Нехай Олеська прыиде та мене ще перепросить.

Переговорить свою супругу о. Харитону еще ни разу не удавалось, переубѣдить ее тѣмъ болѣе. Такъ было и на этотъ разъ. Но его опасенія не были плодомъ минутно навѣяннаго страха, или послѣдствіемъ его трусливаго характера. Онъ инстинктивно чувствовалъ и только не могъ выяснить ни себѣ, ни другимъ всю непрочность своего положенія. Время шло, образованіе въ духовенствѣ росло и брало верхъ надъ простотою прежняго времени. Съ каждымъ годомъ увеличивалось число молодыхъ священниковъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи. Обычай выбора священниковъ громадами давно утратилъ свое значеніе; епархіальное начальство назначало ихъ по своему усмотрѣнію. Штаты 1842 г. захватили священниковъ на приходахъ, какъ ихъ прежде распредѣлила судьба по выборамъ и другимъ вліяніямъ, при чемъ нерѣдко простой, нигдѣ не учившійся, или изъ низшихъ классовъ вышедшій священникъ занималъ большой приходъ и получалъ высшій окладъ жалованья и наоборотъ на меньшихъ приходахъ и окладахъ мѣстились молодые священники изъ окончившихъ богословскій курсъ. Епархіальное начальство, прекративъ производство во священники изъ неокончившихъ, раздавало приходы по успѣхамъ и заслугамъ, а при случаѣ и прежнихъ неучившихся священниковъ переводило съ большихъ приходовъ на меньшіе. Подобный случай былъ недавно въ богуславскомъ благочиніи и навелъ страхъ на о. Харитона. Теперь, послѣ грубой выходки Ониси противъ Балабухъ, этотъ страхъ долженъ былъ еще болѣе усилиться. Стоило благочинному дать о. Харитону плохую отмѣтку въ клировыхъ вѣдомостяхъ, и тогда ниши пропало.

— Треба їхати до благочинного на поклинъ, сказалъ послѣ недѣльнаго раздумья о. Харитонъ своей Онисѣ: бо якъ напише, якои вы поведенціи, то буде вамъ.

— А яке ему дило до моеи поведенціи? сердито вскрикнула Онисія: отъ нехай напише, якои поведенціи его Олеся! Оце буде добре.

И вже, про свою жинку не напише, а про васъ напише. Отъ прыидуть, визьмуть васъ та й посадять въ лебединській монастыръ на мисяць, або на два. Будете черныцямъ грубы топити та воду носити.

— Атъ, дурный! Ка-зна-що меле. Того ще зъ роду не бувало, щобъ попадь сажали въ манастыръ, а якъ тебѣ посадять, то по ти правди буде, щобъ ты не бувъ такій плохій; бо тоби, якъ тому собаци, хоть на хвистъ наступи, то ты все мовчатимешъ.

Прошла недѣля, пронесся слухъ о смерти богуславскаго протоіерея, а спустя двѣ недѣли Балабуха назначенъ на его мѣсто. Какъ заслышалъ объ этомъ о. Харитонъ, то чуть не обомлѣлъ.

— Отъ теперъ мы пропали! кричалъ онъ, бѣгая по комнатѣ. Ой моя лиха година та нещаслива! Треба йхати та перепросити Балабуху, поки само лихо не прыихало въ двиръ.—И о. Харитонъ велѣлъ запречь лошадей и покатилъ въ Богуславъ.

Балабуха принялъ его холодно и нѣсколько гордо. Не помогло ни поздравленіе съ протопопствомъ, ни униженное извиненіе за проступокъ Описіи Стенановны. Балабуха далъ почувствовать о. Харитону, что онъ слишкомъ распустилъ свою жену, намекнулъ и о томъ, что самъ онъ держитъ себя слишкомъ просто съ своими прихожанами и бражничаетъ съ ними, что принимаетъ съ требами чужихъ прихожанъ и что въ метрическихъ книгахъ и другихъ запискхъ у него такой непорядокъ, что не мѣшало-бы къ нему прислать столоначальника для исправленій и разъясненій.

О. Харитонъ вышелъ отъ Балабухи, какъ прибитый. Въ подтвержденіе какъ-бы сказаннаго Балабухою, встрѣтившій о. Харитона у воротъ протоіерея столоначальникъ духовнаго правленія шепнулъ ему, что собирается къ нему въ гости. О. Харитонъ поспѣшилъ домой и сообщилъ все женѣ. Онися только теперь почувствовала, что дала маху, особливо при извѣстіи, что столоначальникъ ѣдетъ къ нимъ въ гости.

— Знаю я, яки то гости, говорила она: теперь одчиняй комору й скрыни, души курей та гусей. И понисъ мене чортъ до тееи Олеси!

— Ой, не одбудемо ёго курми та гусьми: доведеця вамъ, Описіе Стенановно, карбованци доставати съ скрыни, добавилъ о. Харитонъ.

Осенью, только что собрали хлѣбъ съ полей, пріѣхалъ въ Ольшаницу новоназначенный протоіерей ревизовать церковь. Онъ былъ очень строгъ, придирался ко всему, дѣлалъ замѣчанія и выговоры за все—за пыль, усмотрѣнную на жертвенникѣ и сосудахъ, за прорванныя ризы, за обтрепанное старое кропило, за оставленный сторожемъ въ алтарѣ вѣникъ. За все это досталось о. Харитону, и не мало своихъ карбованцевъ доложилъ онъ къ тѣмъ, что, по обычаю, давалъ староста за осмотръ церкви. Онися и не показывалась на глаза Балабухѣ; угощалъ его самъ о. Харитонъ. Только что протопопъ съѣхалъ со двора, какъ въ дворъ ввалился

столоначальникъ Крискентъ Харлампіевичъ Млинковскій съ четырмя дочерьми. За нетычанкою, на которой возсѣдалъ Млинковскій съ семействомъ, слѣдовалъ простой возъ, переполненный до верху мѣшками.

О. Харитонъ стоялъ на крыльцѣ и, замѣтивъ въѣзжавшаго гостя, подумалъ про себя:

— Ну, цей мене и объисть, и обпье, и обдере.—Онъ зналъ, что этотъ недавно переведенный откуда-то за взятки столоначальникъ имѣетъ обыкновеніе объѣзжать батюшекъ своего уѣзда и собирать съ нихъ дань всякою живностью и зерномъ.

— Добры-день, отче Харитоне! кричалъ ему издали веселый Млинковскій такимъ хриплымъ голосомъ, какъ будто онъ пилъ изъ пустой бочки.

— Доброго здоровья, Крискентъ Харлампіевичъ! Просимо до господы, отозвался къ нему придавленнымъ голосомъ о. Харитонъ.

Млинковскій проворно соскочилъ съ подкатившей къ крыльцу нетычанки, снялъ съ себя нанель синяго сукна, встряхнулъ ее на воздухѣ и снова надѣлъ, отряхнулъ рукой черные густые бакенбарды и сталъ въ засосъ цѣловаться съ хозяиномъ. За нимъ спрыгнули его дочери и начали также отряхать свои мантоны и платья.

— Выпрягни, хлопче, коні, та дай имъ сина, та засыпъ вивса, та напій, а потимъ рушай на ничъ до дому,—говорилъ столоначальникъ привезшему его наймиту сосѣдняго священника. А ты, старосто, знеси мишки въ оту комору, та йдь соби до дому. О. Харитонъ! одчинить старости комору, нехай позносить мишки, а вы вже, будьте ласкави, одвезете въ Богуславъ до моеи господы своими волами.

— Добре, добре! отозвался о. Харитонъ и побѣжалъ въ комнату за ключами отъ коморы.

Млинковскій распоряжался въ чужомъ дворѣ, какъ у себя дома. Пріучила его къ этому нужда и господствовавшій тогда всюду взглядъ на кормленіе отъ службы. Получалъ онъ жалованья сто рублей въ годъ, а въ семьѣ у него было семь дочерей и два сына. Чтобъ прокармливать такую огромную семью при столь ничтожномъ жалованьѣ, надо было имѣть особую изобрѣтательность и на недостатокъ оной не могъ пожаловаться Млинковскій. Сначала онъ самъ объѣзжалъ свою епархію, и самымъ дешевымъ способомъ: выѣзжалъ на нанятыхъ лошадяхъ въ ближайшее село, тутъ выпрашивалъ у

батюшки провизіи, потомъ батюшка отвозилъ его и провизію къ другому сосѣднему батюшкѣ, а тотъ, надѣливъ его, чѣмъ могъ, препровождалъ дальше. Когда возъ съ провизіею переполнялся, попавшій въ очередь батюшка долженъ былъ все собранное отослать прямо въ Богуславъ, а Млинковскій продолжалъ объѣздъ, пока наконецъ самъ не въѣзжалъ съ послѣдними мѣшками въ свой собственный дворъ. Теперь у него дочери повыростали; дома въ продовольствіи былъ большой расходъ и онъ придумалъ, подъ предлогомъ, чтобы дѣти дома не скучали, поразвезть ихъ на зиму къ батюшкамъ, особливо къ старымъ, у которыхъ метрики и отчеты были не совсѣмъ исправны. Приняты были при этомъ въ соображеніе и личныя отношенія священниковъ къ протоіерею. Млинковскій зналъ, что Онися вооружила противъ себя протопопшу, и задумалъ спихнуть ей на прокормленіе хотя-бы двухъ дочекъ, а если найдется мѣсто, то и всѣхъ четырехъ.

Пока паны отряхались и оправлялись, о. Харитонъ отперъ комору и выдалъ пріѣзжему хлопцу овса, а отъ сосѣдняго старосты принялъ провизію, при чемъ Млинковскій, какъ-бы желая помочь хозяину, самъ вышелъ въ комору и посчиталъ свои мѣшки съ мукой, крупой и зерновымъ хлѣбомъ, да мимоходомъ окинулъ глазомъ запасы о. Харитона.

— Теперъ хочъ и до господы та й по чарци, сказалъ въ заключеніе Млинковскій.

О. Харитонъ попросилъ гостей въ комнаты.

Млинковскій, войдя въ свѣтлицу, вторично трижды облобызалъ о. Харитона. Въ его лицѣ отражалось природное добродушіе, въ характерѣ было не мало веселости, въ манерахъ своего рода мягкости, которая дѣлала не столь чувствительными производимые имъ поборы. Широкая лысина на его головѣ свѣтилась, какъ полный мѣсяцъ. По краямъ лысины спускались густыя космы темныхъ волосъ. Въ густыхъ черныхъ баченбардахъ лишь кое-гдѣ серебрянными нитьями блестѣла сѣдина. Смуглое, красноватое лицо, гладко выбритый синеватый подбородокъ и значительно выдавшійся кадыкъ— все лоснилось, какъ-бы смазано было оливой. Толстый, нѣсколько вздернутый, носъ фіолетоваго цвѣта напоминалъ красно-синюю бульбу, облитую масломъ. Исхудалое лицо, мускулистая шея, съ выдавшимися жилами, костлявыя руки, обросшія вокругъ волосами,

все показывало, что Млинковскій много претерпѣлъ въ своей жизни нужды, голода и холода и что вмѣстѣ съ тѣмъ въ недолгій свой вѣкъ онъ осушилъ не одну бочку сивухи.

Четыре дочери Млинковскаго, красивыя брюнетки, усѣлись рядкомъ на стульяхъ. Млинковскій, сказавъ слова два въ видѣ привѣтствія, еще разъ поздоровался и поцѣловался съ о. Харитономъ, какъ-бы былъ близкій его пріятель или родственникъ.

— А де-жъ ваши дочки? Нехай лишь выходять до моихъ паннивъ, началъ гость. Та чи не можна-бъ, паноче, по чарци. Въ городи въ цей часъ уже пьють чай. Чи въ васъ такъ е самоваръ, чи ще й доси не спромоглись?

— Е й самоваръ и по чарци заразъ буде, отвѣчалъ о. Харитонъ, удивляясь нѣсколько поспѣшности столоначальника.

— А поки по чарци, звелить, паноче, запрягти волы, та одвезти мои мишки завидна до Богуслава, сказалъ Млинковскій.

— Добре, добре! заразъ, говорилъ о. Харитонъ, недоумѣвая, за что прежде схватиться: идти-ли звать своихъ дочерей, или велѣть воловъ запрягать.

Между тѣмъ Настуня и Палазя успѣли уже принарядиться и вышли въ свѣтлицу. Они поцѣловались съ паннами, усѣлись рядомъ съ ними, сложили руки и молчали, искоса оглядывая городскихъ барышень. Скоро вышла Онисія Степановна и поздоровалась съ гостями, а вслѣдъ за ней появилась наймичка съ водкой и закуской.

— Просю-жъ теперь по чарци, сказалъ о. Харитонъ, поднимаясь со стула и обращаясь къ Млинковскому. Но тотъ, замѣтивъ, что на столъ подана одна лишь водка, какимъ-то болѣзненнымъ голосомъ заговорилъ:

— Ой, коли-бъ вы знали, отче Харитоне, пославъ оце мене докторъ на села, на свиже повитря, та заборонивъ горилку пити...

— То може наливочки, вышнивочки або терновочки, промолвила Онися сладкимъ голоскомъ, какъ-бы проникшись состраданіемъ къ болѣзнующему гостю.

— Не можна, пани матко, ни вышнивки, ни дерновки, а тильки хиба сливъянки. Сливъянка, каже докторъ, на груди пользуе.

— То що-жъ? Можно й сливъянки, сказала Онися, не понимая еще, въ чемъ дѣло.

О, поздоровъ Боже васъ! у васъ въ садку сливъ, якъ хмелю. Кажить лишень пляшечку-другу сливъянки принести, говорилъ Млиновскій, болѣе твердымъ голосомъ, какъ-бы уже облегчивъ грудь сливянкою.

— Бижи Настуню, сказала Онися старшей своей дочери, та наточи сливъянки.

— Та берить здорову яндолу, або макитру, добавилъ Млиновскій. Коли вже личитись, то треба добре личитись.

— У насъ въ городи, продолжалъ онъ, въ цей часъ уже чай пьють. Мабуть и у васъ уже самоваръ буде пивидко.

— А не забаромъ буде, отвѣчала Онися и только теперь шепнула на ухо младшей дочери, чтобы распорядилась поставить самоваръ.

— Якъ-то воно не однаково у людей ведеться, говорилъ тотъ-же Млиновскій по поводу самовара, стараясь обезпечить себя и на дальнѣйшее время. Отъ у васъ на селахъ самоваръ ставлять тильки для гостей, а въ насъ въ городи чай пьють рано й вечиръ: встанемо въ ранци, повмываемось, повдягаемось, Богу помолимось, та заразъ и за чай. Вже, будьте ласкави, пани-матко, кажить завтра раненько наставити самоваръ, бо такій, бачите, у насъ звычай.

— А чомъ-же? отвѣчала Онися: поставимо самоваръ и завтра.

— А вже мабуть волы запряжени? обратился Млиновскій къ о. Харитону, намекая на отправку провизіи въ Богуславъ.

— Вже й мишки поскладани, сказалъ о. Харитонъ, глянувъ въ окно.

Млиновскій вышелъ на крыльце; о. Харитонъ послѣдовалъ за нимъ и оба дали наказъ погоничу, отправлявшемуся съ провизіею, куда доставить ее. Между тѣмъ и другой погоничъ, доставивший Млиновскаго съ дочерьми, накормивъ лошадей, выѣзжалъ со двора. Увидѣвъ его въ окно, Онися чуть въ обморокъ не впала: очевидно стало для нея, что Млиновскій располагаетъ пробыть у нея не малый часъ.

Гость и хозяинъ возвратились въ комнату. О. Харитонъ, которому самому хотѣлось уже выпить, взявшись за графинъ, обратился къ гостю съ вопросомъ:

— То, кажете, не можно вамъ цеей?

— Не можна, паноче, не можна. Хиба одну.

— Та що-жъ вамъ таке?

— Груди болять.

— А чимъ-же вы личитесь?

— Сливъянкою, паноче! кажу вамъ, сливъянкою. Сливъянка васъ выпользуе, казавъ докторъ. Отъ я й пошавъ по батюшкахъ та й личусь; де знайду сливъянку, то й личусь. Добре, що у васъ є сливъянка, та мабуть здорове барило.

— Е, хвалити Господа! говорилъ простодушный о. Харитонъ, а Оннсю все передернуло отъ этого разговора.

Подали чай. Млинковскій выпилъ рюмку водки, заткнулъ графинъ пробкой и попросилъ вынести его совсѣмъ, чтобы не было соблазна болѣзнующему человѣку. Подали между тѣмъ сливянку. Млинковскій налилъ полный стаканъ и вытянулъ до дна, потомъ налилъ вновь и поставилъ стаканъ предъ собою.

— Чи це въ васъ, паноче, тильки дви хатины, якъ дви клитки? спросилъ онъ, послѣ минутнаго размышленія, и потянулся къ сосѣдней съ свѣтлицей комнатѣ.

— Е ще й третя, отвѣчалъ о. Харитонъ. Недавно перегородивъ сини пополамъ и зробивъ кимнатку для дочокъ. Млинковскій будто изъ любопытства прошелъ въ эту третью комнату, а осматривая ее и разставленныя въ ней кроватки, соображалъ, сколькихъ изъ своихъ дочерей онъ можетъ оставить батюшкѣ на прокормленіе. Вышло по его соображенію, что можно оставить только двухъ, потому что остальнымъ двумъ не было-бы гдѣ спать.

— Та й добра-жъ у васъ сливъянка! началъ вновь Млинковскій, возвратясь къ оставленному на столѣ стакану. Така добра, що я мабуть не нвидко вырвусь зъ вашои хаты.

— Пыйте на здоровъячко та очунюйте, тихо промолвилъ о. Харитонъ.

— Колибъ була знала таке лихо, була-бъ накидала полыню въ барило, подумала Онися: выдудлить оцей цыганъ усе барило.

— А коли вы обидаете? спросилъ Млинковскій у Ониси какъ-бы не взначай.

— Та вже-жъ не противъ ночи, а въ ранци, звычайно по сильски, сказала Онися.

— По сильски, якъ на дворн сьвитае. А въ насъ въ городи тоди ще сплять, а обидають ажъ о пивъ-дни, а въ ранци тильки чай пьють та спидають, пояснилъ Млинковскій, дѣлая соотвѣтственные

намеки относительно распорядка жизни оставляемыхъ дочерей; мы звыкли спати довго, а обидати въ вашъ полудень.

Панны перезнакомились и завели веселый разговоръ, бренчали на гитарѣ, а потомъ пустились танцовать. Млиниковскій пропустилъ въ этотъ вечеръ въ свою утробу добрую «макитру» сливянки.

— Ну та й добра въ васъ сливъянка! говорилъ онъ, чмокая губами.

— Чи хочъ трохи вамъ полегшало, Кріскентъ Харлампіевичъ? спросилъ о. Харитонъ.

— Ого, ще й якъ полегшало! Такъ неначе хто помазавъ медомъ по грудяхъ, та по животи.

— Чи не можна, пани-матко, обратился онъ къ хозяйкѣ, наточити ще макитру на нычъ? Въ мене, бачите, въ ночи якось въ грудяхъ закладае та й смага въ роти стае.

— То може водыци погожои на нычъ вамъ поставити? лукаво спросила Оникя.

— Отъ-же й воду докторъ заборонивъ: вода, каже, животови не пользуе,— нашелся что сказать Млиниковскій.

Послѣ ужина Оникя должна была идти въ погребъ и наточить опять «макитру» сливянки. Млиниковскій лѣчился такимъ способомъ до полночи, потомъ день и другой. Оникя догадалась развести наливку водою. Млиниковскій попробовалъ и вытаращилъ на матушку глаза. Та поняла, что значитъ этотъ взглядъ и, немного замявшись, сказала:

— Ця мабуть слабша. То, бачите, бувъ первакъ, трохи було зосталось, а це вже въ другє недавно наливали, такъ ще, знати, не настоялась.

— Нехай-же настоюється, слегка улыбнувшись, сказалъ Млиниковскій, а вы, паноче, одвезить мене до о. Прокопа.

О. Харитонъ вышелъ распорядиться отправкою гостя и заготовленіемъ для него провизіи, а возвратясь, счелъ нужнымъ на счетъ послѣдней вступить съ столоначальникомъ въ нѣкоторое объясненіе, такъ какъ слышалъ раньше о его разборчивомъ вкусѣ.

— Отъ то-жъ, Кріскентъ Харлампіевичъ, прошу принять одъ мене де-що зъ нашого хозяйства; дома тамъ воно може здасться вамъ.

— Спасыби вамъ, спасыби, съ живостію произнесъ Млиниковскій и прибавилъ какъ-бы про себя:

— Що здасться, а що може и не здасться. Чимъ тамъ васъ Богъ наградивъ?

— Мишокъ житнёго борошна, та мишокъ пшеничного звелить набрати вамъ, съ нѣкоторою робостію сказалъ о. Харитонъ; прыймить, будьте ласкави.

— За житню спасыби, а пшеничну визьму. Моя жинка не любить житнёго хлиба, такъ само слабіе, якъ и я. Одначе може свини зъидять. Звелить кинути на визъ мишкивъ зо два, або зо три, сказалъ Млинковскій.

— Добре, покладемо. Та будьте ласкави, не прогнивайтесь за мои книги, тихо проговорилъ о. Харитонъ.

— Тамъ щось вы наплутали, паноче, въ перший части о родовихся... Гмъ... Така плутанина... Розбиравъ я, розбиравъ, та насилу ладу давъ. Здается, у васъ уродилась картопля. Звелить кинути на визъ мишкивъ зо два, або зо три. Моя жинка страхъ якъ любить печену картоплю зъ масломъ. Отъ-же у васъ и масло повинно бути, сказалъ Млинковскій.

— Про це вже треба матушки спитати, съ нѣкоторою стыдливостью замѣтилъ о. Харитонъ.—Не знаю, чи зибрали тамъ масла, а кабанчика не давно кололи.

— Та й сало згодиться, подхватилъ Млинковскій; сало часомъ ще лучше. Не любить, правда, моя жинка того сала; ну, та вже нехай для неи буде масло, а для мене таки сало.

О. Харитонъ вышелъ въ спальню и шепталася съ Онисею. Онися сердито огрызалась, но должна была согласиться на счетъ масла и сала.

Млинковскій между тѣмъ какъ будто что-то припоминалъ и когда воротился о. Харитонъ, заговорилъ вновь:

— Та й одчоты ваши поплутани. Господи, скильки я голову поломавъ, поки до дила дійшовъ! Чи вродило такъ у васъ просо, або гречка? Моя жинка розвела курей, качокъ та индыкивъ, и самъ я, знаете, одъ хоробы личусь курми та индыками. Киньте зъ мишокъ проса, або гречки!

— Просо не вродило, отвѣчалъ о. Харитонъ, а гречка вдалась добра.

— Отъ и добре! воскликнулъ Млинковскій и добавилъ словами пѣсни: «нема-жъ мени ни словечка, нехай буде гречка».—Звелить-же, паноче, продолжалъ онъ, запрягти волы та вышлить мое

добро до Шандры,—я й самъ заразъ туды иду, а ци дви дочки мои, добавилъ Млинковскій, указывая на старшихъ дочерей и обращаясь къ Онисіѣ Степановнѣ, нехай трохи у васъ посидять. И имъ буде веселише и вашимъ дочкамъ не такъ може скучно. Отъ воно й буде гаразды; я, бачте, визъ ихъ у гости до отця Мелхиседека, та думаю, нехай трохи повеселяться у васъ.

Онисія Степановна не знала, что и говорить, и только глаза выпучила на Млинковскаго.

— Прощайте, бувайте здорови! Завезете моихъ дочокъ, коли ваша ласка, до отця Мелхиседека, та кланяйтесь ёму одъ мене низенько, низенько, сказалъ Млинковскій, трижды цѣлуясь съ о. Харитономъ.

Усѣвшись въ нетычанкѣ о. Харитона съ двумя младшими дочерьми, Млинковскій, усердно кивая головою и размахивая картузомъ, направился въ дальнѣйшій объѣздъ. За нимъ потянулся со двора воловій возъ, наполненный мѣшками подаренной Моссаковскимъ провизіи.

Оставшіяся у Моссаковскихъ дочери Млинковскаго нисколько не стѣснялись своимъ въ нѣкоторомъ родѣ постойнымъ положеніемъ въ чужомъ, незнакомомъ имъ домѣ. Они проникались уже взглядами отца и смотрѣли на священниковъ, какъ на подначальныхъ ихъ батюшкѣ, и если отецъ на ихъ глазахъ вывозилъ цѣлые возы подобострастно предлагаемой провизіи, то они не считали не натуральнымъ гостить по цѣлымъ мѣсяцамъ въ домахъ тѣхъ-же священниковъ и потреблять ихъ провизію, считая это уже мелочью по сравненію съ тѣмъ, что доставлялось цѣлыми возами ихъ родителю. Сообразно этому, они держали себя у Моссаковскихъ, требуя себѣ всякихъ удобствъ, какъ должнаго. Онисія Степановна, стиснувъ зубы, волей-неволей должна была уступить имъ кровать, а сама спала въ кухнѣ на печи. Пробовала она, какъ-бы случайно забывши, не ставить самовара то утромъ, то въ вечеру; но панны-гостьи безцеремонно напоминали объ этомъ и чуть-чуть не приказывали. Одна наймичка должна была совсѣмъ оставить хозяйственную работу и все время мыть и гладить да служить гостямъ. Дочери о. Харитона все гуляли съ гостями и совсѣмъ отбились отъ работы. Ежедневно на обѣды и ужины потреблялись куры, утки и гуси и число ихъ быстро уменьшалось. Запасъ сахару и чаю вышелъ весь,

сколько его было дома. Онисія Степановна свезла въ Богуславъ на ярмарокъ цѣлый возъ муки и привезла домой голову сахару и фунтъ чаю; но сахаръ какъ-бы таялъ, чай разсыпался.

— Візьми, паноче, та одвези цихъ цыганокъ до Мелхиседека, бо вони намъ уха объидять, говорила Онисія Степановна мужу.

— Не смію, Онисіе Степановно. Млиновскій буде мститы и пидбивати противъ мене протопопа, отвѣтилъ о. Харитонъ.

— Коли ты не смієшъ, то я сама ихъ вытурлю зъ хаты.

— Эге, вытурлить, та таки стережиця, щобъ насъ не вытурили зъ парахвіи, замѣтилъ на это о. Харитонъ.

Какъ разъ въ это время глуповатый Прокопъ, наймитъ Балабухи, совсѣмъ обезумѣлъ, сошелъ со двора и сталъ скитаться по селамъ, поселяясь у священниковъ. Придетъ къ одному батюшкѣ, поживетъ съ недѣлю и идетъ дальше, или бродитъ по полямъ и лѣсамъ безъ шапки, прикрывъ голову мѣшкомъ. Забрелъ Прокопъ въ Ольшаницу, къ о. Харитону, вошелъ въ кухню и полѣзъ прямо на печь, какъ у себя дома.

— А чого це ты, Прокопе, прыйшовъ до насъ? спрашиваетъ его Онисія Степановна.

— Чувъ, що въ васъ велика нычъ та й прыйшовъ погритись, отозвался Прокопъ съ печи.

— А що-жъ ты дурно въ насъ хлибъ ѣстимешъ, чи що? спросила матушка.

— Я дурно хлиба нигде не ѣмъ: я стану у васъ за наймита, отвѣтилъ Прокопъ.

— Отъ и добре, подумала Онися; може одробить мени за мою Марусю. Вставай-же та йди на тикъ молотить, та зароби соби на обидъ, сказала Онися.

— Ось нагріюсь, то й пиду, откликнулся съ печи Прокопъ.

Наймичка подняла Прокопа на смѣхъ. Сбѣжались въ кухню панночки и смотрѣли на полуумнаго Прокопа, какъ на диво. Прокопъ нагрѣлся, слѣзъ съ печи, взялъ со стола кусокъ хлѣба и пошелъ на гумно. Тамъ молотили пшеницу рабочіе о. Харитона; они дали ему въ руки цѣпъ, наложили цѣлую кучу сноповъ и предоставили молотить отдѣльно отъ нихъ. Прокопъ замахалъ цѣпомъ, какъ машина, быстро переворачивалъ снопы, отбрасывалъ солому, стребалъ зерно, вообще работалъ такъ, что другіе

рабочіе глядѣли на него съ удивленіемъ. Но прошло съ часъ времени и онъ вдругъ опустилъ цѣпъ, оперся на него и сталъ неподвижно, выпучивъ глаза къ верху. Рабочіе окликали его, шутили надъ нимъ, толкали подъ бока,—Прокопъ все стоялъ и глядѣлъ вверхъ. Спустя полчаса онъ очнулся и снова замахалъ цѣпомъ и молотилъ, пока не кончилъ отложенныхъ для него суповъ. Матушка полюбопытствовала посмотрѣть его работу и осталась вполнѣ довольна. Она разсчитала, что Прокопъ работникъ хорошій, платы не возьметъ и предоставила ему жить у нея въ домѣ, сколько захочетъ.

Живетъ Прокопъ у о. Харитона недѣлю, живетъ другую, и работаетъ какъ волъ. Случится, иной разъ онъ куда-то уйдетъ на день, на два, но возвращается опять и лѣзетъ прямо на печь. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе странностей сталъ обнаруживать Прокопъ. Разъ схватилъ онъ косу и давай косить сухой буръянъ и крапиву въ огородѣ. Смотрятъ на него всѣ съ удивленіемъ и смѣются, а онъ все глушитъ крапиву и буръянъ.

— На що ты, Прокопе, косишъ крапиву? спрашивали его барышни.

— Ото добри въ васъ наймиты! Лито минуло, а вони й доси травы не выкосили, сказалъ въ отвѣтъ Прокопъ, и барышни покатились со смѣху.

Въ другой разъ Прокопъ пошелъ къ пруду, согналъ въ кучу всѣхъ гусей, какія были на водѣ и пригналъ во дворъ, прихвативъ по дорогѣ съ десятокъ чужихъ также свиней.

— Ото добри тутъ наймички! И доси гусей не позаганяли въ хливъ, кричалъ Прокопъ.

Всѣ хохотали до упаду.

Увидалъ онъ какъ-то сквозь отворенную въ комнатку барышень дверь, что у нихъ на колочкахъ много юпокъ и платьевъ, и задумалъ ихъ вымыть: всталъ ночью, когда всѣ спали крѣпкимъ сномъ, собралъ все, что висѣло на колочкахъ, втоптался въ дѣжку и налилъ водою, потомъ выбралъ изъ ночовъ сушившуюся въ нихъ крупичатую муку, насыпалъ въ дѣжку поверхъ платья, воображая, что это зола, и пригнетилъ сверху каменьями, а самъ полѣзъ на печь спать. На утро проснулись барышни, хватились юпокъ, платьевъ, а ихъ нѣтъ. Подняли писки и крики, думали, что воръ забрался къ нимъ. Онися бросилась въ кухню и съ ужасомъ увидѣла, что и ея крупичатую муку кто-то забралъ. Принялись искать и не-

скоро напали въ сѣняхъ въ дѣжкѣ и платье и муку... Нетрудно было догадаться, что то была робота Прокопа. Кинулись къ нему, а онъ только смотритъ.

— Та це-жъ я хотивъ вамъ попрати то позолити ваши спиднички, говорилъ Прокопъ.

— А бодай тебе золила лиха година! крикнула Онися. Геть зъ мого двора, щобъ твого й духу тутъ не було. Йди соби къ нечистому, та ще й заразъ!

— Куды-жъ я пиду, коли въ мене своеи домы нема, завопилъ Прокопъ.

— Йди до своеи протопопши та й не приходь билше до насъ.

— Эге, йди до протопопши, коли протопопша такъ само проганяе, якъ и вы. Каже, що я дурный, що нычого не роблю и тильки хлибъ дурно йимъ. А поки бувъ розумный, то й не проганяла, одговаривался Прокопъ.

— На тоби твою свиту, та заразъ геть зъ моеи хаты, кричала Онися.

— Якъ-бы було куды йти, то й пишовъ-бы. А то куды я пиду? Батька нема, матери нема. Була въ мене колись мати та на стены втикла, а мене покинула...

Прокопъ сѣлъ на лавку и неожиданно заплакалъ, какъ дитя, утирая слезы кулакомъ. Прислуга и барышни смѣялись, рыданія Прокопа усиливались. Онъ поднялъ наконецъ голову вверхъ и страшно застоналъ, какъ-бы его кто душилъ, а глазами уперся въ потолокъ. Уже и слезы перестали литься, а Прокопъ стоналъ и вздрагивалъ, какъ-бы ему совсѣмъ конецъ пришелъ. Смѣхъ прекратился; всѣ бывшіе въ кухнѣ прониклись страхомъ и сожалѣніемъ, у иныхъ навернулись слезы, а Прокопъ все стоналъ и рыдалъ. Вдругъ онъ какъ-бы очнулся и заговорилъ дикимъ, страшнымъ голосомъ: мати втикла, мене покинула. Мати мене жалувала, гостинци мени носила, а теперъ нихто мене не жалуе, шматка хлиба не дае. Чужи люди скризь: я имъ роблю, а вони мене лаютъ, ще й съ хаты проганяютъ. Куды я пиду, де подинусь? Ой, Боже мій! Ой, ой, ой! страшно вскрикнулъ Прокопъ и упалъ на землю, какъ мертвый. Служанки охали и крестились.

Черезъ минуту Прокопъ поднялся, взялъ свиту, накинулъ мѣшокъ на голову и побрелъ въ Богуславъ.

Позбавившись Прокопа, Онися рѣшилась выпроводить отъ себя и дочерей столоначальника. Она ограничила ихъ во всемъ, перевела на свой обыкновенный столъ, высказывала имъ прямо свое неудовольствіе на ихъ продолжительное пребываніе, въ разговорѣ съ мужемъ обзывала ихъ «злыднями» и такъ, чтобы имъ было слышно, а когда увидѣла, что ничто подобное не дѣйствуетъ на безцеремонныхъ барышень, то и прямо предложила имъ переѣхать къ о. Мелхиседеку, какъ говорилъ и самъ ихъ отецъ.

Какъ ни оттоваривались и какъ ни вертѣлись барышни, однако въ концѣ концовъ пришлось, собирать свои платьица и перекочевывать въ другой заѣзжій для нихъ дворъ, къ о. Мелхиседеку.

— Ой, Онисіе Степановно! говорилъ о. Харитонъ, когда барышни выѣхали за ворота. Коли-бъ часомъ съ того не выйшло чого. Росплодимо мы соби ворогивъ.

— Э, ихъ и такъ до ста-биса! Разъ родила мати, разъ и пропадати, сказала Онисія Степановна.

И. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Двѣ записки сенатора Е. Ѳ. фонъ-Брадке, составленныя по обревизованіи херсонской губерніи въ 1850—1851 гг.

Въ 1850-1851 гг. былъ посланъ для обревизованія херсонской губерніи сенаторъ Егоръ Ѳедоровичъ фонъ Брадке, бывшій до этого попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, а впослѣдствіи занимавшій тотъ-же постъ въ Дерптѣ. Прибывши въ Херсонъ, сенаторъ, кромѣ устныхъ распросовъ, разослалъ своихъ чиновниковъ ревизовать дѣла въ слѣдующихъ учрежденіяхъ: въ канцеляріи губернатора, въ губернскомъ правленіи, въ херсонской городской думѣ, въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ коммисіи народнаго продовольствія, въ губернскомъ оспенномъ комитетѣ, во врачебной управѣ, въ казенной палатѣ, въ палатѣ государственныхъ имуществъ, въ попечительномъ комитетѣ о капиталѣ сельской промышленности, въ комитетѣ о конно-заводствѣ, въ строительной и дорожной коммисіи, въ губернской почтовой конторѣ, въ палатахъ гражданскаго и уголовнаго суда, въ совѣстномъ судѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ уѣздовъ херсонскаго, одесскаго, тираспольскаго, ананьевскаго, александрійскаго, бобринецкаго и въ городскихъ управленіяхъ гг. Григоріополя, Дубосаръ и Очакова.

Къ сожалѣнію, у меня не имѣется хотя-бы черновыхъ отъ докладовъ чиновниковъ сенатору; попали только ко мнѣ въ руки двѣ черновыхъ отъ всеподданнѣйшихъ записокъ самого сенатора, которыя являются слѣдствіемъ ревизіи и, такъ сказать, краткимъ очеркомъ ея результатовъ, составленнымъ для общаго ознакомленія центральной власти съ мѣстными условіями осмотрѣнной сенаторомъ губерніи. Предоставляю читателю судить о цѣнности предла-

гаемыхъ его вниманію записокъ, скажу только, что помѣщаемыя записки Е. Ѳ. фонъ-Брадке не лишены значенія какъ для исторіи херсонской губерніи, такъ и для характеристики этого разумнаго сановника, который много потрудился на пользу просвѣщенія въ качествѣ перваго попечителя кіевскаго учебнаго округа. Не все то, что было предложено сенаторомъ, какъ необходимыя для благосостоянія губерніи мѣры, было приведено въ исполненіе. Можно пожалѣть о краѣ, не воспользовавшемся проэктированными разумными мѣрами, но это не уменьшаетъ цѣнности ихъ и заслугъ лица ихъ предложившаго.

Кромѣ этого значенія, записки интересны въ другомъ отношеніи: многое, что въ нихъ проэктировано, ждетъ еще и теперь своей очереди и могло-бы быть примѣнено съ пользою для края.

I.

Соображенія по сельско-хозяйственной промышленности херсонской губерніи.

Херсонская губернія по черноземной почвѣ своей, имѣющей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе двухъ аршинъ глубины, должна-бы принадлежать къ плодороднѣйшимъ губерніямъ Россіи; но недостатокъ дождей, жгучее солнце и сухіе южные вѣтры, не встрѣчающіе никакого препятствія въ безлѣсныхъ ея степныхъ пространствахъ, часто уничтожаютъ всѣ надежды селянина и производятъ совершенные неурожаи.

Впрочемъ, при огромномъ пространствѣ занимаемомъ губерніею, неудобства эти не относятся въ равной мѣрѣ ко всѣмъ ея уѣздамъ: уѣзды александрійскій и въ большей части бобринецкій и ананьевскій, находясь на сѣверѣ губерніи, менѣе онымъ подвержены, тираспольскій уже болѣе отъ нихъ страдаетъ, но одесскій и херсонскій уѣзды, особенно послѣдній, въ которыхъ грунтъ при меньшемъ слоѣ черной земли переходитъ болѣе къ хрящеватому и песчаному, наиболѣе чувствуютъ силу южныхъ вѣтровъ и палящихъ солнечныхъ лучей и рѣдкій годъ пользуются хорошимъ урожаемъ хлѣбовъ и травы, такъ что въ южной части херсонскаго уѣзда даже скотоводство (кромѣ овцеводства) начало дѣлаться затруднительнымъ.

Замѣчательно, что сельское населеніе херсонской губерніи съ самаго начала водворенія въ семъ краѣ угадало выгоды мѣстности; оно густо поселилось въ уѣздахъ сѣверныхъ, рѣдѣетъ по мѣрѣ приближенія къ югу, а самый югъ губернія своимъ населеніемъ единственно обязанъ мѣрамъ правительственнымъ и близости къ Черному морю, судоходнымъ рѣкамъ и къ одесскому порту, привлекающему легкостію и выгодностію заработковъ.

Когда въ царствованіе императрицы Екатерины правительство приняло первыя мѣры къ населенію вновь пріобрѣтеннаго края, дотолѣ почти исключительно находившагося подъ кочевьемъ разныхъ племенъ, то первые пришельцы пользовались полной свободой въ безконечныхъ степяхъ и не имѣли надобности заводить какое либо правильное хозяйство; дѣвственная почва, въ полной своей первобытной силѣ, давала имъ неслыханные урожаи; а когда разрабатываемые участки начинали уменьшать урожайность свою, то они бросали ихъ на десятки лѣтъ и безпрепятственно находили новыя цѣлины, приносившія имъ тѣ-же выгоды. Такимъ образомъ, произошло дикое хозяйство, которое сдѣлалось обычнымъ для новыхъ жителей и, по огромности степей, даже при увеличеніи заселенія, не требовало измѣненія. Сей дикій способъ хозяйства и по настоящее время продолжается во всѣхъ помѣщичьихъ и казенныхъ селеніяхъ херсонской губерніи и хотя въ уѣздахъ сѣверныхъ, особенно александрійскомъ и сѣверной части бобринецкаго, уже мѣстами начинаетъ встрѣчаться стѣсненіе въ землѣ и почва, слишкомъ часто обрабатываемая, начинаетъ отказывать въ произведеніи хорошихъ урожаевъ, но еще не дошло до той необходимости, которая могла-бы заставить жителей отстать отъ укоренившихся временемъ обычаевъ и даже дворянское сословіе начинаетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ лишь помышлять о необходимыхъ измѣненіяхъ, но доселѣ еще не приступало ни къ какимъ дѣйствительнымъ мѣропріятіямъ. Колонисты, находясь подъ однимъ общимъ управленіемъ съ меннонитами, поселенными въ таврической и екатеринославской губерніяхъ и получая отъ начальства своего свѣдѣнія о предпринятыхъ послѣднимъ улучшеніяхъ, твердой ихъ хозяйственной системѣ и благопріятныхъ отъ того матеріальныхъ выгодахъ, убѣждаются въ необходимости учрежденія правильнаго хозяйства и сдѣлали къ тому нѣкоторые шаги.

Собственно-же положительная система полеводства учреждена единственно въ округахъ военнаго поселенія, для которыхъ еще въ 1829 г. утверждено вашимъ императорскимъ величествомъ положеніе о раздѣленіи земель на участки и производствѣ общественныхъ и поселянскихъ посѣвовъ и покосовъ, коимъ опредѣляются какъ послѣдовательность посѣвовъ и отдыха земель, такъ и обязанность каждаго поселянина въ отношеніи къ обработкѣ общественныхъ полей, для продовольствія людей и лошадей кавалерійскихъ полковъ, въ сихъ округахъ расположенныхъ.

Сей краткій очеркъ настоящаго положенія херсонской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи я счелъ долгомъ представить на высочайшее благоусмотрѣніе, предварительно разсмотрѣнія тѣхъ мѣръ, которыя могли-бы оказаться полезными для края, важнаго по своему положенію, своей плодородной почвѣ и значительности своего плоскостнаго содержанія, но въ которомъ въ послѣднее время часто повторялись общіе и мѣстные неурожаи, и такимъ образомъ, вмѣсто пользы, которую край сей долженъ былъ приносить государству своими запасами хлѣба и своимъ скотоводствомъ, начали оказываться затрудненія въ продовольствіи даже самыхъ жителей онаго, а скотоводство изъ года въ годъ приходитъ въ большій упадокъ. Обстоятельства сіи тѣмъ болѣе существенны, что они въ равной мѣрѣ относятся къ сосѣднимъ губерніямъ: екатеринославской и таврической, а отчасти и къ области бессарабской, къ константиноградскому уѣзду полтавской и балтскому уѣзду подольской губерніи.

Главнѣйшее условіе для благосостоянія сихъ губерній есть разведеніе лѣсовъ, коими доставится тѣнь отъ палящихъ солнечныхъ лучей и защита отъ гибельнаго дѣйствія южныхъ вѣтровъ,—дѣйствіе дождей будетъ продолжительнѣе и самые дожди будутъ повторяться чаще: ибо изысканіями и опытами доказано, что лѣса притягиваютъ дождь.

Увеличеніе количества воды для ближайшаго удовлетворенія людей и скота конечно важно для здѣшняго края, но въ томъ размѣрѣ, въ которомъ она уже имѣется, дальнѣйшее о семъ попеченіе относится болѣе къ частнымъ выгодамъ владѣльцевъ; лѣсъ-же составляетъ общую потребность и при постоянно увеличивающемся съ нѣкотораго времени

бездождіи, безъ благовременныхъ мѣръ къ разведенію лѣсовъ, благосостояніе всего края подвергается основательнымъ опасеніямъ.

Около 20-ти лѣтъ тому назадъ разведеніе лѣсовъ на степи считалось здѣсь дѣломъ невозможнымъ, всѣ опыты не удавались, солнце все сожигало; но одесскій ботаническій садъ въ маломъ размѣрѣ, меннониты таврической губерніи въ большемъ довели до убѣжденія, что главное условіе успѣха есть глубокая посадка и прегражденіе окрестъ оной всякаго произрастенія. Разными путями оба достигли до одной цѣли, а меннониты, понимая важность лѣсовъ для своего благосостоянія, приступили къ сему мѣрами твердыми и рѣшительными. Успѣхъ увѣнчалъ дѣло: разведенныхъ ими рощей уже пѣшкомъ обойти нельзя и посадки у нихъ всегда удаются; можно утвердительно сказать, что произращенныя ими лѣсныя рощи, даже въ нынѣшнихъ незначительныхъ размѣрахъ, принадлежатъ къ причинамъ того, что у нихъ не бываетъ совершенныхъ неурожаевъ. Министерство государственныхъ имуществъ, признавъ за сдѣланными меннонитами насажденіями вопросъ о возможности разведенія лѣсовъ въ степяхъ новороссійскаго края окончательно рѣшеннымъ, сдѣлало въ 1848, 1849 и 1850 годахъ въ херсонской губерніи лѣсныхъ насажденій на пространствѣ 100 десятинъ; въ округахъ военнаго поселенія также производятся ежегодныя посадки; нѣмецкіе колонисты во всѣхъ селеніяхъ заводятъ лѣсныя плантаціи на возвышеніяхъ; нѣкоторые частные люди въ малыхъ размѣрахъ послѣдовали сему примѣру; но собственно дворянство, владѣющее несравненно большимъ пространствомъ земель, къ сему еще не приступало, за малыми развѣ, до меня не дошедшими, изъятіями; а потому дѣло это въ видахъ государственной пользы требуетъ повсюду усиленія, а въ дворянскихъ имѣніяхъ твердаго начала и постояннаго производства.

Другое обстоятельство, въ которомъ ежегодно оказывается болѣе необходимости, для упроченія благосостоянія края, есть переходъ отъ существующаго нынѣ дикаго хозяйства къ правильному учрежденію полеводства. Уѣзды херсонскій и одесскій, по изобилію земли, еще могутъ на довольно долгое время выдержать безъ значительнаго неудобства распашку на захватъ земель; но въ прочихъ уѣздахъ херсонской губерніи населеніе уже въ большей или меньшей мѣрѣ дошло

до той степени, что безотчетное обсѣмененіе полей должно привести ихъ къ конечному истощенію и сдѣлать впослѣдствіи неурожайность уже общимъ достояніемъ плодороднѣйшихъ частей губерніи. Привычка къ старому дѣдовскому обычаю и здѣсь беретъ верхъ надъ очевидностью и примѣръ огромныхъ матеріальныхъ выгодъ, извлекаемыхъ меннонитами отъ правильнаго полеводства, и сильное убѣжденіе, доставляемое близъ лежащими военными поселеніями, не производятъ никакого вліянія на безотчетныя предубѣжденія прочихъ обывателей. Здѣсь, какъ и почти во всѣхъ другихъ случаяхъ, государственное благо только можетъ истекать изъ направленія, указываемаго сильною волею правительства.

Разсматривая сельско-хозяйственный бытъ края, невозможно упустить изъ виду сословіе поселянское. Государственные крестьяне получили твердое устройство, они развиваются на указанномъ имъ пути и надобно надѣяться, что, при представленномъ имъ участіи въ собственномъ управленіи, они постепенно пріучатся отчетливо стремиться къ дѣйствительному благосостоянію на незыблемыхъ основаніяхъ. Колонисты не нуждаются въ особыхъ правительственныхъ мѣрахъ, существующія для нихъ постановленія вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ быту и даютъ способы къ полному развитію ихъ благосостоянія. Крѣпостное населеніе, состоя въ херсонской губерніи изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ и въ значительномъ числѣ изъ людей, долго ведшихъ бродяжническую жизнь и указами 1827 и 1828 годовъ прикрѣпленныхъ къ тѣмъ имѣніямъ, въ которыхъ они имѣли послѣднее свое пребываніе, въ настоящее время не требуетъ новыхъ мѣропріятій и нуждается только въ неукоснительномъ исполненіи существующихъ постановленій. Только одно изъ относящихся къ нимъ обстоятельствъ требуетъ разъясненія и дополнительнаго постановленія. 965-ю ст. IX т. Свода Законовъ опредѣляется крѣпостнымъ крестьянамъ работать на своихъ помѣщиковъ по три дня въ недѣлю, но о праздничныхъ и неспособныхъ къ работѣ ненастныхъ дняхъ въ законѣ не ясно упомянуто, что и даетъ основаніе нѣкоторымъ владѣльцамъ сіи дни не принимать въ расчетъ и требовать безусловно назначенныхъ закономъ дней въ дѣйствительную работу. Таковая возлагаемая на крѣпостныхъ крестьянъ тягость, по-

давшая въ херсонской губерніи поводъ къ жалобамъ и ропоту, по моему мнѣнію подлежала-бы отмѣнѣ.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе слѣдующія предположенія:

Относительно разведенія лѣсовъ:

1) Дать возможное усиленіе разведенію лѣсовъ въ казенныхъ селеніяхъ, употребляя на сей предметъ сверхъ суммъ, вообще по смѣтѣ министерства на лѣсоразведеніе назначаемыхъ, проценты съ особо имѣющагося капитала сельской промышленности, составляющаго нынѣ по херсонской губерніи 150,000 р. серебр., и проценты съ отдѣльнаго крестьянскаго капитала въ числѣ 23 т. рублей, сколько оныхъ будетъ оставаться отъ прочихъ лежащихъ на нихъ расходовъ.

2) Изъ сихъ-же процентовъ назначать въ опредѣленномъ количествѣ преміи для тѣхъ казенныхъ крестьянъ, которые собственнымъ распоряженіемъ сдѣлаютъ лѣсныя насажденія.

3) Побудить колонистовъ къ усиленію своихъ лѣсныхъ насажденій, въ опредѣленныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ размѣрахъ.

4) Вмѣнить въ обязанность помѣщикамъ и владѣльцамъ земель дѣлать въ своихъ имѣніяхъ посадки лѣсовъ, полагая по количеству владѣемыхъ ими десятинъ, ежегодно на каждыя 10,000 десятинъ по полудесятинѣ, что, по числу состоящихъ въ херсонской губерніи $3^1/_2$ милліоновъ десятинъ помѣщичьихъ земель, составитъ ежегодно 175 десятинъ.

5) Капиталъ сельской промышленности назначать въ ссуду, единственно на предметъ лѣсоразведенія, съ опредѣленіемъ на оной банковаго 4-го или даже 3-го процента, но съ выдачею сей ссуды только тѣмъ землевладѣльцамъ, которые, сверхъ предполагаемой въ предъидущемъ пунктѣ обязательной посадки, пожелаютъ сдѣлать въ опредѣлительномъ размѣрѣ особыя лѣсонасажденія.

Относительно введенія правильнаго полеводства:

1) Учредить правильное полеводство во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ херсонской губерніи, при чемъ принимать въ соображеніе высочайше утвержденное въ 1829 году положеніе для округовъ военнаго

поселенія, которое, по опыту многихъ лѣтъ, доставляетъ нѣкоторое ручательство въ правильномъ примѣненіи его къ мѣстностямъ края.

2) Возложить на попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ, поощрять колонистовъ ко введенію правильнаго полеводства, съ принятіемъ въ соображеніе, какъ означеннаго положенія 1829 года, такъ и хозяйственнаго устройства меннонитовъ въ таврической губерніи, увеличивавшаго до высшей степени ихъ благосостояніе, причемъ вмѣнить въ обязанность комитету производить въ малыхъ размѣрахъ опыты удобренія полей, оказавшаго у меннонитовъ совершенно удовлетворительныя послѣдствія.

3) Поставить въ извѣстность дворянство и поземельныхъ владѣльцевъ херсонской губерніи о видахъ правительства къ упроченію ихъ благосостоянія, посредствомъ охраненія земель ихъ отъ совершеннаго истощенія, а введшихъ въ имѣніяхъ своихъ правильное полеводство удостоивать поощрительныхъ наградъ; обществу сельскаго хозяйства южнаго края поручить принять сей предметъ въ число главнѣйшихъ, предлежащихъ ему обязанностей.

Относительно работъ крестьянъ въ пользу ихъ владѣльцевъ:

Въ дополненіе къ 965-й ст. IX т. свод. закон. о сост. постановить правиломъ, что 1) вмѣсто опредѣленныхъ закономъ праздничныхъ дней помѣщики не имѣютъ права требовать отъ своихъ крестьянъ замѣны работъ, и 2) ежели въ день барщины будетъ ненастье, то барщина должна засчитываться крестьянину выполненною, хотя-бы дѣйствительно, по невозможности производства работы, оказалось необходимымъ оную отмѣнить.

Къ сему имѣю счастіе присоединить, что я полагалъ-бы полезнымъ напечатать въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, для безденежной разсылки во всѣ селенія государственныхъ крестьянъ и колонистовъ и ко всѣмъ предводителямъ дворянства новороссійскаго края и бессарабской области, для руководства ихъ:

Извлеченіе изъ положенія о раздѣленіи земель на участки и производствѣ общественныхъ и поселянскихъ посѣвовъ и покосовъ въ округахъ военнаго поселенія кавалеріи, въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ, составленнаго въ 1829 году.

Изложеніе объ устройствѣ полеводства у меннонистовъ, поселенныхъ въ мелитопольскомъ уѣздѣ таврической губерніи.

Инструкцію для посадки лѣсовъ, составленную меннонитами таврической губерніи мелитопольскаго уѣзда.

II.

Соображенія по торговлѣ г. Херсона.

Г. Херсонъ, по расположенію своему при рѣкѣ Днѣпрѣ, имѣетъ въ отношеніи къ торговлѣ выгоды, общія всѣмъ городамъ, лежащимъ при судоходныхъ рѣкахъ, но положеніе его получаетъ особую важность отъ того, что до Херсона р. Днѣпръ допускаетъ сплавъ на плотахъ и баркахъ, а начиная отъ него уже способна къ морскому судоходству: при томъ верховья Днѣпра и впадающихъ въ него сплавныхъ рѣкъ пролегаютъ чрезъ губерніи, какъ напримѣръ, минскую, изобилующія строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, который, кромѣ незначительнаго мѣстнаго употребленія, не имѣетъ сбыта. Таковое удобство мѣстности еще съ тридцатыхъ годовъ начало привлекать иногородное купечество, и какъ оно, такъ и херсонскіе купцы уже нынѣ понимаютъ предлежащія имъ выгоды, что между прочимъ доказывается и тѣмъ, что присягнувшій на вѣрноподданство изъ жителей Франціи купецъ Готронъ въ 1851 году употребилъ значительный капиталъ на устройство въ Херсонѣ лѣсопильнаго паровато завода.

Взглядъ на сравнительное положеніе лѣсной торговли въ Херсонѣ показываетъ слѣдующее увеличеніе сплава къ херсонской пристани:

Въ 1842 году	байдаковъ и барокъ	86	на сумму	298,538
	плотовъ . . .	124	„ „	83,890
Въ 1850 году	байдаковъ и барокъ	264	„ „	794,846
	плотовъ . . .	354	„ „	187,371

Слѣдовательно, какъ сплавъ, такъ и цѣнность продуктовъ, увеличились почти въ три раза.

Съ 1838 года купцами Поповымъ и Горутой изъ Херсона были отправляемы разновременно корабли съ лѣсными издѣліями въ г. Тулонъ и г. Марсель и предпріятіе это доставило имъ выгоды Смерть Попова, при неимѣніи въ Херсонѣ другихъ предпріимчивыхъ купцовъ,

остановила развитіе этой новой отрасли торговли; но однакожъ доказано, что въ южной Франціи лѣсныя издѣлія наши принимаются охотно и что торговля эта можетъ доставить значительныя выгоды.

Причины, доселѣ препятствующія возвышенію лѣсной промышленности г. Херсона до той значительности, которая указана ей мѣсто-положеніемъ города, состоятъ:

1) Въ новости края, по которому еще ни одна отрасль промышленности не получила надлежащаго развитія, въ недостаткѣ капиталовъ, а еще болѣе въ совершенной необразованности купеческаго сословія.

2) Въ препятствіяхъ мѣстныхъ, какъ то: Днѣпровскихъ порогахъ гирлахъ, находящихся въ Днѣпровскомъ лиманѣ

и 3) Въ нѣкоторыхъ стѣсненіяхъ торговли, произшедшихъ частію отъ малаго вниманія мѣстнаго начальства къ выгодамъ края, частію отъ недоразумѣній самого купечества и избранныхъ имъ городскихъ управленій.

Первая изъ сихъ причинъ могла бы быть устранена привлеченіемъ капиталовъ и болѣе образованныхъ лицъ купеческаго сословія, къ чему содѣйствовало бы дарованіе г. Херсону нѣкоторыхъ льготъ, другимъ городамъ Россійской имперіи при подобныхъ обстоятельствахъ предоставленныхъ.

Къ устраненію препятствій, происходящихъ отъ Днѣпровскихъ пороговъ, уже съ давняго времени принимаются мѣры Главнымъ Управленіемъ Путей сообщенія, по распоряженію коего нынѣ составляется и проэктъ къ сдѣланію гирлъ судоходными. Успѣшныя дѣйствія по симъ двумъ предметамъ могли бы наиболѣе содѣйствовать къ возвышенію торговли г. Херсона и къ выгоднѣйшему сбыту лѣсныхъ произведеній, нынѣ не приносящихъ государству никакой пользы.

Въ отклоненіе стѣсненій мѣстныхъ, я, по истребованіи нужныхъ соображеній, сообщилъ мнѣніе мое Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Ежели, при успѣшности предполагаемыхъ мѣръ, лѣсная торговля г. Херсона займетъ принадлежащее ей мѣсто, то, по неудобству доставленія пшеницы въ Одессу изъ нѣкоторыхъ мѣстъ херсонской и екатеринославской губерніи, большая часть земле-владѣльцевъ обратится къ херсонскому порту, чѣмъ цѣнность перевозки уменьшится и отклонится неудобство переправы чрезъ р. Бугъ, которая весьма затрудняетъ

транспорты съ хлѣбомъ, слѣдующіе въ Одессу изъ уѣздовъ александрійскаго, бобринецкаго и херсонскаго.

Прочіе за тѣмъ предметы торговли г. Херсона, какъ то: желѣзо, чугунъ, канаты, смола, деготь и другіе принадлежатъ къ внутреннему потребленію и едва-ли могутъ быть обращены въ торговлю заграничную.

Но къ важнимъ предметамъ заграничной торговли принадложитъ шерсть, которая съ учрежденіемъ въ Херсонѣ шерстомоекъ нынѣ продается одесскимъ купцамъ на сумму до 200 т. руб. сер. и при упроченіи судоходства и возвышеніи промышленнаго духа херсонскихъ капиталистовъ, минуя Одессу, можетъ сдѣлаться предметомъ прямыхъ сношеній херсонскаго купечества съ иностранными государствами. Шерстомойки эти весьма полезны городу, доставляя въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ выгодную работу бѣднѣйшему сословію здѣшнихъ жителей, а землевладѣльцамъ сбытъ такого произведенія, которое, особенно въ уѣздахъ херсонскомъ и южной части бобринецкаго, при частыхъ неурожаяхъ хлѣба обезпечиваетъ имъ вѣрный доходъ.

ГРАМОТА ПАТРІАРХА АДРІАНА КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ВАРЛААМУ ЯСИНСКОМУ.

(По жалобѣ кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя нѣкоторыя распоряженія митрополита).

Предлагаемый документъ имѣетъ весьма важную историческую цѣну въ отношеніяхъ, какія указаны будутъ ниже; но онъ написанъ такимъ тяжелымъ и темнымъ языкомъ, какой рѣдко встрѣчается и въ документахъ XVII в. Считаемъ поэтому необходимымъ, прежде приведенія текста документа, передать вкратцѣ его содержаніе, чтобы яснѣе было и самое его значеніе.

Кіевскій войтъ Іоаннъ Быковскій съ мѣщанами заносятъ на своего владыку жалобу въ Москву къ патріарху Аніріану. Жалуются они, что владыка ихъ захватываетъ къ своей каѳедрѣ и монастырямъ земли и угодья, принадлежащія городу, что назначаетъ священниковъ къ церквамъ помимо воли и избранія прихожанъ, что приказалъ жить въ церковныхъ, прихожанами построенныхъ, школахъ студентахъ подвѣдомственной ему академіи, а они ведутъ себя такъ, что и житья кіевскимъ мѣщанамъ отъ нихъ нѣтъ, и суда на нихъ нигдѣ нельзя найти, что наконецъ отлучаетъ отъ церкви кіевскихъ мѣщанъ за малыя вины, по оговорамъ, и что отлученіе постигаетъ ихъ не рѣдко во время отсутствія ихъ по торговымъ и другимъ дѣламъ. Патріархъ по всѣмъ этимъ пунктамъ мѣлаетъ кіевскому владыкѣ внушеніе, отвѣчающее вполнѣ желанію челобитчиковъ, и самую грамоту велитъ передать въ магистратъ для общаго вѣдѣнія и руководства грядущимъ поколѣніямъ, а себѣ оставить съ нея лишь копію.

Въ исторіи кіевской іерархіи митрополитъ Варлаамъ Ясинскій извѣстенъ энергическимъ отстаиваніемъ своихъ каѳедральныхъ, а равно и монастырскихъ имѣній, захваченныхъ магистратомъ въ прежнее время. Отъ этого и весь сыръ боръ загорѣлся, тѣмъ болѣе, что по нравамъ того времени поземельные споры рѣдко обходились безъ кровавыхъ схватокъ между агентами и прислужниками одной и другой стороны. Еще недавно кіевскіе митрополиты были самосто-

ятельными, состоя лишь въ номинальной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, и тогда магистрату судиться съ ними было трудно. Но уже предмѣстникъ Варлаама, Гедеонъ Четвертинскій признавалъ надъ собою власть московскаго патріарха, и вотъ теперь кіевскій магистратъ спѣшитъ воспользоваться правомъ ближайшей апелляціи къ суду патріарха и успѣваетъ въ томъ, какъ видимъ, вполнѣ.

Для насъ важно въ данномъ случаѣ не только признаніе патріархомъ права прихожанъ на выборъ священниковъ, но и косвенное упоминаніе о томъ, что такой порядокъ сохранялся еще въ концѣ XVII ст. въ самой Москвѣ. Важно и это офиціальное указаніе на тѣ непорядки къ кіевской академіи, о которыхъ мы знаемъ изъ частныхъ источниковъ. Относительно поземельныхъ споровъ между кіевскимъ владыкой и магистратомъ патріархъ лишь ссылается на данную по этому предмету особую царскую грамоту и рекомендуетъ митрополиту держаться въ предѣлахъ указаннаго. Что касается анаѳематствованія частныхъ лицъ «за малыя вины», то оно было тогда и послѣ въ большомъ ходу и вызывалось массою нравственныхъ проступковъ въ брачной жизни, бывшихъ послѣдствіемъ продолжительныхъ отлучекъ мужей — въ мѣщанствѣ по торговымъ, а въ козачествѣ по воинскимъ дѣламъ. Очень можетъ быть впрочемъ, что въ Кіевѣ въ то время анаѳематствованіе усилилось во время разгорѣвшейся борьбы между духовенствомъ и городскимъ обществомъ изъ-за земельныхъ владѣній. Патріархъ указываетъ митрополиту, что отлученію подлежатъ преступники противъ вѣры, а не противъ нравственности.

Помѣщаемая грамота любопытна наконецъ какъ образчикъ первыхъ, еще неопредѣлившихся отношеній всероссійскаго патріарха и недавно подчиненнаго ему, съ особыми преимуществами, кіевскаго митрополита.

Приводимъ текстъ грамоты по современному списку, хранящемуся въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора.

Адріанъ, милостію Божіею, архіепископъ царствующаго града Москвы и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ о Святѣмъ Дусѣ сыну и сослужителю нашея мѣрности, преосвященному Варлааму, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи архипастырское благословеніе.

Всеблагій Богъ Творецъ нашъ и Спаситель Іисусъ Христосъ, въ миръ или въ тишину покоя человѣки вся водя и наставляя, миръ свой людемъ подаваше. Его-же и намъ, служителемъ Его, повелѣ имѣти и подавати христіанскому народу. Да яко-же (рече) азъ сотворихъ, Господь и Учитель, и вы творите. И все доброе въ людехъ мирнымъ союзомъ содержатся въ любви Іисусовой. Къ сему-же должни

въ благоразуміи сильніи немощи немощныхъ апостоловымъ учительствомъ носити.

Сего ради и твое преосвященство вѣсть всяко богомудрыми твоими ученіи, словесы и дѣлы, въ примирившемъ насъ Христѣ Іисусѣ, по Богу Отцу небесному, Боговрученныя тебѣ въ спасеніе люди руководствити, миръ имъ Іисусъ Христовъ подавая. Вѣдаеши бо, по Апостолу, яко строитель благодати Божія и подражатель о Господѣ вѣренъ, смиряти и смиритися, учити Духомъ и кротостію, да, яко дѣти, подсудственныя въ Дусѣ святѣмъ вамъ повинуются. И отцы и пастыри чадъ да не раздражаютъ: но въ любви Господни купно въ горнюю жизнь заповѣданѣ тещи поспѣшатся. Еже творите и сотворите.

О чесомъ и наша мѣрность по премногу, повсюду таковая слышавше, радуемся. Обаче многащи аще виною, аще истиною случаются въ людехъ разглаголства и разгласіе во временѣ и чинѣ, яко есть грѣхъ и не къ смерти, но и о томъ скорбъ бываетъ и, должно пещися, да будетъ.

Въ таковое убо пещуемъ, а не къ веліему оскорбленію преосвященству твоему, разглаголство,—твоея паствы кіевскія граждане, войтъ Іоанъ Быковскій, со всѣмъ мѣщанскимъ урядомъ, якобы учинишася и донесоша нашей мѣрности, яко имъ, войту и всему уряду жительствующему отъ православныхъ монарховъ, благочестивѣйшихъ нашихъ великихъ государей, царей всероссійскаго самодержавства и нынѣ отъ богохранимаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержавца, и многихъ государствъ и земель повелителя и обладателя, даны жалованныя грамоты въ состояніе ихъ кіевскихъ гражданъ, како имъ жити, и на какой земли, и чѣмъ владѣти, и хранити по опредѣленію свой ихъ чинъ, имѣніе и порядокъ, яко и всюду повелѣніемъ самодержцевъ и великихъ начальниковъ, письменнымъ указомъ, коему чину что дѣлати, и содержати грады и веси и угодія во прежитіе, состоятся; аще-ли кому что въ врежденіе и обиду отнятіемъ каковыхъ вещей и стяжаній, движимыхъ и недвижимыхъ, содѣетъ кто, тогда гражданскими правительствы и богомудрыми царскаго пресвѣтлаго величества указами и граммatами, кому что належитъ, безъ гнѣва и безъ всякаго разгласія оправдаются, мирствуются, своими кождый доволствуя. И таковыя ихъ

граматы отъ царскаго пресвѣтлаго величества, благочестивѣйшихъ нашихъ царей данныя, свидѣтельствомъ извѣстнымъ изъ малороссійскаго приказа нашей мѣрности объявлены. Тѣмъ же и наша мѣрность по граматамъ жалованнымъ, и кому что дано, и укрѣплено, такожде судимъ и содержати праведнѣ опредѣленная велимъ, да всякій чинъ духовный мирскій нѣкимъ ни отъ кого не обидѣлся бы, и по указному писменному предѣлу своимъ да владѣетъ, назираетъ и управляетъ: яко царскія граматы комуждо, ради распредѣленнаго стяжанія, дадошася.

Да ониже кіевскіе мѣщане извѣстиша намъ, что прежде де сего при митрополитахъ кіевскихъ и при твоему уже бытіи бысть таковый обычай у нихъ, егда къ церкви которой во градѣ надобенъ парохіальный священникъ, и тогда они прихожане и *вси ихъ урядники по* любви, чтобы онъ былъ отецъ имъ и жертвоприноситель, избираютъ обще и о посвященіи во іерейство вамъ архіереемъ бьютъ челомъ, и еще и при насъ отъ прихожанъ таковое челобитіе творится, еже бы въ томъ у нихъ парохіамъ роптанія и ради нелюбве въ духовности отлученія иноуду не было. А нынѣ отъ тебе къ нимъ бываютъ присланы къ приходскимъ ихъ церквамъ священники сильно, не по ихъ избранію, и зѣло де имъ то во оскорбленіе бываетъ, яко не созыдаются въ Божіей любви.

Таже доносима нашей мѣрности, яко при храмѣхъ Господнихъ, ихъ приходскихъ, живутъ повощіи и малыхъ дѣтей учащіи дьяки, а храмины ихъ строятъ прихожеяне, и съ тѣми де церковными дьяками въ тѣхъ храминахъ велими ты жити студентомъ, пришельцемъ изъ полскихъ городовъ въмѣстѣ, которыя хотятъ учитися въ школѣ мудрестныхъ наукъ языкомъ латинскимъ. И они де студенты, живучи постойкою, многая сотворяютъ бѣдства и безчинства странная, а тѣхъ дьяковъ и малыхъ дѣтей, учащихся славенскаго нашего языка письменъ, бьютъ и бранятъ, и мѣщанъ, идущихъ къ церкви на пѣніе въ нощахъ, бьютъ и увѣчаютъ, и безчестятъ женъ и дѣтей. И, ради ихъ студентовъ плутовства и досадительныхъ обидъ къ церковникамъ, иногда и въ церквахъ пѣнія не бываетъ, а управы де на нихъ сыскати нѣгдѣ. Да они же де студенты, многочисленно собрався, въ нощахъ ходя по мѣщанскимъ дворамъ, крадутъ дрова, запасъ и всякія вещи, и отъ

того де имъ великая обида и разореніе чинится, а унять ихъ отъ того нѣкому.

И ты, въ Дусѣ Святѣмъ Сыне и сослужителю нашея мѣрности, о благостоятельномъ и любительномъ между людей мирѣ потщися, и научи евангельскимъ долгомъ оныя во упокоеніи, безъ роптанія и безъ обиды жити благочестно и смиренномудро. И о присылкѣ къ церквамъ ихъ священниковъ смотри лучшаго людемъ, чтобы было всѣмъ безъ стоны и ненависти, и благовременнѣ, и къ пріятію людскому во имени Господни снизходи. По Апостолу, малодушныя должно утѣшати. И студентомъ, когда они творятъ пакости людемъ, въ церковныхъ жилищахъ не вели жити, зане могутъ де быти при школахъ во особныхъ домѣхъ, и у мѣщанъ стояти, гдѣ кому придастся, а которыя будутъ студенты своеволять, и обиды и воровство чинить, о томъ во управленіе указъ въ грамматѣ царскаго пресвѣтлаго величества, имъ нынѣ данной, написано. Въ лучшество-же и твое преосвященство, еже-бы и ученіе было мудростное полезно, и дѣланіе всякому спасительно, и не во укоренін, о семъ прирадѣй: да и число ученниковъ множится, и слава Господня мудростными науками, и боговидными зрительствы, и проповѣдію вѣры православныя, въ церковномъ нашемъ благочестіи, на зрилищи земнокружія повсюду да сіяетъ. Отъ чесого здравіе многолѣтное и благодеятвенное, и спасеніе доброхвално, и царствія небеснаго наслѣдовательно, писаніемъ святымъ и всѣхъ благомудрствующихъ, извѣстно бываетъ. Сего наша мѣрность твоему преосвященству и всѣмъ людемъ желающе, непрестанно Господа Бога молимъ и благословеніе наше глаголюще, миръ всѣмъ благодушие подаемъ, аминь.

Еще-же они мѣщане извѣстиша намъ, яко по нѣкоемъ оглаголаніи, и по малыхъ винахъ, отъ васъ клятва инымъ наносится. И они-де зѣло таковыхъ прещеній клятвенныхъ страшны, что ѣздятъ непрестанно по градамъ и по странамъ ради дѣлъ и промысловъ своихъ и чтобы въ такомъ прещеніи безвѣстно на нихъ или безвинно кому подъ клятвою не умереть и вѣчно не отщетится Творца Господа. И наша мѣрность вѣмы, яко твое архіерейство безъ причины сего не сотворишн; ибо, жестокое сіе слово для чего и на кого возлагается, извѣстенъ есн, что токмо развратникомъ святыя вѣры и противникомъ церкве, во иныхъ же вещехъ и дѣлахъ иначе наказуется во исправленіе, да и въ семъ

комуждо, аще не по велієй нуждѣ, споболиши благоразсуднѣ. Тѣмъ-же твое преосвященство паси Христово стадо любовію твоею, въ снабдѣніе всякаго благокрасованія и полезы христіанскія, и безпредѣлно никому-же вели творити что. По семъ умудривній тя Господь, и мудрствующаго о воли Его святой день и нощъ, и промышляющаго добрая и благоразумная предъ Богомъ и человѣки, умудритъ въ спасеніе и благохваленіе всегда. Сію-же нашея мѣрности граммату преписавъ, оставилъ-бы еси списокъ въ твоемъ приказѣ, а подлинную отдаждь войту Іоанну Быковскому и всѣмъ кіевскимъ урядникомъ и жителемъ въ судебную ихъ мѣщанскую избу, впредь ради будущихъ начальниковъ тамо совершеннаго отъ насъ оповеденія и извѣстія, и имъ благословенія нашего нынѣ, и въ предъ будущимъ жителемъ, въ крѣпость-же и утвержденіе благостояннаго и невреднаго всѣмъ житія.

Писася въ царствующемъ градѣ Москвѣ, міросданія 7207-го лѣта, Рождества-же во плоти Іисусъ Христова 1699-го, Индіктіона 7-го, мѣсяца апріллія 26-го днѣ.

Библіографія.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 47. С.-Петербургъ. 1885 г.

47-й томъ «Сборника», редакціи котораго принадлежитъ г. Н. Дубровину, заключаетъ въ себѣ два отдѣла: въ первомъ помѣщена переписка Я. И. Булгакова (бывшаго русскимъ посломъ сначала въ Константинополѣ, съ 1778 по 1790 г., а потомъ въ Варшавѣ до 1792 г.) съ графомъ А. А. Безбородко и того-же Булгакова донесенія императрицѣ Екатеринѣ II о положеніи дѣлъ въ Турціи и Польшѣ, а во второмъ—рескрипты государыни и донесенія ей генераловъ М. В. Каховскаго и М. П. Кречетникова по дѣламъ Польши въ 1792 году. Наиболѣе важный въ научномъ отношеніи и любопытный для читателя отдѣлъ книги это—первый; главное содержаніе въ немъ составляютъ оффиціальныя донесенія и частныя письма Булгакова, въ которыхъ онъ сообщаетъ о тѣхъ серьезныхъ препятствіяхъ, какія ему приходилось преодолѣвать при разрѣшеніи вопроса о присоединеніи Крыма и Кубани къ Россіи. Читая дипломатическую переписку этого сравнительно недавняго времени, невольно приходится обратить вниманіе на то, какъ скоро измѣняются интересы и положенія государствъ, какъ скоро политическіе друзья становятся врагами. Изъ бумагъ Булгакова мы видимъ въ данномъ случаѣ то отношеніе, въ какое поставили себя европейскіе дворы, узнавъ о намѣреніи императрицы расширить предѣлы Россіи на юго-востокѣ и занять побережье Чернаго моря. Сама потерпѣвшая Турція относилась къ этому пассивно: султанъ боялся войны, чтобы съ ней не потерять и престола, а государственные сановники заботились болѣе о сохраненіи накопленныхъ богатствъ и увеличеніи ихъ, нежели о сохраненіи достоинства своего повелителя и народа; всѣ-же вмѣстѣ боялись бунтовъ

и измѣны. Что касается до европейскихъ пословъ, то Булгаковъ найбольшую поддержку находилъ въ англійскомъ и австрійскомъ. Австрія заключила тогда союзъ съ Россіей, а посолъ Англіи добровольно и усердно хлопоталъ въ пользу мирнаго уложенія крымскаго дѣла: интересы ея не затрогивались тогда присоединеніемъ полуострова къ русскимъ владѣніямъ. Англійскій посолъ не только защищалъ интересы Россіи въ Крыму, но и горячо настаивалъ на совершенномъ изгнаніи турокъ изъ Европы. Франція, напротивъ, готова была побуждать Турцію къ войнѣ и оказать ей матеріальную поддержку; съ этой цѣлью она чуть было не заключила союза съ Пруссіей, и только готовность Россіи къ войнѣ да внутреннія неурядицы въ самой Франціи наканунѣ революціи заставили ее противъ желанія удерживать и Турцію отъ войны, которая могла причинить ей еще большія потери. Когда вскорѣ послѣ присоединенія Крыма возникли новыя замѣшательства въ Закавказьи, Франція обѣщала Турціи поддержку, требуя для себя только права сосредоточивать войска на островѣ Кандіи: но послы другихъ державъ остановили султана, убѣдивъ его, что если онъ разъ допуститъ высадку войскъ въ Кандіи, то долженъ будетъ навсегда оставить островъ въ рукахъ Франціи, который недавно и занятъ, но только уже англичанами, а не французами. Дѣятельно и долго интриговалъ противъ Россіи прусскій посланникъ, но, при полномъ нейтралитетѣ другихъ державъ, роль его выходила нѣсколько смѣшной, какъ это рѣзко бросается въ глаза въ письмахъ Булгакова. Впослѣдствіи, когда французско-прусскія интриги одержали верхъ и Турція объявила войну, русскій посолъ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ, въ которомъ и просидѣлъ болѣе 800 дней. Выпущенный оттуда, онъ чрезъ Трiестъ возвратился въ Москву, а потомъ получилъ назначеніе въ Варшаву. Булгаковъ былъ человѣкъ глубоко образованный, умный и наблюдательный, и всѣ его письма и донесенія изъ Константинополя въ высшей степени интересны то по художественному изложенію ихъ, то по остроумной и мѣткой характеристикѣ лицъ и событій. Особенно любопытна сдѣланная имъ въ письмѣ къ графу А. А. Безбородко отъ 1 ноября 1781 года характеристика всѣхъ европейскихъ пословъ въ Константинополѣ: «французскій, говоритъ онъ, сѣсвится, голландскій ему угождаетъ, венеціанскій сбирается учиться грамотѣ, англійскій хвастаетъ, вѣнскій пишетъ, неаполитанскій церемонится, прусскій шутитъ, шведскій скучаетъ, а датскій молчитъ. Я чуть было и о себѣ не написалъ».

Въ письмахъ своихъ Я. И. Булгаковъ рѣзко нападаетъ также и на безобразія русскихъ «саврасовъ безъ узды» за границей. «Наши переселенцы», говоритъ онъ, «за правило себѣ взяли никому не повино-

ваться. Лучшее ихъ дѣло, пріѣхавъ сюда (письмо писано въ Константинополѣ), нахальствовать, бить всѣхъ, кто попадется, даже таможенныхъ надзирателей, и ничего нигдѣ не платить».

Вообще, чрезвычайно любопытная переписка Булгакова, хотя и не объясняетъ затрогиваемыхъ имъ фактовъ во всей полнотѣ, но все таки даетъ возможность уразумѣть интересы и цѣли политики нашей и сосѣднихъ государствъ, и именно съ этой стороны его переписка представляетъ важнѣйшій и существеннѣйшій матеріалъ для политической исторіи нашей въ то время.

Во 2-ю часть 47 го тома «Сборника» вошли рескрипты Екатерины II и донесенія ей генераловъ Кречетникова и Каховскаго о занятіи русскими войсками въ 1792 году нынѣшняго юго-западнаго края Россіи и собственно Польши для поддержанія партіи, недовольной и протестовавшей противъ конституціи 3 мая. Матеріалы этой части открываются указами государыни Кречетникову и Каховскому, въ которыхъ точно и подробно опредѣляется программа дѣятельности каждаго изъ нихъ. Занятіе польскихъ областей Екатерина въ своемъ указѣ называетъ «ударомъ, который поляки приуготовили собственному своему отечеству и который, посредствомъ насилія и коварства, въ 3-й день мая минувшаго 1791 года, съ полнымъ успѣхомъ совершили, ниспровергнувъ весь прежній въ ономъ порядокъ, превративъ республиканское правленіе въ монархическое, престолъ избирательный въ наслѣдственный и власти законно-установленныя въ ничтожество и тѣмъ самымъ разрушивъ до основанія всѣ связи, на которыхъ покоилась тишина и безопасность сосѣдей польскаго государства». Исполненіе указа вызвало донесенія генераловъ о постепенномъ занятіи ими польской территоріи, согласно начертанному Екатериной плану, о кровавыхъ столкновеніяхъ русскихъ войскъ съ польскими отрядами, открытіи въ занимаемыхъ воеводствахъ конфедерацій и наконецъ о засѣданіяхъ сейма. Въ заключеніе приведенъ указъ Екатерины съ изложеніемъ тѣхъ мѣръ, которыя долженъ былъ принять генералъ Кречетниковъ въ мѣстности, присоединенной къ Россіи по второму раздѣлу Польши и обнимавшей часть Литвы и юго-западнаго края. Послѣдній былъ раздѣленъ на губерніи: Изяславскую и Брацлавскую, а другія части бывшаго кіевскаго воеводства отдѣлены къ Черниговской и Екатеринославской губерніямъ.

Этотъ отдѣлъ «Сборника» не имѣетъ особаго значенія для политической исторіи, или исторіи гражданственности и внутренняго быта, и сохранитъ цѣну, какъ матеріалъ для чисто-военной исторіи; но и для послѣдней значеніе его умалится отсутствіемъ плановъ и картъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходили столкновенія, между тѣмъ о планахъ

и картахъ часто упоминается въ донесеніяхъ. Указанные документы не имѣютъ также интереса новизны; они хотя и появляются въ первый разъ (въ перепечаткѣ помѣщенъ только одинъ документъ, это—плакаты генерала Кречетникова отъ 14 іюня 1792 года), но содержаніе ихъ было раньше пересказано уже Н. И. Костомаровымъ въ его сочиненіи «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» (стр. 478 и слѣд.); здѣсь-же они отмѣчены въ перечнѣ источниковъ подъ №№ 18 и 19.

Къ польскимъ дѣламъ слѣдуетъ отнести и письма Я. И. Булгакова изъ Варшавы, начиная съ 1-го октября 1791 года. Эти письма помѣщены въ первомъ отдѣлѣ «Сборника», но по содержанію относятся ко второму; въ нихъ авторъ, со свойственной ему вѣрностью и живостью, рисуетъ темными красками положеніе дѣлъ въ Польшѣ. Но Булгаковъ не долго пробылъ въ Варшавѣ и въ концѣ 1792 года былъ замѣненъ Я. Е. Сиверсомъ; въ то же время и на мѣсто Каховскаго былъ назначенъ баронъ Игельстромъ. Г. Иловайскій въ своемъ изслѣдованіи «Гродненскій сеймъ 1792 года» говоритъ, что находящіеся у него подъ рукою неизданные матеріалы показываютъ, что императрица была недовольна ихъ образомъ дѣйствій въ Польшѣ.

И. Каманинъ.

А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 г.). Спб. 1885 г.

Исторія Литвы, имѣющая тѣсную связь съ исторіей южной Руси, хотя и вызываетъ къ себѣ вслѣдствіе этого полное вниманіе со стороны русскихъ историковъ, но не въ такой степени, въ какой можно было-бы его ожидать, суди по важности предмета. Кромѣ отмѣченныхъ нами въ свое время работъ по этой исторіи проф. В. Б. Антоновича и вызванныхъ ими нѣсколькихъ статей проф. Н. И. Дашкевича по культурной и политической исторіи западной Россіи, можно найти не болѣе десятка разновременно появлявшихся въ этой области изслѣдованій. Къ числу ихъ принадлежитъ и названное нами выше сочиненіе г. Барбашева.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе тѣмъ именно временемъ, на какомъ остановился В. Б. Антоновичъ, т. е. 1377 г., когда умеръ великій князь Ольгердъ. Своему изслѣдованію г. Барбашевъ предпосылаетъ общія замѣчанія о важности избранной имъ эпохи и оцѣнку источниковъ, послужившихъ матеріаломъ для его монографіи. Въ первой главѣ ея, авторъ, сказавъ сначала о господствѣ въ Литвѣ русской цивилизаціи, вѣры и языка, дѣлаетъ потомъ общій очеркъ могущества

Витовта, даетъ его характеристику и указываетъ на значеніе въ исторіи Литвы его и грюнвальденской битвы, не касаясь предшествовавшаго времени и тѣхъ полныхъ ума и энергіи литовскихъ князей, которые подготовили почву для развитія могущества и широкихъ замысловъ Витовта. Исторія этого послѣдняго начинается собственно со второй главы, обнимающей время съ 1377 по 1386 годъ, т. е. отъ смерти Ольгерда до брака Ягелла съ Ядвигой и перваго соединенія Литвы съ Польшей. Здѣсь излагается бѣгство лишеннаго наслѣдства Витовта къ рыцарямъ, послѣ убійства Ягелломъ его отца, принятіе имъ католичества, набѣги его въ союзѣ съ орденомъ на Литву и примиреніе съ Ягелломъ, передъ отправленіемъ того въ Польшу. Предметомъ третьей главы служитъ борьба Витовта съ Ягелломъ, при содѣйствіи крестоносцевъ, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока Витовтъ не получилъ великокняжескаго титула и соединенныхъ съ нимъ правъ на занятіе отцовскаго удѣла и управленіе всей литовско-русской областью. Этой цѣли своей Витовтъ достигъ въ 1392 году, которымъ заканчивается настоящая глава и начинается четвертая. Обнимаемое послѣднею время съ 1392 по 1399 годъ Витовтъ провелъ частью въ борьбѣ за политическую независимость Литвы и Руси отъ Польши, частью въ попыткахъ распространить свою власть и вліяніе на княжества восточной Руси и самую Москву. Эти послѣднія попытки привели его къ необходимости искать себѣ покорнаго союзника въ средѣ татарскихъ хановъ, боровшихся за престолъ; одного изъ такихъ претендентовъ онъ взялъ подъ свое покровительство и выступилъ за него противъ дѣйствительнаго хана Золотой Орды. Побѣжденный татарами въ 1399 году на рѣкѣ Ворсклѣ, Витовтъ вынужденъ былъ умѣрить свои честолюбивыя стремленія и обратить все вниманіе на свои отношенія къ Польшѣ, гдѣ въ томъ-же году умерла королева Ядвига и положеніе Ягелла болѣе или менѣе колебалось; однако-же Витовтъ, послѣ нанесеннаго ему пораженія татарами, не могъ уже воспользоваться благопріятными обстоятельствами для утвержденія своей независимости и въ свою очередь вынужденъ былъ къ уступкамъ, при заключеніи новаго союза съ Польшей, подтвержденнаго имъ присягой въ 1401 году. Въ этотъ періодъ Витовтъ снова обращается къ расширенію предѣловъ своего государства и своего вліянія на востокѣ; въ то-же время у него возникаютъ пререканія съ Орденомъ, оканчивающіяся въ 1410 году битвой между Таненбергомъ и Грюнвальденомъ, которая окончательно сломила силу крестоносцевъ. Изложеніе этихъ событій составляетъ пятую и послѣднюю главу сочиненія г. Барбашева, планъ котораго мы передали вкратцѣ.

Почему авторъ остановилъ свое изслѣдованіе на 1410 годъ, рѣшить трудно. Начавъ разъ говорить о политикѣ Витовта, слѣдовало-бы вести дѣло до конца, такъ какъ политика этого князя въ послѣдніе годы его жизни обусловливается совершенно предшествовавшими событіями; но г. Барбашевъ не обнаруживаетъ въ настоящей своей книгѣ даже намѣренія когда нибудь возвратиться къ своему предмету впослѣдствіи. Что касается до выполненія авторомъ изложеннаго нами плана, то, при самыхъ скромныхъ требованіяхъ, оно далеко не соотвѣтствуетъ важности затронутаго вопроса. Хотя авторъ и ознакомился почти со всѣми главными русскими и иностранными трудами по исторіи Литвы вообще и исторіи Витовта въ частности и извлекъ изъ изданныхъ до сихъ поръ памятниковъ всѣ болѣе или менѣе важные факты, но расположилъ ихъ не по внутреннему содержанію и не соотвѣтственно своей задачѣ, а просто хронологически; въ результатѣ получилась масса всякихъ событій, читая которыя, трудно составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе какъ о характерѣ самаго Витовта, такъ и о его политикѣ. Читатель, не знакомый раньше съ дѣятельностью Витовта, едвали пойметъ отчетливо изъ сочиненія г. Барбашева, чего хотѣлъ и къ чему стремился герой разсказа. Личность этого величайшаго изъ государей своего времени совершенно заслоняется неискусно расположенной громадой всякихъ историческихъ данныхъ о немъ, постоянными отступленіями автора отъ главнаго предмета разсказа и введеніемъ подробностей о второстепенныхъ лицахъ Витовтова времени. Авторъ въ предисловіи говоритъ, что главная цѣль его изслѣдованія «разъяснить, сколько возможно, хотя нѣкоторые изъ массы темныхъ и запутанныхъ, весьма важныхъ вопросовъ въ исторіи Литвы XIV и XV в. и возстановить факты какъ можно ближе къ дѣйствительности». Поэтому будто-бы его трудъ имѣетъ характеръ критическій. Но подобнаго характера мы не можемъ придать труду г. Барбашева, потому что двѣ, три выноски въ текстѣ, да столько-же приложеній въ концѣ книги, въ которыхъ авторъ высказываетъ свое собственное сужденіе о томъ или другомъ, часто второстепенномъ фактѣ, не измѣняютъ сдѣланнаго нами раньше опредѣленія сочиненія г. Барбашева: оно заключаетъ въ себѣ простой пересказъ лѣтописныхъ и актовыхъ данныхъ, но они переданы непослѣдовательно и совершенно не выработаннымъ языкомъ. Въ книгѣ г. Барбашева часто встрѣчаются рѣзкіе переходы въ изложеніи отъ одного предмета къ другому, безъ всякаго объясненія и видимой необходимости, много неудачныхъ выраженій и даже нѣсколько такихъ мѣстъ, гдѣ нельзя понять точный смыслъ выраженія. Мы не дѣлаемъ для доказательства справедливости нашего отзыва выписокъ изъ книги

г. Барбашева: на это потребовалось-бы много времени и мѣста, а между тѣмъ указанія на нѣкоторые промахи не исправятъ работы, которую уже если исправлять, то отъ первой до послѣдней строки. Авторъ сдѣлалъ одно—свелъ всѣ факты, касающіеся Витовта, во едино, представивъ, такъ сказать, черновую работу; за ней должна была слѣдовать такая группировка и объясненіе собраннаго матеріала, которая сама собой характеризовала-бы точно и ясно и личность Витовта и его политику—группировка, подъ которой мы разумѣемъ не только дипломатическія отношенія правителя, но и его дѣятельность по внутреннему управленію страной, чего вовсе не касается въ своемъ сочиненіи г. Барбашевъ.

И. Каманинъ.

П. А. Кулишъ. «Байда, князь Вишневецкій», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ. 1885 г.

Содержаніе настоящей драмы взято изъ жизни и дѣятельности князя Димитрія Вишневецкаго (изъ Вишневца, на Волыни), извѣстнаго въ народной южно-русской поэзіи подъ именемъ Байды, а также Ганжи Андыбера, представителя сѣрой козацкой массы XVI столѣтія. Послѣдній извѣстенъ почти только изъ народныхъ пѣсень, между тѣмъ о князѣ Вишневецкомъ мы имѣемъ и нѣсколько достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, въ извѣстной мѣрѣ сходящихся и съ пѣсенными данными. Уже по одной этой причинѣ главнымъ лицомъ и по замыслу и по исполненію является въ пьесѣ г. Кулиша именно Байда, т. е. Димитрій князь Вишневецкій. О томъ, насколько Байда въ предлежащей драмѣ согласуется съ историческимъ княземъ Димитріемъ Вишневецкимъ, скажемъ послѣ, теперь-же приведемъ краткое содержаніе пьесы, чтобы читателю удобнѣе было слѣдить за дальнѣйшимъ разборомъ ея.

Драма открывается прологомъ, въ которомъ обнаруживается основной взглядъ автора на героя пьесы, какъ на рыцаря—носителя высшей правды, который потому-то и выведенъ на театральныя подмостки, что, говоря словами драмы,

«Боронючи народню Гиппокрену,
Духовну зброю безъ устанку носимъ,
И се на лицедійную арену
Свою борбу за правду переносимъ».

Въ первомъ дѣйствіи, происходящемъ въ Вишневцѣ, являются слѣдующія сцены: первая, въ которой происходитъ столкновеніе между

княгиней Вишневецкой и ея сыномъ Байдой, которому по сердцу не двоюродная сестра его Катруся, выбранная для него въ невѣсты матерью, а Гальшка Острожская. Въ концѣ концовъ Байда рѣшительно отказывается отъ Катруси и возвращаетъ ей обручальное кольцо. Затѣмъ Байда принимаетъ пословъ: русскаго отъ царя Іоанна Грознаго и турецкаго, изъ которыхъ каждый старается склонить его на свою сторону. Въ слѣдующей сценѣ Байда узнаетъ о поруганіи и обезчещеніи его милой, Острожской княжны, Сангушкомъ, съ соизволенія ея дяди, и рѣшается отомстить имъ за это съ помощію козацкой черни, пирующей въ кабакѣ у Насти Горовой.

Во второмъ дѣйствіи представленъ этотъ пиръ, на которомъ ярко обнаруживается вражда зажиточныхъ козаковъ, или «дукъ» и «нетягъ», т. е. бобылей. Ганжа Андыберъ является представителемъ и покровителемъ этихъ послѣднихъ и дозволяетъ имъ по своему расправиться съ «дуками». Входитъ Байда, и Андыберъ наружно смиряется передъ нимъ. Но изъ слѣдующей сцены обнаруживается, что онъ измѣнилъ Байдѣ въ самую горячую минуту подъ Острогомъ.

Третье дѣйствіе переноситъ насъ въ садъ надъ Босфоромъ въ Турціи, куда Байда бѣжалъ, вслѣдствіе измѣны Ганжи. Съ Байдой находится и неразлучный, вѣрный слуга и другъ его Тульчинскій, тайно любящій Катрусю. Является княгиня Вишневецкая и сообщаетъ сыну обо всемъ, что случилось на Украйнѣ въ его отсутствіе: о ссорѣ князя Василія Острожскаго съ Андыберомъ, о бѣгствѣ послѣдняго на вишневецкія степи и разграбленіи имъ Настина кабака, о нападеніи на Украйну татаръ, страшно ее разорившихъ и угнавшихъ въ плѣнъ массу женщинъ, въ числѣ которыхъ была и Катруся. Къ счастью она попала въ руки султанши, которая и возвращаетъ ей свободу, написавши Байдѣ, чтобы онъ отдалъ ее Тульчинскому. Байду зовутъ на военный совѣтъ къ Падишаху, испуганному нападеніемъ на Царьградъ козаковъ. Байда измѣняетъ туркамъ и уплываетъ съ козаками, при чемъ спасаетъ жизнь своего врага Ганжи Андыбера, предводительствовавшаго козацкой силой и отрѣзаннаго турками отъ своихъ. Тѣмъ не менѣе ненависть Андыбера къ Байдѣ, какъ представителю, по его мнѣнію, козаковъ-дукъ и защитнику господскихъ порядковъ, производящихъ неравенство между козаками, до того велика, что онъ, забывши, чѣмъ обязанъ Байдѣ, вооружилъ противъ него козацкую чернь. Наряженъ судъ надъ Байдою, его винятъ въ томъ, что онъ допустилъ совершиться страшному преступленію въ глазахъ козаковъ,—помѣстилъ въ Сѣчи, на Хортицѣ, женщинъ: свою мать и Катрусю. По просьбѣ Байды, судъ разрѣшаетъ ему оправдываться «Божьимъ судомъ», т. е. поединкомъ съ козакомъ—не-

тягою. Выйти противъ него вызывается Андыберъ, но поединокъ не состоялся: ему помѣшало нападеніе на Украйну турецко-татарской силы.

Пятое дѣйствіе снова происходитъ въ Вишневцѣ. Ярмарка. Между козаками, толпящимися вокругъ кобзаря, показывается безрукій Ганжа Андыберъ, возвратившійся изъ татарскаго плѣна и съ начала не узнанный козаками. Разсказъ Андыбера о томъ, какъ онъ, сгарая жаждою козацкой воли, самъ себѣ отрубилъ руку, которою былъ прикованъ къ жернову, приводитъ козаковъ въ восторгъ, и они просятъ кобзаря сложить думу про Андыбера, про его ненависть къ дукамъ, про геройское освобожденіе изъ плѣна. Въ слѣдующей сценѣ Тульчинскій сообщаетъ княгинѣ Вишневецкой страшную вѣсть о возвращеніи Андыбера изъ плѣна, о томъ, какъ къ нему пристала вся казацкая чернь и какъ онъ грозитъ истребленіемъ всѣхъ «сриблянниковъ», т. е. зажиточныхъ козаковъ и князей Острожскихъ, Вишневецкихъ, Сангушекъ, Радивиловъ. Вѣсть эта тѣмъ ужаснѣе, что на Украйнѣ отсутствуетъ Байда, служащій у царя Ивана Грознаго. Въ слѣдующей сценѣ является возвратившійся изъ Великой Руси Байда, весь сѣдой, якобы отъ тяжкихъ условій службы грозному царю и его землѣ, гдѣ, по словамъ Байды «погибаетъ все, що встає за правду». Изъ словъ Байды обнаруживается также, что онъ жалѣетъ богатую и обширную Московскую Русь, заѣденную неправдою, но помочь ей было не въ его силахъ. Изъ всѣхъ своихъ исканій правды онъ пришелъ къ тому выводу, что ее можно найти лишь въ своей собственной «взбросной хатѣ», и что такую хату онъ можетъ себѣ устроить лишь за Днѣпромъ, въ Молдовлахіи. Проще сказать, Байда задумалъ завоевать себѣ молдавскій престолъ съ помощію козаковъ и самого Андыбера, котораго онъ думаетъ одолѣть довѣріемъ и забвеніемъ прошлаго. Но Андыберъ не таковъ: онъ остался до конца вѣренъ себѣ, своей слѣпой и страстной ненависти къ «сребрянникамъ» и предалъ Байду въ руки турокъ... Предъ походомъ Байды происходитъ обрученіе Самуся Тульчинскаго и Катруси. Послѣдняя сцена 5-го дѣйствія переноситъ насъ въ «судную свѣтлицу» надъ желѣзными крючьями, въ Царьградѣ. Между плѣнными оказывается и самъ Андыберъ, не смотря на его услугу туркамъ. Онъ сначала отказывается отъ принятія магометанства и готовъ безъ страха принять смерть; но, узнавши, что и Байда, также отказавшійся отъ принятія магометанства, будетъ зацѣпленъ за желѣзный крюкъ, готовъ даже измѣнить свое рѣшеніе и «потурчиться», лишь-бы насладиться зрѣлищемъ мученій ненавистнаго ему Байды. Сами турки дивятся такой лютой ненависти... Пьеса оканчивается пѣніемъ невольниковъ: «Годи тобі, князю Байдо, байдувати, сватай мою дочку та йди

царювати» и проч.: это пѣніе «переходитъ варіяціями у високый національный гимнъ».

Теперь обратимся къ болѣе близкому и подробному разсмотрѣнію пьесы какъ со стороны языка, такъ и со стороны содержанія, въ связи съ общими воззрѣніями автора на украинскую исторію.

Зная направленіе и образъ мыслей названнаго писателя въ послѣднее время, рѣзкій поворотъ въ его воззрѣніяхъ на козачество и весь ходъ и смыслъ украинской исторіи, я, признаться, принялся за чтеніе поименованной выше драмы не безъ нѣкотораго предубѣжденія и долженъ сознаться, что оно и послѣ прочтенія книжки нисколько не разсѣялось. Это главное; но я начну съ мелочей.—Прежде всего въ драмѣ васъ поражаетъ крайняя напыщенность и дѣланность рѣшительно невозможнаго ни въ чьихъ устахъ языка; она просто бьетъ въ глаза даже непредубѣжденнаго читателя. Сплошь и рядомъ вы натыкаетесь на такія слова, которыхъ ни въ какомъ словарѣ не отыщете и конечно не ожидали встрѣтить въ малорусской книжкѣ. Таковы, напримѣръ, *индикгенатъ*, *можнавладство*, *почезнути*, *гуррикакъ*, *вгрущати*, *ницакъ*, *аговъ*, *давнезный*, *карбазъ*, *опиръ*, *кгальонъ*, *врава*, *вре*, *верешь*, *хлоню*, *недолимокъ*, *знарядде*, *бахматъ* и т. д. Конечно, по теченію рѣчи можно, хотя и не всегда, добиться смысла этихъ и множества другихъ подобныхъ словъ, можно догадаться, напримѣръ, что *пасовище* происходитъ отъ того-же корня, что и *пасу*, что *цешка* можетъ означать судебную повѣстку, что *гайдабура*—слово почти равнозначущее съ *гайдамакой* и проч.; тѣмъ не менѣе необходимость употребленія такихъ странныхъ словъ отъ этого нисколько не становится убѣдительнѣе.

Напыщенность языка дѣйствующихъ лицъ, особенно самаго Байды, стоитъ въ тѣсной связи съ воззрѣніями автора на его героевъ и вообще на историческія отношенія того времени. Такъ приторно-величественный тонъ рѣчей Байды является результатомъ взгляда автора на него, какъ на носителя высшей христіанской идеи, страдальца за правду, человѣка, далеко опередившаго свой вѣкъ въ своихъ политическихъ и общественныхъ взглядахъ и стремленіяхъ. «Ты, говоритъ Байда Тульчинскому, въ сердци маешъ бельведерски струны, гучни й дзвинки, якъ Зевсови перуны» (стр. 75). Въ свою очередь и Тульчинскій (сначала «чура», т. е. слуга Байды, а послѣ его побратимъ) тоже изъясняется подъ стать Байдѣ и такъ-же переполняетъ свою рѣчь классическими и миѳологическими выраженіями. Въ одномъ, напримѣръ, случаѣ онъ говоритъ Байдѣ такъ:

Давно вже я вбачаю,
Що ты сумный, хмурный, мовъ Этна чорна,

Зитхаешъ стиха, мовъ той бурный кратеръ
Передъ розливомъ поломъя та лавы!..
Не смивъ тоби я зъ думкою видкрытись
И змалювавъ кгеоркгику (!) въ пустыни...

Или вотъ разговоръ Тульчинскаго съ Байдою:

Тульчинскій: Великий царь сей турчинъ любомудрый
И правды винъ жадае серцемъ щирымъ;
Та е на свити Геркулесъ великій,
Що правдою воюе вси языки.
Убивъ надъ Волгою страшного змія,
А другого надъ Каспіемъ глыбокимъ.
Его имямъ козакъ, мовъ талисманомъ,
За горами сягнувъ до Океана.

Байда: Ты про московського царя говоришъ...
Такъ, се потужный розумъ, серце праве!
Одно, одно...

Тульчинскій: Що винъ изъ Византіи
Пересадивъ слипыхъ вождивъ до себе?
Дарма. Бо темна чернь, се «ридъ лукавый»,
А ницаки—се «ридъ прелюбодійный»:
Одъ Бога правды ницымъ серцемъ блудить,
Перелюбки зъ «отцемъ олжи» шчиняе.
Поки шчо, мусить дика дича слухать
Своихъ слипыхъ пророкивъ Валаамивъ.
Якъ просвитицця правдою науки,
Не дасця хижакамъ у хижи руки (стр. 75).

Но основательное знаніе классической миѳологіи обнаруживаютъ не только Байда и Тульчинскій, а и турецкій сераскиръ и визирь. Вотъ, напр., слова сераскира (148 стр.):

Пышаюсь боемъ зъ украинськимъ левомъ:
Оборонявсь, якъ Бріарей сторукій,
И вергавъ смерть, немовъ яка машина...

Напыщенная рѣчь визиря невольно смѣшитъ читателя. Вотъ что читаемъ на стр. 146:

Такъ, воины—игралище Фортуны,
А нации—се фили по-пидъ витромъ...
Куды жене ихъ таемнича доля,
Предвичного недовидома воля?
Чого встають, киплять та й засинають,
И про свое вранне не памъятають?

Вре боемъ хуртовинне Руське Море
И напирае на Стамбулъ потужный,
Немовъ, ёму на сромъ и на горе,
Воскресъ Олегъ той вищій, харалужный...

Кажется, и приведенныхъ выписокъ достаточно, чтобы видѣть напыщенность языка драмы, фантастичность историческихъ представленій г. Кулиша. Историческія изображенія въ его драмѣ до того преувеличены и просто раздуты, что даже то зерно правды, которое тамъ имѣется, именно глухая и разрушительная борьба неимущихъ козаковъ съ вельможами, владѣтельными князьями и вышедшими изъ среды ихъ козаками, какъ Байда, даже, повторяемъ, этотъ фактъ дѣлается почти неузнаваемъ въ историческихъ изображеніяхъ г. Кулиша и затемняется массою разныхъ произвольныхъ и чисто фантастическихъ дѣйствій, стремленій и воззрѣній, обнаруживаемыхъ дѣйствующими лицами. Я уже не говорю о томъ, совершенно небываломъ величіи, въ какомъ представленъ авторомъ Байда въ своемъ мѣстопребываніи—Вишневцѣ на Волыни. Изображеніе Дмитрія князя Вишневецкаго въ видѣ какого-то могучаго владыки, въ которомъ заискиваютъ властитель московской Руси и султанъ турецкій, слабо вяжется съ исторической дѣйствительностью. Желающихъ провѣрить наши слова отсылаемъ къ драмѣ г. Кулиша. Тамъ, на стр. 18—30, они найдутъ: и состязаніе московскаго посла съ турецкимъ и величавую полу-фантастическую обстановку, окружающую князя Дмитрія, и напыщенныя рѣчи, приправленныя всякими «Букефалами», «Ганнибалами» и пр. Изъ исторіи между тѣмъ извѣстно намъ совсѣмъ иное: князь Дмитрій, построивши укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ (1556 г.), обращается съ просьбой о защитѣ отъ татаръ и турокъ къ русскому царю Ивану IV Грозному, отъ котораго и получаетъ «опасную грамоту» и жалованье; въ 1558 г. онъ совсѣмъ оставляетъ Литву и служитъ Іоанну IV, владѣя полученнымъ отъ него городомъ Бѣлевымъ три года, послѣ чего опять возвращается въ Литву и въ 1563 г. погибаетъ въ Молдавіи, куда онъ отправляется добывать корону съ 4-хъ тысячнымъ войскомъ; попавъ въ руки турокъ, онъ замученъ былъ ими въ Константинополѣ.

Изъ такихъ-то фактовъ жизни и дѣятельности Байды, князя Вишневецкаго, да изъ извѣстной народной пѣсни о смерти его въ Константинополѣ [1]) и умудрился г. Кулишъ составить свою фантастическую пьесу, полную самыхъ странныхъ и исторически невозможныхъ изобра-

[1]) См. напр., 3-й вып. «Сборника украинскихъ пѣсенъ» г. Лисенка, стр. 7.

женій, воззрѣній и рѣчей, въ родѣ рѣчи московскаго посла, который, говоря о величіи Іоанна IV, выражается такимъ образомъ (стр. 22):

«Великъ нашъ царь: одной полой покрылъ онъ
Ливонію со моремъ со Балтійскимъ,
Другою—*всю Сибирь* со Окіяномъ»...

Идеи и взгляды, высказываемые Байдою и Тульчинскимъ, не соотвѣтствуютъ ихъ времени. Укажемъ для примѣра на слѣдующія слова Байды по поводу появленія козаковъ у стѣнъ Царьграда:

Все, що робилы мы й робити будемъ—
Ницо передъ великимъ симъ моментомъ.
Теперъ-бы можна, братте, намъ пидняти
Усихъ невольникивъ и всю голоту
Болгарську, Кирецьку, Македонську, Сербську
Та й осѣсти столицю бесурменську».

На что одинъ изъ сподвижниковъ отвѣчаетъ ему:

«Тогди-бъ мы тинь Олега звеселили,
И щитъ его на брами поновили».

Еще покойный М. А. Максимовичъ называлъ представленія г. Кулиша объ Украйнѣ «болѣе идиллическими, чѣмъ историческими [1]), и это замѣчаніе оправдываетъ г. Кулишъ и новою своею драмою. На вымыслѣ построены все 3-е дѣйствіе и часть четвертаго. Совершенно произвольно также заставляетъ авторъ Байду пѣть извѣстную пѣсню: «Гомонъ, гомонъ по дуброви» (См. Сборникъ г. Лисенка, вып. II, стр. 16), пѣсню болѣе поздняго происхожденія. Пѣсню: «Ой гукъ мати», по содержанію касающуюся отношеній русскихъ къ полякамъ (см. Сборникъ пѣсенъ Гулака-Артемовскаго, № 39), авторъ преспокойно заставляетъ козаковъ пѣть послѣ побѣды надъ турками, при чемъ слова «вражихъ ляховъ» замѣнены словами «бесурменцивъ»...

Какъ драма, пьеса г. Кулиша мало удобна для сцены, въ ней дѣйствіе весьма часто мѣняетъ свое мѣсто (при 5 дѣйствіяхъ до 20 сценъ, при чемъ 11 разъ должна происходить перемѣна декорацій); иныя сцены черезчуръ коротки, напримѣръ, 6-я втораго дѣйствія, имѣющая особую декорацію: всего 2 листика печатныхъ! Масса разговоровъ, мало содѣйствующихъ движенію дѣйствія, дѣлаетъ пьесу нѣсколько вялой и, пожалуй, скучной, помимо всего прочаго, о чемъ говорилось выше.

Что касается дѣйствующихъ лицъ, то изъ нихъ болѣе другихъ отчетливо изображенъ Ганжа Андыберъ и пожалуй Байда и Тульчинскій; княгиня Вишневецкая и ея племянница Катерина—слишкомъ ужъ

[1]) Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 275.

шаблонны и блѣдны: первая со своей несокрушимой материнской любовью, вторая со своей голубиною кротостью и безжизненностью... Нѣсколько рѣзче очерчена Настя Горовая, степная шинкарка, съумѣвшая прибрать посѣщавшихъ ее козаковъ въ руки, но въ концѣ концовъ до полусмерти избитая Андыберомъ... Весьма недурны и, на мой взглядъ, правдивы сцены, изображающія отношенія между козаками «дуками» и «нетягами»; тутъ довольно наглядно представлена та рознь и глухая вражда, которая, какъ извѣстно, готова была ежеминутно воспламениться и проявиться между этими двумя классами козаковъ, постоянно появлявшимися и существовавшими при благопріятныхъ условіяхъ, на зло народному малорусскому идеалу полнаго равенства въ населеніи. Изъ козаковъ «нетягъ» ярче другихъ обрисованъ «турецкій святый». Это типичнѣйшій представитель казака «нетяги», столь несклоннаго къ упорному стяжанію и хозяйничанью, человѣкъ, для котораго гульба и воля дороже всего на свѣтѣ. Остальныя лица ничѣмъ не замѣчательны, и мы не будемъ останавливаться ни на нихъ, ни на другихъ отдѣльныхъ сценахъ.

Совѣтуемъ однако читателямъ ознакомиться съ разобраннымъ нами произведеніемъ; оно интересно уже по столь извѣстному въ нашей литературѣ имени сочинителя и попытѣ его воспроизвести въ исторической драмѣ тѣ взгляды, которые отчасти извѣстны по его «Исторіи возсоединенія Руси». Какъ мы слышали, это не единственная его попытка, и мы можемъ вскорѣ ждать цѣлый почти рядъ произведеній въ томъ-же родѣ. Поживемъ, увидимъ.

А. Степовичъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ОСТАТКИ БРАТСТВЪ И ЦЕХОВЪ ВЪ ПОЛТАВЩИНѢ.

Маркинъ кинь, та не Марко на нимъ;
Маркова зброя, та не Маркова мова.

Этою народною поговоркою, записанною мною въ м. Нехворощи, константиноградскаго уѣзда, полтавской губерніи, считаю наиболѣе соотвѣтственнымъ предмету начать мои замѣтки объ остаткахъ братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ. Историкъ старѣйшаго изъ всѣхъ братствъ, свято-успенскаго львовскаго, Діонисій Зубрицкій закончилъ поучительную лѣтопись онаго такими словами: «стоитъ и понынѣ этотъ вѣковой дубъ и кое-когда даетъ отъ себя зеленые побѣги». Къ тѣмъ меньшимъ и позднѣйшимъ братствамъ, которыя въ XVII и XVIII столѣтіяхъ густою сѣтью покрывали всю правобережную и лѣвобережную Украйну, нельзя примѣнить и этого скромнаго отзыва. Говоря объ нихъ въ современномъ ихъ видѣ и положеніи, можно только повторить вышеприведенную народную поговорку:

Маркинъ кинь, та не Марко на нимъ;
Маркова зброя, та не Маркова мова.

Осталась форма, а богатое ея содержаніе исчезло; уцѣлѣли обычаи, а смыслъ, духъ ихъ затерялся или затемнился и самая память о прежней жизни братствъ утрачена въ живущихъ поколѣніяхъ.

Судьба этого выдающагося явленія въ исторіи южной Россіи интересовала меня давно и я съ любопытствомъ слѣдилъ за остат-

ками братствъ въ кіевскомъ Полѣсьѣ; но обстоятельства моей жизни и службы мѣшали правильному и послѣдовательному наблюденію, а тѣмъ болѣе записыванію наблюдаемаго. Съ нѣкотораго времени мнѣ пришлось перекочевать въ Полтавщину и не одинъ годъ колесить по ней во всевозможныхъ направленіяхъ. Я сталъ и здѣсь присматриваться къ интересовавшему меня всегда предмету, записывать видѣнное и слышанное, и плодомъ этого являются настоящія мои замѣтки объ остаткахъ братствъ въ Полтавщинѣ. Я не буду касаться въ нихъ ни исторіи, ни значенія братствъ въ минувшей жизни южно-русскаго народа, а передамъ только то, что приходилось мнѣ видѣть или слышать объ этомъ въ разныхъ пунктахъ Полтавщины, не обобщая фактовъ, не дѣлая изъ нихъ какихъ либо выводовъ.

Начну съ Золотоноши.

Здѣсь, повидимому, всего менѣе живыхъ слѣдовъ названнаго учрежденія; въ устахъ старожиловъ сохранились самыя смутныя о немъ преданія и разсказы. Но мнѣ случайно пришлось здѣсь наткнуться на письменный памятникъ одного изъ древнѣйшихъ братствъ Полтавщины и чуть не настоящую его лѣтопись. Въ золотоношской ремесленной управѣ сохранилась записная книга существовавшаго въ Золотоношѣ болѣе 200 лѣтъ братства и, благодаря любезности ремесленнаго головы, я имѣлъ возможность разсмотрѣть ее и сдѣлать изъ нея необходимыя выписки. Книга эта, въ кожаномъ переплетѣ, заключаетъ въ себѣ 115 полулистовъ сѣрой писчей бумаги и лишь незначительная часть ихъ остались чистыми, всѣ-же остальные покрыты записями различныхъ почерковъ и годовъ, начиная съ 1724 г. и кончая 1852 г. Книга заведена въ 1724 г., но записи въ ней начаты съ 1700 г. и за первыя 25 лѣтъ сдѣланы одною рукою,—по всей вѣроятности внесены сюда изъ прежнихъ отрывочныхъ замѣтокъ и даже по памяти. Поводомъ къ заведенію книги послужили начавшіеся въ братствѣ непорядки и упущенія. 1 генваря 1724 г. на общей сходкѣ, обсуждая положеніе своихъ дѣлъ, братчики усмотрѣли, что записи, а равно сборы и расходы велись непорядочно и на многихъ членахъ была недоимка, а потому рѣшили завести эту книгу на вѣчныя времена, а чтобы всѣмъ было извѣстно, съ какого времени, на какихъ основаніяхъ и съ какими цѣлями и правилами существуетъ братство, вписали въ книгу текстъ подлинной фундаціи, данной въ 1624 года золотоношскимъ цехамъ вла-

дѣльцемъ Золотоноши (котораго фамиліи въ книгѣ, къ сожалѣнію, невозможно разобрать) на учрежденіе ими братства и замѣнявшей, повидимому, уставъ его. Приводимъ этотъ любопытный документъ, какъ онъ записанъ въ книгѣ, т. е. безъ заглавія, въ которомъ обыкновенно выписывается весь титулъ того, отъ кого исходитъ документъ, на этотъ разъ отъ владѣльца и старосты Золотоноши.

«Чиню вѣдомо тимъ моимъ листомъ, кому-бъ о томъ вѣдать надлежало, теперъ и напотомъ будучимъ людямъ, ижъ въ року, теперъ идучому, тысяча шестьсотъ двадцать седмомъ, мѣсяца іюля девятнадцатого дня, подданные мои золотоноскіе, ремесла шевского, кравецкого и кушнѣрского, жадали мене о тое, жебымъ имъ, якъ по инныхъ мѣстахъ межи ремесниками, порядокъ учинилъ, то есть цехъ и братство мати. Що-жъ я видячи за річъ слушную и церкви божественной потребную, позволилъ и зъ ласки моеи даю, же имъ волно будетъ въ кождый рокъ два каноны меду, т. е. першій канонъ мають медъ снтити, кадей двѣ меду, ко дню свята урочистого Козмы и Демяна предъ запустами въ осенны, передъ Филиповыми, другій канонъ, также кадей двѣ меду, на веснѣ, на Воскресеніе Господне. Зъ которихъ то каноновъ вышъ помененные цехмистры съ братіею своею свѣчи ставитъ въ храмѣхъ Божественныхъ въ мѣстѣ Золотоноши, въ церкви Успенія Пресвятой Богородицы и въ церкви св. отца Ныколы, въ кождый рокъ повынни будутъ, и въ томъ имъ такъ я самъ, яко и арендаръ мой и иншій нѣхто зъ челяди моей замковой, жадной кривды и перешкоды чинить не маю и не мають. Такъ тежъ имъ позволяю и зъ ласки моеи даю, еслибы въ ремеслахъ ихъ одъ кого-бы колвекъ зъ нихъ шкода яка стала тому, хто-бы имъ роботу далъ, а было-бы неслушне зробленко, албо вкрадоно што колвекъ зъ роботы, любо тежъ який вандровный ремесникъ которого колвекъ ремесла еслибы хотѣлъ потай ремесло робить, безъ вѣдомости и позволенія братерского, таковыхъ всѣхъ выступныхъ цехмистеръ, любъ на сходке братерской, любъ тежъ взявши трохъ братовъ, товариновъ своихъ, мѣетъ судить и ведлугъ проступку ихъ карать. Такъ тежъ который братъ, пришедши на сходку, мелъ-бы безчинновать и въ речъ непотребную удаватися и речъ брату своему перерывать, цехмистра съ братіею зневажать, такового кождого въ цеберъ или въ колоду всадить, и шесть грошей маетъ до скрыньки

дать. Зась сходку маютъ себѣ въ двохъ неделяхъ меть и каждый до скрыньки по полгроша маетъ давать. И за вшелякіе речи поточные, що ено будуть судить, цехмистръ съ братіею, ведлугъ порядку ремесницкого, якъ и по иншихъ мѣстахъ и братствахъ заховуетъ, до скрыньки братерской маютъ давать. За речъ злодѣйскую, любъ кривавую, цехмистры съ братіею своею на пана повинни будутъ отдавати. И еслибы цехмистры съ братіею своею въ речъ злодѣйскую и кривавую ремесниковъ попалыхъ, на которыхъ-бы мнѣ панувна (?) принадала, меля-бы затаить и мне не ознаймить, то таковый цехмистръ и съ братіею своею вины копъ три заплатыты маютъ. Хто-бы тежъ зъ стороны, любъ ремесникъ, любъ не ремесникъ, зъ якими колвекъ фантами, будь зъ обовью, до маетности моей на роботу або на продажу пріѣдетъ, цехмистрови маеться обвѣстить и доходъ ему, якъ и по иншихъ мѣстахъ идетъ, отдати маетъ. А если-бы схотѣлъ фанты, албо обови продавать, маетъ цехмистра поознать. Рѣзники, которые въ маетности моей рѣзью ся бавлютъ, если кто скуру яловичую, овечую, козовую, конскую, любъ и десятокъ скуръ зберетъ, на сторону не маетъ продавать, не ознаймивши цехмистрови и братіи, а кгды цехмистеръ любъ изъ братіи который до третого дня не купитъ, по трехъ днехъ обвѣстивши цехмистрови, же нѣхто не купилъ, волно и на сторону продать. А если-бы рѣзникъ по реченнымъ на сторону скуру продалъ безъ вѣдомости цехмистра и братіи, таковый вины заплатитъ копъ три. Зась хто изъ стороны пріѣдетъ до маетности моей скуръ скуповувать и мѣщанинъ мой ему-бы продалъ, теди цехмистру албо брату волно гроши, за що выторговалъ, одложить, а скуру до себе взять. Роботу замковую цехмистеръ межи братіею своею роздавать маетъ, що едно потреба будетъ, повиненъ будетъ зробить. А я ихъ одъ подводъ вшелякихъ и одъ повинностей мѣскихъ и одъ шарварковъ вшелякихъ вызволяю и до мѣскихъ подачокъ ихъ волними чиню на потомные часы и лѣта. Тилько ихъ одъ набору королевского, одъ кгвалтовное речи ку оборонѣ мѣской не вызволяю. Што я вышъ помененный мѣщанамъ и ремесникамъ ремеслъ шевского, кравецкого и кушнерского мѣста золотоноского даю имъ сей мой до цеху братерского листъ, для порядку братства ихъ, подъ печатью моею и подписомъ руки моей власной.—Писанъ въ Золотоношѣ, року Божого 1627, мѣсяца іюля 19 дня ruka własnaia».

Итакъ братство образовалось изъ цеховъ, хотя цехи, какъ и самое братство, могли существовать и существовали вѣроятно и раньше 1627 г. и только теперь получили разрѣшительный патентъ отъ владѣльца Золотоноши, чего требовало *jus dominium*. Слитіе цеховъ въ братство представляетъ обыкновенное явленіе въ то время въ городахъ и мѣстечкахъ всей южной Россіи. Оно облегчало учрежденіе братства изъ готовыхъ ассоціацій, члены которыхъ связаны были жизненными матеріальными интересами, усиливало его средства, возвышало и освящало его цѣль служеніемъ церкви и дѣлами христіанской благотворительности. Совѣтъ братства состоитъ здѣсь, какъ и вездѣ, изъ цехмистра, старшаго брата и ключника, источники доходовъ разнообразнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ братствахъ. Вступалъ ученикъ въ обученіе мастерству какого либо цеха,—онъ вносилъ при этомъ въ братскую скрыньку *вступное*, выходилъ изъ ученія и—платилъ *вызвѣлокъ*, становился подмастерьемъ или младшимъ майстромъ,—платилъ часть братскаго взноса, а когда открывалъ самъ мастерскую, долженъ былъ уплотить весь *впис*, какъ самостоятельный членъ. Собранія братчиковъ происходили каждыя двѣ недѣли и при этомъ каждый вносилъ по полгроша. Бывали экстренныя и праздничныя собранія, и тогда братчики давали по желанію. Плата за свѣчи при погребеніи и сукно или покрывало надъ гробомъ, равно штрафы съ цеховыхъ за разныя вины шли также въ братскую кассу, и всѣ деньги шли на содержаніе и украшеніе церкви и на помощь бѣднымъ. Вступленіе въ ученики и въ мастера производилось посредствомъ изустнаго заявленія предъ братствомъ и сопровождалось *могоричемъ*. Условиться о вступленіи въ ученіе или въ мастера называлось *поѣднать цехъ*, возобновить званіе цеховаго и вмѣстѣ братчика называлось *поновить цехъ*. Братскіе взносы дѣлались въ четвертой и половинной части, въ полномъ видѣ на всю жизнь и на вѣчныя времена. Всѣми такими записями переполнена братская книга 1700—1852 г. Записи идутъ не регулярно и иногда за предъидущіе годы позже послѣдующихъ, записывались преимущественно *поѣданія* братства и приходъ, а расходъ изрѣдка, исключительно почти на потребности церкви, изъ чего заключить должно, что мелкіе расходы велись безъ записи, или для нихъ существовала особая книга, которая не сохранилась. Къ концу прошлаго столѣтія въ братство вступаютъ захожіе ремесленники изъ великорос-

сіянъ. Впослѣдствіи понятія о братствѣ такъ затемнились, что въ 1847 г. въ цехъ, а слѣд. и въ братство записались 10 жидовъ и изъ нихъ 4 иногороднихъ. Послѣдняя запись 1852 г. принадлежитъ также еврею—Дувиду Лейбину Волынскому, послѣ чего братство, какъ видно, прекратило свое существованіе.

Нѣсколько иначе устроился и существуетъ до настоящаго времени *гончарный цехъ въ м. Хомутцѣ*, миргородскаго уѣзда. О времени основанія цеха не нашлось письменныхъ свѣдѣній, тѣмъ не менѣе гончарство существуетъ тамъ, какъ говорятъ, «зъ дидивъ, зъ прадидивъ». Установился традиціонный обычай, строго соблюдаемый, что поступившій въ цехъ не долженъ ни убивать животныхъ, ни снимать кожъ съ палыхъ, иначе его «вытруть зъ бумаги», т. е. вычеркнутъ изъ списковъ [1]). Цехъ имѣетъ крестъ съ изображеніемъ Распятаго Христа и св. Николая (патрона), и этотъ крестъ и цеховая скрынька находятся всегда въ домѣ цехмистра. Скрынька запирается двумя замками, а ключи хранятся у цехмистра и ключника. Гончары имѣютъ въ приходской церкви кіотъ съ образомъ св. Николая, нѣсколько хоругвей, и содержатъ въ церкви *4 ставника* (большія свѣчи), которые ежегодно возобновляютъ къ праздникамъ Рождества, Воскресенія Христова, Троицы и Покрова. На каждый ставникъ идетъ 9—10 фунтовъ воска, а «огарки» остаются для зажиганія при погребеніи и т. п.

Общія собранія цеха бываютъ во время рождественскихъ и свѣтлыхъ праздниковъ въ домѣ цехмистра. Обыкновенно обсуждаются вопросы о пожертвованіяхъ въ церковь деньгами или вещами въ видѣ хоругвей, ризъ, кіотовъ и т. п., при чемъ приводится въ извѣстность наличность кассы и иногда дѣлается раскладка съ каждаго хозяина по мѣрѣ надобности. Для взысканія налога избираются особые сборщики, которые вносятъ собранную сумму цехмистру и ключнику.

Въ теченіе года бываютъ экстренныя сходки для принятія новыхъ членовъ, или когда случится воровство глины у кого либо изъ гончарей и обнаружится виновный. Въ такихъ случаяхъ цехмистеръ собираетъ не менѣе 6—7 человѣкъ стариковъ и сообща производитъ

---

[1]) Такой-же обычай существуетъ еще и теперь во всѣхъ цехахъ въ заштатномъ городѣ Глинскѣ.

разборъ дѣла, а во время общихъ собраній рѣшаютъ всѣ съобща. Виновный подвергается денежному штрафу въ скрыньку 1—2 руб. Между тѣмъ разсказывали мнѣ: «було колысь робили такъ, що хто провиноватитця, то поставлять на *камиши*, т. е. мелкіе острые камешки, щобъ не вадився красти чужои глины». Это наказаніе уничтожено въ 60-хъ годахъ, когда сталъ извѣстенъ манифестъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по суду.

Цехъ издавна владѣетъ на правѣ собственности участкомъ около 8 десятинъ гористой возвышенности съ залежами гончарной глины. Участокъ этотъ при генеральномъ межеваніи показанъ за гончарнымъ цехомъ хомутецкаго и поповскаго обществъ, съ присоединеніемъ купленной цехомъ 1 десятины пахатной земли, прилегающей къ глинищамъ. Среди глинищъ есть большой деревянный крестъ, выкрашенный масляною краской, съ небольшою оградой. Прибывающіе для добыванія глины обыкновенно творятъ молитву, обращаясь къ кресту, и въ глинищахъ никогда не позволяется естественныхъ отправленій. Освященіе глинищъ происходитъ чрезъ каждые два года, съ молебствіемъ и водосвятіемъ при крестномъ ходѣ. Въ тотъ день на глинищахъ устраивается закуска, при чемъ изъ цеховыхъ суммъ уплачиваютъ священнику 3—5 руб. и покупается ведра 3 водки, а съѣстные припасы собираются натурой и даются «по усердію». На глинищахъ закуска бываетъ на-скоро: «абы перекусили робочи, що несуть процессію (хоругви)», а пиршествуютъ у цехмистра и вообще по домамъ.

На праздникъ приходятъ гончары изъ м. Поповки, которые съобща съ хомутецкими гончарами пользуются глинищами безплатно, если приписались въ цехъ. Вновь поступающій за записку въ цехъ уплачиваетъ единовременно 1 руб. 50 коп. въ скрыньку и угощаетъ братчиковъ по состоянію. Оставшіеся сиротами и изучившіе гончарство подъ руководствомъ хозяевъ являются къ цехмистру, и если хозяинъ засвидѣтельствуетъ объ успѣшномъ окончаніи ученія, способностяхъ и хорошемъ поведеніи ученика, то его принимаютъ въ цехъ, а онъ за «визвѣлку» (освобожденіе отъ ученія и вступленіе въ число самостоятельныхъ мастеровъ) вноситъ въ цехъ 15 к. Прекратившіе занятіе сыновья и внуки гончарей, если обращаются къ ремеслу продковъ, «поновляютъ» цехъ, т. е. вновь записываются и при этомъ уплачиваютъ

по 1 р. Въ числѣ хомутецкихъ обывателей есть нѣсколько десятковъ хозяевъ, не занимающихся гончарствомъ, но приписавшихся къ цеху такъ сказать для счета; тѣмъ не менѣе традиціонный обычай обязателенъ одинаково для всѣхъ братчиковъ.

Братскихъ учрежденій въ родѣ «шпиталя» (богадѣльни) на памяти старожиловъ не существовало; но существуетъ старый обычай, по которому если умираетъ братчикъ или кто-либо въ семьѣ, и по бѣдности не въ состояніи нанять людей для копанія ямы и устройства гроба, то обращаются къ цехмистру и тогда по распоряженію послѣдняго назначается на работу до 10 человѣкъ. Каждый обязанъ являться безъоттоворочно по первому требованію, или вмѣсто себя поставить рабочаго. Къ состоятельнымъ людямъ собираются на погребеніе до 50 человѣкъ и забираютъ изъ церкви «всю процессію» (хоругви, ставники и значки), а для бѣдняковъ доставляются отъ цеха носилки, крестъ и «недогарокъ ставника». За работу и труды при погребеніи—плата не въ обычаѣ, но пользуются болѣе или менѣе обильнымъ угощеніемъ и «подарками» въ видѣ платковъ и «рушниковъ» или «хустокъ».

У нынѣшняго цехмистра хранятся приходо-расходныя книги и именные списки гончарей съ 1836 г. Я имѣлъ возможность обозрѣть эти книги, но нашелъ лишь записи расходовъ на ставники къ праздникамъ, на сооруженіе кіотовъ и другія церковныя потребности, а также на водку при освященіи глиницъ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ старожиловъ, при перестройкѣ церкви и возобновленіи иконостаса, пожертвовано цеховыхъ суммъ до 2,000 р., которые «ще предки заслужили». Эта сумма была роздана братчикамъ взаймы безъ всякихъ письменныхъ обязательствъ и долгъ записывается лишь въ приходо-расходную книгу. Теперь осталось въ долгу всего съ небольшимъ 30 р. Взываніе процентовъ въ прямомъ смыслѣ не въ обычаѣ, но каждый заемщикъ приноситъ въ видѣ добровольнаго «пожертвованія» 10—15 % въ годъ.

Упомяну еще о *церковномъ* братствѣ въ с. *Паисковѣ* (золотоношскаго уѣзда). Послѣ пожара церкви, братство устроилось (независимо церковно-приходскаго попечительства) главнымъ образомъ съ благочестивыми цѣлями—для содѣйствія церкви. Назначены ежегодные обязательные взносы отъ каждаго братчика не менѣе 1 р. Для усиленія средствъ братство варитъ и продаетъ медъ въ храмовой праздникъ

(8 ноября). Дѣлами завѣдываетъ «старшій братъ», избираемый ежегодно. Въ августѣ мѣсяцѣ старшій братъ, при участіи еще двухъ или трехъ, закупаетъ пудовъ до 20 сѣраго меда и выжимаетъ воскъ. Предъ праздникомъ очищенный медъ перевариваютъ съ водой, къ нему прибавляютъ мяты для запаха и разливаютъ въ бочку и боченки. Этотъ медъ распродаютъ въ день праздника по мелочамъ, а желающимъ отпускаютъ въ долгъ по нѣскольку кварт. Выручка отъ меда поступаетъ въ братскую кассу. Составился капиталъ болѣе 200 р. и братчики разобрали оный безъ всякихъ документовъ; между тѣмъ уплата даже по частямъ происходитъ весьма неохотно, такъ что братство едва не распалось, тѣмъ болѣе, что за бывшимъ старшимъ братчикомъ осталось въ долгу до 50 р. Съ избраніемъ новаго старшаго братчика уже на второй годъ дѣло начинаетъ поправляться, и, наученные опытомъ, братчики порѣшили брать съ своихъ должниковъ векселя на данныя въ ссуду деньги [1]).

Есть еще зачатки *братства черноморскихъ матросовъ* въ заштатномъ городѣ Глинскѣ. Оттуда набирается матросовъ въ послѣднее время до 100 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ разсказывали мнѣ, что, при благопріятной навигаціи, многіе возвращаются домой съ порядочными заработками, но за зиму успѣваютъ прожиться (а иные прокутить) настолько, что весной не имѣютъ средствъ двинуться въ путь и прибѣгаютъ къ займамъ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Это навело ихъ на мысль устроить братство для взаимопомощи, съ ежегоднымъ обязательнымъ взносомъ по 5 р. отъ каждаго братчика. Такимъ образомъ скопился капиталецъ въ нѣсколько сотъ рублей, который разобрали въ ссуду нуждающіеся, безъ письменныхъ обязательствъ, но отъ уплаты иные отказываются, нѣкоторые-же умерли и взять нечего. Дѣло также чуть не рухнуло, но все таки удержалось. Нѣкоторые матросы обстоятельно бесѣдовали со мной и очень интересовались изысканіемъ способовъ къ укрѣпленію и разширенію предпріятія, высказавъ намѣреніе, по окончаніи навигаціи настоящаго года, воздѣйствовать на усиленіе взносовъ, тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ по возвращеніи съ моря,

[1]) Въ такомъ-же родѣ существуетъ братство и въ с. Мельникахъ (золотоношскаго уѣзда).

для каждаго не будетъ стѣснительно отложить хоть десятокъ рублей. Многіе изъ матросовъ отличаются и развязностію и толковостію, такъ, что дѣло могло-бы значительно подвинуться, если-бы нашелся сочувствующій руководитель.

Молодецкіе или парубоцкіе братства существуютъ еще почти повсемѣстно, хотя дѣятельность ихъ ограничивается, главнымъ образомъ, содержаніемъ одного или нѣсколькихъ ставниковъ. Напримѣръ въ м. Хомутцѣ молодецкія братства существуютъ особо въ каждомъ приходѣ и избираютъ атамановъ отдѣльно. Въ одномъ приходѣ парубки имѣютъ въ церкви свою икону—Спасителя и звѣзду и держатъ 3 ставника. Отаманъ во время великаго поста дѣлаетъ раскладку на парубковъ «по состоянію» для сооруженія ставника, хоругви и т. п. Начинающій ходить на улицу парубокъ покупаетъ водку и угощаетъ братчиковъ, а также дѣлаетъ взносъ въ пользу братской кассы. Въ с. Павскомъ (золотоношскаго уѣзда) «молодецьке братство» варитъ медъ къ рождественскимъ и воскресенскимъ праздникамъ, имѣетъ въ церкви 6 ставниковъ, которые зажигаются на литургіи при чтеніи «Апостола», при чемъ парубки становятся съ ставниками въ два ряда отъ царскихъ вратъ и ставники горятъ до тѣхъ поръ, пока на клиросѣ пропоютъ «И всѣхъ и вся». Ежегодно, по рѣшенію братчиковъ, собираютъ со всѣхъ деньги на сооруженіе ставниковъ, хоругвей и т. п., въ дополненіе къ выручкѣ отъ меда. Во время рождественскихъ праздниковъ всѣ парубки собираются на первый день къ атаману, который угощаетъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ парубки преподносятъ ему подарокъ въ видѣ шелковаго платка или хорошаго пояса. Съ того-же дня и почти цѣлую недѣлю продолжается «колядна». Раздѣлившись на нѣсколько группъ, парубки ходятъ колядовать по домамъ своихъ товарищей, «хозяйскихъ» сыновей, болѣе или менѣе состоятельныхъ, собирая пожертвованія съѣстными припасами и деньгами. Передъ праздниками парубки нанимаютъ себѣ просторную хату, варятъ тамъ медъ и почти все время праздниковъ проводятъ тамъ-же, имѣя общій столъ изъ собранныхъ припасовъ, но конечно добавляютъ еще разныхъ овощей, запивая горѣлкой и медомъ. Мнѣ говорили, что сыновьямъ даже не особенно зажиточныхъ хозяевъ праздники обходятся рублей въ пять. Вѣдники составляютъ особую компанію и несутъ болѣе скромные

затраты. Отправляясь колядовать, испрашиваютъ отъ священника благословеніе и берутъ у него церковный «воздушекъ», который кладутъ на столъ при входѣ въ избу. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ Хоролѣ и Прилукахъ, парубки ходятъ колядовать со звѣздою болѣе или менѣе крупныхъ размѣровъ, вращающеюся и освѣщенною извнутри. Такая звѣзда называется «вертепомъ», но мнѣ приходилось слышать лишь самые незначительные отрывки изъ извѣстнаго «вертепа», текстъ котораго напечатанъ въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 г. Въ молодецкомъ обществѣ с. Панскаго та особенность, что парубки рѣдко распѣваютъ колядки, но большею частію сидятъ въ шинкѣ и поютъ мірскія пѣсни. Атаманъ обязательно присутствуетъ при нихъ и старается уладить возникающія нерѣдко между ними ссоры и непріятности. Но прежнія патріархальныя отношенія все болѣе и болѣе теряютъ силу, и тяжбы переходятъ въ волостной судъ или къ мировымъ судьямъ [1]).

На остатки бывшихъ нѣкогда многочисленныхъ церковныхъ братствъ указываетъ не прекратившійся еще обычай *медоваренія*. Этотъ обычай держится теперь, сколько мнѣ удалось узнать, почти во всѣхъ селахъ на днѣпровскомъ побережьи золотоношскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ селахъ переяславскаго уѣзда. Въ городахъ Полтавщины медовареніе давно вывелось, такъ что напримѣръ въ Золотоношѣ уже и старожилы не помнятъ, да и по цеховой книгѣ съ 1730 г. не упоминается ни единымъ словомъ. Вообще по разсказамъ въ разныхъ мѣстахъ можно вывести заключеніе, что старинное медоваренію къ храмовымъ праздникамъ встрѣтило затрудненія и противодѣйствіе послѣ введенія откуповъ и потомъ акциза.

Въ упомянутыхъ мною мѣстахъ не вывелись также *общественные обѣды* въ храмовые праздники, какъ памятникъ существовавшихъ нѣкогда братствъ. Обыкновенно устройствомъ обѣдовъ завѣдываютъ такъ называемые «братчики», избираемые обществами. Они заботятся о прис-

[1]) Въ церкви с. Панскаго насчитываютъ до 20 хоругвей и значковъ, сооруженныхъ молодецкимъ братствомъ, и кромѣ того нерѣдко тамошніе «молодцы» жертвуютъ хоругви въ церкви сосѣднихъ селеній. Въ Хомутцѣ, Рѣшетиловкѣ, Опошнѣ и многихъ другихъ мѣстахъ такъ же въ каждой церкви есть нѣсколько парубоцкихъ хоругвей, которыя носятъ собирательное имя «цехъ», а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «процессія».

каніи стряпухъ, собираютъ пожертвованія продовольственными припасами и покупаютъ нѣсколько ведеръ водки. Трапеза устраивается, смотря по времени года, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на «цвинтарѣ» (погостѣ) или въ колокольнѣ, въ другихъ—занимаютъ для столовыхъ избу церковнаго старосты и нѣсколько сосѣднихъ. Во многихъ мѣстахъ еще храмовые праздники продолжаются два-три дня и не дешево обходятся каждому хозяину. Въ прежнее время «храмы» праздновались особенно широко, напримѣръ въ сс. Зубанахъ и Радаловкѣ, хорольскаго уѣзда. Туда наѣзжали и находили цѣлыя толпы крестьянъ изъ сосѣднихъ селеній миргородскаго и кобелякскаго уѣзда, а къ «панкамъ» и «полупанкамъ» съѣзжались родственники и пріятели, и пировали чуть не цѣлую недѣлю въ домѣ то одного, то другаго общаго знакомаго. «Судови панычи» изъ Хорола, Миргорода и Кобелякъ также исправно «храмовали», и потомъ долго разсказывались анекдоты или этюды храмовыхъ пиршествъ, событій и приключеній.

Современные ремесленные цехи въ городахъ существуютъ по правиламъ установленнымъ въ Сводѣ законовъ. Обрывки стародавнихъ обычаевъ встрѣчаются въ томъ-же традиціонномъ религіозномъ оттѣнкѣ, въ видѣ «ставниковъ», пожертвованія хоругвей и значковъ. Впрочемъ каждый цехъ имѣетъ обыкновенно свою хоругвь, погребальныя носилки, а иногда и сукно для прикрытія гроба. До учрежденія общихъ ремесленныхъ управъ, при смерти кого либо изъ цеховыхъ даннаго цеха, управный старшина (по прежнему цехмистеръ) чрезъ «молодчихъ» (братчиковъ, исполнявшихъ обязанности разсыльныхъ) собиралъ потребное число ремесленниковъ своего цеха и наряжалъ для копанія ямы и т. п. Теперь ремесленный голова назначаетъ въ нарядъ отъ каждаго цеха потребное число людей. Непринадлежащіе къ числу ремесленниковъ, просто сказать, торгуются съ старшиной за нарядъ рабочихъ для носилокъ, хоругвей, и т. п. Въ нѣкоторыхъ городахъ (напримѣръ, въ Прилукахъ) мнѣ недавно приходилось видѣть оригинальное погребальное шествіе: гробу покойнаго предшествуетъ нѣсколько такъ называемыхъ «поклитовъ» (имѣющихъ нѣкоторое подобіе полукруглой крышки гроба), возложенныхъ на носилки и покрытыхъ сукномъ того или другаго цвѣта съ украшеніями изъ крестовъ, бахромы, кистей и т. п. Такіе «поклиты» есть въ каждомъ цеху въ Прилукахъ, а въ Золотоношѣ

вывелись изъ употребленія около 15 лѣтъ, по настоянію одного изъ «батюшекъ». Мнѣ не пришлось узнать ничего относительно происхожденія этого обычая, но въ книгѣ золотоношскаго цеха записано въ 1826 г. сооруженіе «поклита». Въ средѣ прилуцкаго купечества и мѣщанства преднесеніе нѣсколькихъ «поклитовъ» и массы цеховыхъ хоругвей считается торжественнымъ похоронным обрядомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обходится въ нѣсколько десятковъ рублей. Въ Полтавѣ въ присутствіи общей ремесленной управы хранятся хоругви каждаго цеха и парадные жезлы цеховыхъ старшинъ и головы, съ тѣмъ различіемъ, что жезлъ головы выше другихъ и имѣетъ сверху посеребренный губернскій гербъ; на немъ навѣшены серебренные снурки съ кистьми, а на серебренномъ щитѣ изображена съ одной стороны цеховая эмблема (на плотничо-столярномъ: топоръ, циркуль и пила, на бондарскомъ—боченокъ и т. д.), а на оборотѣ означено названіе цеха. Въ дни торжественные голова и старшины становятся въ церкви съ своими жезлами (въ обыкновенныхъ костюмахъ), а носители церковныхъ хоругвей облекаются въ чемарки, на манеръ козачьихъ, обшитыя вокругъ, какъ и черные суконные пояса, серебренымъ галуномъ, а также имѣютъ черныя смушевыя высокія шапки съ краснымъ остроконечнымъ верхомъ, загибающимся на бокъ. Въ Прилукахъ хоругви хранятся также въ ремесленной управѣ, но при шествіи въ церковь въ торжественныхъ случаяхъ несутъ только одинъ жезлъ съ металическимъ уѣзднымъ гербомъ, а цеховые съ хоругвями одѣваются въ обычный костюмъ. Въ настоящее время въ Полтавѣ не наряжаютъ ремесленниковъ для похоронъ, а желающіе торгуются съ ремесленною управой, и послѣдняя нанимаетъ соотвѣтственное количество рабочихъ. Вообще современные цехи имѣютъ, можно сказать, исключительно фискальный характеръ, и братское единеніе поддерживается въ нихъ лишь по традиціи и носитъ религіозный характеръ въ слабой степени, такъ какъ въ средѣ ремесленниковъ значительный, иногда преобладающій процентъ составляютъ евреи, въ особенности въ Кременчугѣ, Переяславѣ, Ромнахъ и Полтавѣ.

К. Василенко.

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ ВЪ ДВОЙНОЙ РОЛИ ХВАЛИТЕЛЯ И ОБЛИЧИТЕЛЯ МАЗЕПЫ.

Извѣстный южно-русскій ученый начала XVIII вѣка, митрополитъ Стефанъ Яворскій, мѣсто-блюститель патріаршаго престола по смерти патріарха Адріана, занимая нѣкоторое время первостепенное мѣсто въ россійской іерархіи, съ высоты церковной каѳедры не разъ восхвалялъ добродѣтели Мазепы, восписывалъ ему похвалы и въ стихотвореніяхъ, которыя были тогда въ большой модѣ. То и другое можно найти въ собраніи его сочиненій. Но когда Мазепа измѣнилъ, Яворскому пришлось не только самолично предавать того-же Мазепу анаѳемѣ въ московскомъ успенскомъ соборѣ, но и прежнимъ стихотворнымъ способомъ выразить осужденіе ему. Яворскому принадлежатъ стихи: Jn vituperium Mazepae, помѣщенные въ неполной и не совсѣмъ исправной редакціи въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1883 г., въ замѣткѣ подъ заглавіемъ: «Современные стихи на измѣну Мазепы». Авторъ этой замѣтки приписываетъ ихъ неизвѣстному современнику, старающемуся выразить чувства Россіи по поводу измѣны Мазепы. Хотя текстъ стиховъ заимствованъ имъ изъ рукописнаго сборника, хранящагося въ синодальной библіотекѣ подъ № 5; но помѣщеніе въ сборникѣ стихотворенія въ ряду панегириковъ Яворскому ввело автора названной замѣтки въ заблужденіе и заставило его приписать стихи неизвѣстному лицу, когда авторомъ ихъ былъ самъ Яворскій. Въ этомъ, кажется, доселѣ не было заявлено никакихъ сомнѣній, и покойный профессоръ Ф. А. Терновскій въ своемъ изслѣдованіи о Стефанѣ Яворскомъ приписываетъ ихъ прямо ему (Труды кіев. дух. акад. 1864 г., № 1, 3 и 6). Приводя начало этого стихотворенія, онъ говоритъ: «конечно, въ тоже время, т. е. послѣ проклинанія Мазепы въ успенскомъ соборѣ 12 ноября 1708 г., Стефанъ написалъ стихи на измѣну Мазепы отъ лица всей Россіи» [1]), и дѣлаетъ ссылку на стр. 299—302 III-го тома проповѣдей м. Стефана.

Подтвержденіе тому я нахожу въ рукописномъ сборникѣ изъ библіотеки покойнаго М. А. Максимовича, принадлежавшемъ Варлааму Лящевскому, какъ видно изъ надписи на поляхъ

[1]) Труды кіевской духовной академіи 1874 г., мартъ, стр. 269.

рукописи: «ex libris Barlaami Laszczewski». Въ этомъ сборникѣ, содержащемъ главнымъ образомъ сочиненія Ѳеофана Прокоповича, помѣщены и нѣкоторыя другія мелкія сочиненія, среди которыхъ находятся: «Emblemata quaedam et symbola pro axornando monumento p. m. illustris: et. reverendis. Patris Barlaaui Iasinski, D. G. Archiepiscopi Kiioviensis, Halicensis etc. etc. ab illustris. et reverendis. in X—to Patre D. G. Metropolita Rezanensi et Muromensi, Stephano Javorskj elaborata», и вслѣдъ за этими *emblemata et symbola* помѣщено: «*ejusdem authoris* carmina sclavonica in vituperium Mazepae». Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Варлаамъ Лящевскій, которому принадлежала эта рукопись, зналъ, кто былъ авторъ означеннаго стихотворенія.

Самый текстъ стиховъ, находящійся въ рукописи синодальной библіотеки и напечатанный въ «Кіевской Старинѣ», далеко не полонъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ искаженъ до отсутствія смысла. Судя по заявленію автора замѣтки П. Л., что стихи написаны съ поправками на оборотѣ листа съ другими стихами, поднесенными Стефану Яворскому, можно предположить, что это черновой набросокъ Яворскаго, дополненный и обработанный имъ впослѣдствіи.

Будетъ не лишне, кажется мнѣ, воспроизвести извѣстное уже стихотвореніе въ полномъ его видѣ по списку, въ точности котораго нельзя сомнѣваться.

Измя мя, Боже,—вопіетъ Россія—
Отъ ядовита и лукава змѣя,
Его-же ждаша адскія заклепи,
Бывша вождя Івашки Мазепы.

—

Ахъ, тяжку горесть терплю, мати бѣдна,
Утробу мою снѣдаетъ ехидна!
Кто мя дастъ слези, яко-же Рахилѣ,
Да плачу горко въ своемъ смутномъ дѣлѣ?
Се вторій грѣхъ, исполнь смертна яда,
Мазепа лютій уби моя чада.
Уподобися Россія Давиду,
Иже отъ сына терпяше обиду.

Авессаломъ сынъ бысть неблагодарній,
Подобенъ ему Мазепа коварній.
Азъ возлюбихъ тя, яко мати сина,
Откуду убо такова измѣна?
Къ нему бысть моя матерняя любы,
Тойжде изостри на мя люты зубы.
Азъ сотворихъ и съ велможи сидѣти,
Тойжде смертная сплете на мя сѣти.
Азъ, яко чадо, носихъ во утробѣ,
Тойжде хощетъ мя видѣти во гробѣ.
Азъ напоихъ и отъ камене меда,
Тойжде пагубна исполни мя вреда,
Толику на мя изринулъ есть злобу,
Лютѣ снѣдающь матерню утробу.
Азъ, любяще мати вышше мѣри,
Чаяхъ отъ него спасенія вѣрѣ.
Тойже бысть на мя бритва изощренна,
Отъ него-же есмь лютѣ уязвленна.
Како прелстихъся и не познахъ лиса,
Ангела выдомъ, прелестію бѣса!
Мнѣхъ, яко агнецъ, но волкъ ядовитій,
Овчею лестно кожею покритій,
Сладкій языкомъ, но мерзкій дѣлы,
Утаи на мя пагубніе стрѣлы.
Сахаръ во устахъ и сладкіе слова,
Въ сердцу желчь, въ рукахъ погибель готова.
О лицемѣре, о сатанинъ сыне,
Терніемъ острымъ красящійся крине!
Како простерти дерзнулъ еси длани,
Лютыми матерь уязвляя раны.
Аще-бы врагъ ми поносилъ сугубо,
Терпѣла-бы казни его любо;
Но отъ своего чада прелюбима—
О коль матери язва нестерпима!
За моя хлѣбы, за моя транезы

Горкія, вражe, даеши ми слезы.
Что моя вина, что сотворихъ худо,
Чесо ради гониши мя, Іюдо?
Горе прокляту тебѣ лицемѣру,
Како смѣлъ еси измѣнити вѣру,
Юже подъ крестомъ и Евангеліемъ
Утвердилъ еси твоимъ лобызаніемъ!
Горе ти, горе злобы исполненну,
Подобенъ еси гробу повапленну,
Где очесомъ являесся красенъ,
Внутрь ядовитымъ червіемъ ужасенъ.
Горе ти, горе второму Каину,
Горе ти, горе погибелну сину.
Проліялъ еси звѣрски кровъ премногу,
Яже немолчно гласитъ на тя къ Богу.
Божіе храмы быша днесь вертепы
Отъ Свѣйскаго лва и волка Мазепи.

Сообщ. **В. Науменко.**

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ НАЧАЛА ПРОШЛАГО ВѢКА.

Хотя русская литературя 1-й половины прошлаго столѣтія можетъ быть охарактеризована по преимуществу названіемъ «дѣловой», имѣвшей ближайшее отношеніе къ вопросамъ внѣшней и внутренней политики, но въ тоже время она не могла вполнѣ отрѣшиться отъ тѣхъ проявленій человѣческаго духа, которыя, помимо всякихъ искусственныхъ пріемовъ, просятся наружу, какъ отголосокъ обыденной обстановки жизни съ ея печалями и радостями. Этого рода литературныя произведенія едва-ли имѣютъ меньшее значеніе для характеристики эпохи и литературнаго направленія въ тотъ или другой періодъ, чѣмъ тѣ громозвучныя оды, панегирики и пр., которые захватили почти все содержаніе литературы 1-я половины прошлаго столѣтія. Въ ряду этихъ произведеній не послѣднее мѣсто должно принадлежать тѣмъ шуточнымъ стихотвореніямъ, которыя являлись изъ подъ пера писателей, какъ пародія на хвалебную лирику, и представляли изъ себя начатки того сати-

рическаго направленія, которое широкой рѣкой потекло во второй половинѣ 18-го вѣка. Слишкомъ немного извѣстно такихъ стихотвореній, но это нисколько не значитъ, чтобы ихъ въ дѣйствительности было мало: они, какъ произведенія, не имѣвшія особенной цѣны въ глазахъ современниковъ, промелькнули, можетъ быть, только въ изустномъ пересказѣ, да иногда случайно попадали въ рукописный сборникъ, составленный какимъ-нибудь библіоманомъ своего времени.

Въ томъ-же рукописномъ сборникѣ Варлаама Лящевскаго, изъ котораго мною приведены выше напечатанные стихи на измѣну Мазепы, я встрѣтилъ одно шуточное стихотвореніе, которое, весьма вѣроятно, принадлежитъ перу Ѳеофана Прокоповича. Такое предположеніе является не невѣроятнымъ, такъ какъ изъ подъ пера Ѳеофана вышло не мало сатирическихъ стиховъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. А между тѣмъ стихи эти въ указанномъ сборникѣ помѣщены среди сочиненій Ѳеофана; предъ ними «Emblemata et symbola» authore Theophane Prokop., а за ними панегирикъ Іоанну Криштофу его-же. Не имѣя возможности опредѣлить, по какому именно поводу, составлены были эти стихи, я ограничусь тѣмъ, что приведу ихъ цѣликомъ, а для интересующихся даже и мелкими литературными фактами прибавлю, между прочимъ, что на поляхъ этого стихотворенія рукою покойнаго М. А. Максимовича, которому принадлежала эта рукопись, написано, что стихи сочинены въ 1735 году.

ОТЪ ІЛІИ ІНТЕНДАНТА.

Честній отецъ Герасимъ,
Чимъ мы тебе украсимъ
За хлѣбецъ твой питейній,
Обиходецъ келейній?
Кто піетъ его, тотъ пляшетъ,
Да и рукою машетъ;
А я хоть отвѣдаю,
Что дѣлать не вѣдаю.
Хвалятъ тебе вси явно,
Хотя не весма славно;
Благодаренъ-же и я,
Вѣрній твой другъ Ілія.

ОТЪ НЕЙМАНА ЖИДА.

Беретъ мене на сіе питейцо оскома,
А то есть честній промыслъ отца эконома.
Люблю: сладко, пріятно,
Въ ротъ течетъ невозвратно.
Когдабъ прадѣди наши такого достали,
Въ пустыни на Мойсея вѣкъ бы не роптали,
Но взявшись за боки,
Всѣ-бъ поднялись вскоки.
Горко было бѣднимъ имъ, а намъ сладко нынѣ.
Хвалятъ тебе, батюшка, въ Карповской пустынѣ,
Хвалитъ самъ архіерей,
Кольми паче азъ еврей!

ОТЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Солодъ твой, о экономъ, кажется садъ Ноевъ,
И сей бо дастъ напой лучше всѣхъ напоевъ.
Но тамъ отецъ насмѣшенъ, а сынъ подпалъ гнѣву,
А твоему порокъ тотъ не прилежитъ нраву.
И честенъ ты за сіе, не боишься срама,
Не какъ онъ обруганній отъ мерзкаго Хама.

ОТЪ КОЗАКА.

Бѣжитъ прочь жажда, бѣжитъ и печалній голодъ,
Гдѣ твой, отче экономъ, находится солодъ.
Да и чудо онъ творитъ дивнымъ своимъ вкусомъ,
Пьянъ я, хоть и омочусь однимъ толко усомъ.

ОТЪ МАЛЫХЪ ДѢТЕЙ.

Гдѣ ты, о бородушка,
Заручилъ солодушка,
Какова здѣсь не было?
Такъ то пріятенъ зѣло.
Гдѣсь ты ездилъ далеко,
Гдѣ птичіе молоко:
Понеже слово слово (sic)
Такъ сладко и здорово.

ОТЪ НОВГОРОДСКИХЪ ДВОРЯНЪ.

За честь твоего солоду
Любизнемъ твою бороду,
Батюшка нашъ кормитель.
Никто не можетъ сказати
Въ якой стала благодати
Твоя намъ добродѣтель.
Когда трудовъ твоихъ пиво,
Что имѣется за диво,
Прилѣжно разсуждаемъ,
Новгородскія шалиги,
Которую пьютъ яриги,
Весма ужъ забываемъ.
Да то чудо весма странно,
Что хотя и непрестанно
Пивце то изъ бочки лѣется
И течетъ по вся недѣли,
А намъ еще и доселѣ
Дивно какъ не приѣется.

Сообщ. **В. Науменко.**

ПО ПОВОДУ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ КІЕВО-МЕЖИГОРСКАГО МОНАСТЫРЯ, НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ КЪ ЕГО ИСТОРІИ.

Люди, дорожащіе памятниками родной старины, не могутъ, конечно, не порадоваться возстановленію такой дорогой сердцу южно-русскаго народа святыни, какъ кіево-межигорскій монастырь, почти сто лѣтъ остававшійся въ запустѣніи и теперь возобновляемый благочестивою ревностью кіевскаго митрополита Платона.

Прекрасный уголокъ земли, богатый воспоминаніями своего славнаго прошлаго, претерпѣлъ было въ теченіи минувшаго столѣтія печальное водвореніе «мерзости на мѣстѣ святѣ»,—неудачную попытку превратить мѣсто «спасенія душъ» въ промышленное заведеніе—фаянсовую фабрику съ крѣпостными рабочими.

Тихая обитель, пріютившаяся въ этомъ живописномъ уголкѣ, на правомъ берегу Днѣпра, между горъ, священныхъ для южно-

русскаго народа, привлекала когда-то къ себѣ благочестивые помыслы людей, лучшіе годы своей безпокойной жизни проводившихъ на окраинахъ русской земли, въ далекихъ степяхъ Запорожья, въ неустанныхъ военныхъ подвигахъ, въ постоянной «боротьбѣ» за родную землю. Здѣсь, въ межигорскомъ монастырѣ, запорожцы искали «спасенія души», сюда стремились они «на прощу», на «послушаніе», здѣсь многіе изъ нихъ находили и вѣчное упокоеніе, отсюда они получали своихъ духовныхъ пастырей, проповѣдниковъ и учителей и сюда несли свои пожитки на поминъ души. Не могла на такомъ мѣстѣ утвердиться фабрика: видно, и надмогильные камни вопіяли противъ нея. Прошло уже больше 20 лѣтъ, какъ прекратилась дѣятельность фабрики и безобразный «шумъ колесъ ея умолкнулъ...» Исторія беретъ свое, и вотъ на нашихъ глазахъ Межигорье вновь готовится стать «тихою обителью». Не сомнѣваемся, что благостивая и трудящаяся братія, подъ руководствомъ энергичнаго игумена, умѣлаго хозяина и просвѣщеннаго человѣка, съумѣетъ оцѣнить значеніе исторической народной святыни и не замедлитъ возстановить ее въ надлежащемъ видѣ.

Въ виду-то готовящагося возстановленія межигорскаго монастыря слѣдовало-бы подумать и о составленіи по возможности полнаго сказанія о его прошлыхъ судьбахъ. Существующія сказанія далеко не отличаются такою полнотою, да есть въ нихъ, конечно, и фактическія неточности: одну изъ нихъ я и имѣю въ виду указать въ настоящей замѣткѣ. Вообще и пробѣлы и неточности въ этомъ случаѣ весьма естественны, такъ какъ для возстановленія исторіи межигорскаго монастыря нѣтъ самаго существеннаго матеріала—монастырскаго архива: онъ сгорѣлъ до тла, «такъ что ни единой бумажки не осталось», во время пожара 1764 года, совершенно опустошившаго Межигорье.

Мнѣ удалось найти въ архивномъ хламѣ кіевскаго губернскаго правленія нѣсколько дѣлъ, относящихся къ межигорской старинѣ [1]), и вотъ главнымъ образомъ одно изъ нихъ дастъ возможность документально исправить ошибку, вошедшую въ печатныя сказанія относительно одного изъ архимандритовъ этой обители.

[1]) Дѣла эти, числомъ II, войдутъ въ приготовляемый мною 9-й выпускъ «Историческихъ матеріаловъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія».

Въ числѣ архимандритовъ межигорскаго монастыря, управлявшихъ имъ съ 1732 г., показанъ, между прочимъ, у М. А. Максимовича [1]) архимандритъ *Никандръ*, какъ игуменствовавшій съ 1753 г., а у Е. Крыжановскаго [2])—*Никаноръ*; Н. Закревскій [3]), признавая послѣднее показаніе ошибочнымъ, называетъ тоже *Никандра*, какъ предшественника Гедеона Слонимскаго, причемъ говоритъ: «когда и чѣмъ кончилось игуменство архимандрита Никандра—неизвѣстно». Всѣ три автора называютъ этого архимандрита предшественникомъ Гедеона Слонимскаго, игуменствовавшаго якобы съ 1762 года. Имѣющееся у меня въ рукахъ дѣло 1769 г. «Объ оставшемся послѣ межигорскаго монастыря архимандрита *Никанора* имѣніи» даетъ возможность точно возстановить какъ имя предшественника Гедеонова, такъ и время и обстоятельства его кончины.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1768 года намѣстникъ межигорскій іеромонахъ Іессей доносилъ въ коллегію экономіи о «нечаянной того монастыря архимандриту *Никанору* отъ разбитія лошадьми смерти» и препроводилъ при этомъ опись имѣнію, оставшемуся послѣ покойнаго, и списокъ родственниковъ, которымъ должно было поступить это имѣніе по наслѣдству. Когда именно, т. е. какого числа умеръ архимандритъ—изъ дѣла этого не видно, но такъ какъ опись имущества его составлена 7-го февраля, то можно думать, что и смерть его послѣдовала въ первыхъ числахъ февраля.

И М. А. Максимовичъ, и Н. Закревскій, основываясь на одномъ и томъ-же источникѣ, на «Историческомъ извѣстіи о межигорскомъ монастырѣ», изданномъ въ 1830-мъ году, упоминаютъ впрочемъ и Никанора, говоря, что онъ былъ назначенъ *въ 1776 году* на мѣсто Иларіона Кондратковскаго, но «на пути де въ Межигорье убитъ былъ испуганными лошадьми». Надо думать, что этого другаго Никанора вовсе не было, что этотъ фактъ смерти «на пути», извѣстный уже автору «Историческаго извѣстія», относится именно къ тому Никанору, который ошибочно названъ Никандромъ и который былъ, дѣйствительно, предшественникомъ Гедеона.

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича т. II, стр. 281—283.

[2]) «Кіево-межигорскій монастырь» въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1863 г., № 23 и 24.

[3]) Описаніе Кіева Н. Закревскаго, т. II, стр. 491—494.

Имѣется у меня и другое дѣло, которое подтверждаетъ, что въ межигорскомъ монастырѣ игуменствовалъ предъ Гедеономъ не Никандръ, а Никаноръ, къ которому и надо отнести все то, что разсказываютъ М. А. Максимовичъ и Н. Закревскій о Никандрѣ: это—дѣло кіевской губернской канцеляріи 1759 года «по челобитью кіево-межигорскаго монастыря архимандрита *Никанора* съ братіею о выдачѣ въ тотъ монастырь съ представленныхъ на с. Евменки и на принадлежащія къ нему угодья крѣпостей выписи».

Зная годъ смерти архимандрита Никанора, можемъ теперь съ увѣренностію сказать, что архимандритъ Гедеонъ не могъ игуменствовать съ 1762 года, слѣдовательно не при немъ былъ и пожаръ 1764 года, о которомъ Н. Закревскій сообщаетъ на основаніи документовъ архива св. синода, и не ему принадлежитъ возобновленіе монастырскихъ построекъ: Гедеонъ могъ быть назначенъ игуменомъ не раньше февраля мѣсяца 1768 года, когда скончался Никаноръ.

О личности архимандрита Никанора весьма немногія свѣдѣнія можно извлечь изъ выше названнаго мною матеріала.

Отстаивая хозяйственные интересы своего монастыря, этотъ архимандритъ заключилъ въ 1757 году двѣ сдѣлки съ монастыремъ кіево-михайловскимъ: по одной покончилъ давнее спорное дѣло и учинилъ раздѣлъ боровъ и лѣсовъ между селами Евменкою и Боденьками, на которые одинаково претендовали оба монастыря; по другой—условился съ тѣмъ-же монастыремъ сообща отстаивать эти боры и лѣса отъ притязаній монастыря братскаго. Въ 1759 г. эти сдѣлки, вмѣстѣ съ другими монастырскими крѣпостями, представлены были въ кіевскую губернскую канцелярію для снятія съ нихъ копій и выдачи выписей «для объявленія въ полковомъ черниговскомъ судѣ и впредь ежели гдѣ въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ случай когда востребуетъ»: подлинныхъ документовъ не хотѣлъ по всякимъ такимъ случаямъ выпускать изъ своего архива предусмотрительный архимандритъ, опасаясь, чтобъ «какимъ случаемъ попортиться и потеряться не могли».

Архимандритъ Никаноръ, по всей вѣроятности, былъ родомъ изъ гадяцкаго полка, гдѣ проживала и родная сестра его Ульяна, дѣти которой наслѣдовали и оставшееся послѣ него имѣніе. Всѣхъ этихъ дѣтей, племянниковъ и племянницъ архимандрита, было пять. Одинъ племянникъ и двѣ племянницы были «мужичого званія» и

жили въ гадяцкомъ полку, но трое дѣтей ихъ, т. е. внуковъ архимандрита, жили въ Кіевѣ и «содержаны были всѣмъ нужнымъ къ ученію отъ покойнаго архимандрита»: двое изъ нихъ учились въ кіевской духовной академіи, а одинъ находился «въ обученіи рукодѣльнаго снесарскаго мастерства». Племянница Пелагія была замужемъ за священникомъ ѳроловскаго монастыря Филиппомъ, а племянникъ Алексѣй Гладкій былъ «намѣстникомъ» (священникомъ) въ м. Гоголевѣ кіевскаго полка. Этотъ гоголевскій намѣстникъ и явился съ довѣренностями всѣхъ прочихъ родственниковъ за полученіемъ оставшихся послѣ архимандрита вещей, которыя и были выданы ему уже при архимандритѣ Гедеонѣ. Нѣкоторыя изъ вещей, значившихся въ описи, были удержаны въ монастырѣ, такъ какъ, по объясненію архимандрита Гедеона, представленному въ губернскую канцелярію, составляли не личную собственность покойнаго архимандрита, а монастырскую, занесены-же были въ опись братіею «по незнанію того, ошибочно, и за отлучкою знающихъ о томъ довольно іеромонаховъ въ Сѣчь запорожскую». Удержаны были въ монастырѣ: 1) ряса камлотная черная съ лиштвами матеріальными вишневыми и ковдра вибойчатая подъ полотномъ на бавелнѣ, потому что справлены были на счетъ монастырской казны и въ книгѣ шафарской записаны; 2) одѣвало медвѣжое, покрытое зеленымъ сукномъ, взятое было архимандритомъ Никаноромъ въ свою келію изъ монастырской конюшни; 3) «чайникъ одинъ и горщикъ одинъ красной мѣди» дѣланы въ монастырѣ котляромъ Патермуфіемъ изъ монастырской мѣди; 4) Библія кіевской печати, подаренная печерскимъ типографомъ Самуиломъ Рубчановскимъ въ монастырь, а архимандритомъ взятая въ келію только «для прочету»; 5) часы столовые съ звонкомъ, подаренные «не собственно персонѣ оного архимандрита», а вообще для архимандритскихъ келій бывшимъ кошевымъ атаманомъ Алексѣемъ Бѣльскимъ; часы эти и исправлялись на счетъ казны монастырской; 6) полурясокъ лисій покрытъ китайкою: о немъ іеромонахъ Дорофей заявилъ, что де въ минувшемъ 1767 году архимандритъ Никаноръ, «будучи въ его келіи, при отходѣ, безъ всякого его дара, самъ по власти своей, на себе взялъ его шубу лисюю, покритую черною китайкою, зъ оною отишолъ въ свой покой, и хотя тогда было то ему, Дорофею, съ обидою, но яко тогда былъ онъ (архимандритъ Никаноръ)

первая власть въ монастырѣ, и такъ отдачи того требовать не смѣлъ, которую архимандритъ Никаноръ, за отлучкою его, Дорофея, въ Сѣчь запорожскую, и перенилъ себѣ на полурясокъ».

Судя по составленной описи, собственное имущество архимандрита Никанора не отличалось сколько нибудь значительнымъ богатствомъ. Три шубы—лисья, пещовая и тхорова, кожухъ крымскихъ рудыхъ смушковъ, два полуряска, двѣ рясы и четыре кафтана—вотъ и вся одежда, бѣлья весьма немного, посуды сколько нибудь цѣнной и совсѣмъ почти нѣтъ, по крайней мѣрѣ серебряная вещь названа одна—«пакалъ въ пуделку маліованномъ».

Денегъ въ описи находимъ: «червонцовъ поединковыхъ 15 и имперіалъ въ 10 рублей единъ».

Книги—исключительно богослужебныя, числомъ 9.

Во время игуменства архимандрита Никанора, но въ его отсутствіе изъ монастыря, въ 1764 году въ іюнѣ мѣсяцѣ въ межигорскій монастырь присланъ былъ изъ Петербурга по высочайшему повелѣнію «малороссіянецъ Антонъ Любимскій», съ тѣмъ, чтобы онъ, «по усмотренному въ немъ поврежденію ума», содержался въ монастырѣ подъ присмотромъ неотлучно, при чемъ на одежду ему велѣно выдавать изъ малороссійскаго скарбу по 50 рублей въ годъ. Этотъ загадочный «малороссіянецъ», не смотря на поврежденіе своего ума, 3 сентября того-же 1764 г. умудрился бѣжать изъ монастыря и послѣ тщательныхъ поисковъ нигдѣ не былъ розысканъ.

Время игуменства архимандрита Никанора представляетъ особенный интересъ, между прочимъ, потому, что именно въ это время тотъ безпокойный элементъ, изъ котораго формировались гайдамацкія шайки, нерѣдко находилъ себѣ пріютъ въ Межигорьи, что и заставляло заподозрѣвать самый монастырь въ укрывательствѣ гайдамакъ. На сколько архимандритъ Никаноръ обнаруживалъ въ этомъ отношеніи «слабое смотрѣніе»—трудно сказать; но, по всей вѣроятности, именно нѣкоторая слабость этого смотрѣнія породила тѣ «непорядки», которые, уже при архимандритѣ Гедеонѣ, обличалъ іеромонахъ Савва въ 1769 году [1]).

Ал. Андріевскій.

[1]) См. въ 6 мъ выпускѣ «Историческихъ матеріаловъ», стр. 30—41. Сущность доноса Саввы и заключается именно въ укрывательствѣ лицъ, разыскиваемыхъ властями.

БРОШЕННЫЙ ИЗЪ-ЗА УГЛА КАМЕНЬ.

Нѣкто, подписавшійся буквою N, напечаталъ въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» статейку, подъ заглавіемъ: «Случай изъ жизни Н. И. Костомарова».

Въ этой статейкѣ г-нъ N опровергаетъ мой разсказъ о встрѣчѣ съ Костомаровымъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ по выходѣ въ свѣтъ 1-го тома «Исторіи Возсоединенія Руси», приводя изустный разсказъ самого Костомарова. По его словамъ, Костомаровъ назвалъ себя сыномъ человѣческимъ, а меня предающимъ его лобзателемъ, и этимъ будто-бы далъ мнѣ знать, что прочелъ уже 1-й томъ «Исторіи Возсоединенія Руси».

Не было надобности Костомарову давать мнѣ объ этомъ знать, такъ какъ онъ раньше, нежели кто либо въ столицѣ, имѣлъ въ рукахъ мою книгу, которую нынѣшній обладатель его библіотеки и найдетъ въ ней съ моею подписью.

Костомаровъ былъ выше такого пониманія литературныхъ отношеній, какое, вѣроятно, судя по себѣ, воображаетъ г-нъ N. Дружескій поцѣлуй его дѣйствительно былъ для меня неожиданностію. Это можетъ засвидѣтельствовать мое письмо къ нему о нашей встрѣчѣ. Если-же оно не сохранилось въ бумагахъ покойнаго историка, то сошлюсь на поименованныя въ моихъ воспоминаніяхъ семейства, въ которыхъ я бывалъ, въ Москвѣ, съ Костомаровымъ и къ которымъ Костомаровъ никогда безъ меня не ѣздилъ. Они знаютъ меня больше, чѣмъ г-нъ N. Пускай онъ спроситъ у нихъ: способенъ ли я пріѣзжать дружески, въ условленные дни, къ обѣду съ человѣкомъ, который бы назвалъ меня предателемъ?

Наконецъ, «случай изъ жизни Н. И. Костомарова», слѣпленный г-мъ N изъ двухъ описанныхъ мною сценъ свиданія, рѣзко противорѣчитъ изображенію Костомарова по отношенію къ его критикамъ, представленному весьма вѣрно г-мъ Беренштамомъ въ той же іюньской книжкѣ «Кіевской Старины».

П. Кулишъ.

ПѢСНЯ НА КНЯЗЯ ДОМИНИКА ЗАСЛАВСКАГО.

Въ свое время Владиславъ IV, король польскій, готовился къ войнѣ съ турками: онъ нанялъ значительное число охотниковъ за границею и расположилъ къ войнѣ умы любившихъ его малороссійскихъ козаковъ, которые были собраны и готовы по первому его распоряженію двинуться на турокъ. Но польскій сеймъ и противодѣйствовавшіе волѣ короля магнаты рѣшительно противились намѣреніямъ Владислава и между тѣмъ вели кровавую брань противъ козаковъ подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, обзывая послѣдняго бунтовщикомъ, хотя онъ былъ истинно преданъ королю Владиславу.

Нѣкоторые подвиги козаковъ за время этой борьбы были увѣковѣчены, какъ извѣстно, въ народныхъ пѣсняхъ. Одной изъ побѣдныхъ козацкихъ пѣсень является ниже помѣщенная. Она составлена, вѣроятно, послѣ несчастной для поляковъ битвы подъ Пилявцами 23 сентября 1648 г., когда они бѣжали, можно сказать, безъ выстрѣла отъ Хмельницкаго. Пѣсня эта сохранилась въ рукописи, въ Сѣнявской библіотекѣ, въ Галиціи, за № 379. Извѣстный польскій ученый Вацлавъ Александръ Мацѣевскій, во время своихъ занятій въ Сѣнявѣ въ августѣ 1845 г., нашелъ ее среди другихъ бумагъ и списалъ. Эта копія попала въ мое распоряженіе въ числѣ другихъ рукописей Мацѣевскаго. Вотъ самый текстъ пѣсни:

Доминикъ съ коникомъ лежить,
Козакъ до нёго бижить,
Лежати тоби, князю, не воёвати,
Не будешь бити козаки, мои браты,
Гой, не будешь, наниче, безъ серця и головы!
Вернися до дому съ ляхи, коли здоровый.
Познайте суды Бога святого, ляхове;
Де слава ваша, достатки и гетьманове?
Козакъ убогій теперъ бижить воёвати:
Покиньте своволю, а мійте назъ за браты.
Теперъ буде гораздъ, пойдемо на поганы,
Выбьемо усихъ, що тилько есть бисурманы.

Сообщ. **Н. С.**

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О ВЕЛЕТНЯХЪ И ПЯТНИЦѢ [1]).

Велетни то були високи, високи люди, отъ якъ дерева. Якъ пиде, кажуть, выбачайте, про себе, то... зверне верхъ дуба та й... Якъ теперъ люди хазяинують, такъ и тоди велетни хазяинували.

Разъ йде велетень, дивитьця, лизе що-сь по полю, а то були таки люди, якъ теперъ мы, орали соби—шисть воливъ, два погонычи и оратай, чи що тамъ. Велетень взявъ ихъ всихъ на долоню, та й приносе до батька.

— Що воно, каже, тату, таке?

— Де ты ёго взявъ? пита батько.

— Оттамъ на поли.

— Однеси, каже, сину, ёго туды, де ты взявъ, а тоди прыйди, то я тоби роскажу.

Той пишовъ, положивъ, де ихъ взявъ, и питаеця батька.

— Отто, каже батько, якъ мы помремо, то таки люди будуть писля насъ; нашихъ плугивъ не здоліють, та пороблять свои тай будуть орати.

Оттаки люди маленьки и поставали теперь, закончила разсказчица, и живуть соби слава Богу и доси; а посли насъ ще менчи будуть.

Одна дивка сидить пидъ пятныцю та пряде, та пряде. Коли чуе, щось подходе пидъ викно.

— А ты, дивко, прядешь?

— Пряду, каже.

А вона (пятница) якъ кине у викно цилый пучокъ веретенъ, та й каже:

— На-жъ, каже, ци веретена, щобъ ты уси до свиту запряла; а коли не запрядешъ, каже, то не будешъ у сьвити жить.

Та й пишла соби.—Дивка злякалась:

Що-жъ мени въ сьвити Божому робити теперъ? дума соби, бо хочъ якъ швидко пряди, а больше двохъ, або трехъ починкивъ не напрядешъ.

---

[1]) Записано въ с. Лебединѣ, кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда, отъ Хиври Юхименкововой.

А та, може, штукъ зъ двадцать шпурнула веретенъ.—Що тутъ робить? Взяла вона та мерщій на одно веретено нитку, на друге нитку, на трете... абы швидче, абы швидче. Намотала вси до одного, взяла тай выкинула за викно, тай зачинилась.

Коли це, трехи перегодя, приходе пятниця пидъ викно знову.

— А, каже, догадалась, каже, зрозумила, каже, що зробить: счастья маешь. Десь вывчилась добре, а то не жила-бъ у съвити, знала-бъ ты якъ прясти пидъ пятницю.

А та дивка такъ ниць и впала.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ О ШЕВЧЕНКѢ [1]).

Уродився тай Шевченко,
Уродився тай удався,
Тильки дурный его розумъ,
Що въ салдаты записався.
—‹Не самъ же я записався,
Записала мене мати,
Записала мене мати
Щей маленькимъ у салдаты› .
—Ой повезли Шевченка
Тисною улицею,
Назадъ руки завязали
Та билою сырыцею.
Ой привезли Шевченка
До нового трахтиру,
Тамъ Шевченка розибрали,
Якъ мати народила;
Посадили на креселку,
Чорни кудри обстригали,
Чорни кудри обстригали,
А Шевченко умливае.
‹Розвивайся, суховерхій дубе,
Бо на тебе морозъ буде,
Роздивайся, та Шевченку,

[1]) Записана отъ бывшаго кантониста въ с. Лебединѣ, кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда.

Бо на тебе пріёмъ буде!
Ой не плачъ ты, Шевченко,
Тай не плачъ, не журися,
Бери деньги бумажніи
Медъ-вина напыйся».
—Ой, ударився Шевченко
Та объ полы руками:
«Деньги мои бумажныи
Пропавъ же и зъ вами»!

Сообщ. **Мих. Васильевъ.**

6. Отъ Василя Матвѣенка, Ломоносового зятя, шинкаря .... ровского, за 2 стана горѣлки принято 4 р. 80 к., а передъ симъ у него-жъ отобралъ староста Федоръ за одинъ станъ 2 р. 40 к.

7. Отправленъ Грицко до Глухова для отійсканя теки зъ крѣпостми и другихъ паперовъ и книгъ; и чрезъ него-жъ писано къ Василку, до г. Скоропадского и до Андрея Липня; на дорогу дано ему 15 к., а на паперъ 50 к.

8. Рано стоящымъ въ деревняхъ нашыхъ компанѣйцамъ, 24 человѣкамъ, дано на 24 порціи ихъ компанѣйскихъ, а именно 19 р. 20 к. Послѣ обѣда ездилъ я до Гузовки для осмотру тамъ новопостроенной церкви Покрова Пресвятой Богородицы и тамъ-же былъ у вдовы Ивановой Сулиминой [209]). Въ той поездцѣ Іванъ Григоровичъ згубилъ шаблю.

9. Были у насъ въ Перегонѣ значковые товарищи Леонтій Сорока и Семенъ Круковскій, комисаръ полковый, да писаръ сотенный погарскій Турокъ. Шинкарка погарская Ганна за шинковый долгъ отдала 3 р. 50 к., а еще на ней осталось давного долгу 1 р., да сего-жъ числа вновь взяла станъ горѣлки. Компанѣецъ, присиланный зъ Глухова зъ указомъ, отправленъ зъ роспискою о пріемѣ указу, чрезъ котораго послано писмо и до Савіцкого, писаря отставного лубенского, сторони дѣла правного сводного и о сочиненіи прожектовъ, да до повѣренного Іліи Квитницкого, тако-жъ и до старости товкачовского о домовыхъ дѣлахъ, для пересылки зъ Глухова въ Перегонъ.

10. Оный компанѣецъ отехалъ, которому даны 10 к. на дорогу. Павелъ гузовскій, вчора пріехавшій, чтобъ его принять на староство, отехалъ и ему-жъ даны 60 к. Лукирка тако-жъ отехала, которой велѣли дать зъ Случка чвертку жита. Черницѣ чолнскіе запретили дрова возить изъ пущи для того, что намѣстникъ ихъ Варлаамъ Уманецъ умеръ.

11. Ради того запрещенія посиланъ староста къ городничему въ Олешенку, но возвратился зъ нѣчимъ. За покраденное сѣно наше свдоколцями забрали свдоколскаго сѣна возовъ зъ 10 и отвезли въ футоръ. Грицко возвратился зъ Глухова и привезъ писма

[209]) Говоритъ о вдовѣ одного изъ сыновей генеральнаго хорунжаго Ивана Сулимы. О жалобахъ этой вдовы на Ханенка см. Сулимовскій архивъ, стр. 107.

ко мнѣ и отъ Павла Скорупны къ отцу его и къ Федору Шираю, которые къ нему при моемъ писмѣ отосланы въ Гриневъ.

12. Сего-жъ числа писалъ къ келарю Свѣнскому, за намѣстника въ монастырѣ чолнскомъ управляющему, чтобъ позволено по прежнему возить дрова на обиходъ нашъ домовый.

13. Івана Ханенка слѣпого жена Стефанида, Василя Солонины дочь, умерла.

14. Наняли у сагутевцювъ до окончанія зимной дороги возить дрова на десяти подводахъ зъ ихъ пущи за 8 гривень.

15. Отправленъ Стефанъ Каврайскій въ Глуховъ зъ 12 подводами для того, чтобъ оными подводами навозить тамъ дровъ, ліоду и забрать оттоль хлѣбъ, имѣючійся въ Кочергахъ; ему-жъ дано на пиво и прочіе нужды 2 р.

16. Отправлены подводы въ Курковичи для забранія оттоль шулъ, бруса и тину и для разобранія тамъ болшой свѣтлицы.

17. Получено писмо о сѣнѣ у Косика забранномъ отъ сотника погарского Соболевского.

18. Переехали на ночъ зъ Перегону въ Городище.

19. Исповѣдались и по милости Божіей причащались Святыхъ Таинъ въ церквѣ городиской, а по обѣдѣ віехалъ я къ Стародубу на ярмарокъ и ночовалъ въ Левенцѣ у Федора Корецкого.

20. Рано прибылъ въ Стародубъ и слушалъ обѣдни въ церкви Рождества Богородицы, а обѣдалъ въ своемъ домѣ зъ швагромъ Федоромъ Корецкимъ, зъ которымъ и по ярмарку ходили доволно. Вечеромъ былъ у мене зъ женою своею швагеръ Александръ Корецкій.

21. Рано у мене были полковая старшина, потомъ ходили по ярмарку, а передъ обѣдомъ пріездилъ ко мнѣ въ домъ обозного енералного Якова Лизогуба синъ, женившійся въ Смоленску на шляхтянцѣ Рачинской Татіанѣ, Ілія Лизогубъ, просилъ къ себѣ на вечеринку, почему и былъ я у него въ домѣ судіи полкового стародубовского Рубця на оной вечеринцѣ, гдѣ засталъ полковника Максимовича зъ старшиною полковою и другихъ мужеска и женска полу знатныхъ персонъ, и забавлялись даже до 12 часа.

22. Званы обѣдать къ полковнику Максимовичу, а передъ обѣдомъ былъ я у графа Івана Івановича Владиславича и у Григорія

Скорупны; потомъ обѣдали у полковника и доволно пили, а отъ него пошли къ Андрею Миклашевскому и тамъ пили, также игуменъ въ домъ пріехалъ, и за мною вслѣдъ и Андрей Миклашевскій зъ зятемъ своимъ Чарнолускимъ пріездили.

23. У войта стародубовского Коменка за пенку надлежащые всѣ сполна денги отобраны и за вино, передъ симъ для насъ купленное имъ, росплата 38 р. учинена; такожъ за разные покупки, на ярмарку справованные, расплатившись in summa 109 р. и простясь зъ полковникомъ Максимовичемъ и капитаномъ Ланкомъ и женою его, отехалъ зъ Стародуба и прибылъ въ Перегонъ въ 10 часу передъ полуночю.

24. Іванъ Гамалія, швагеръ изъ женою и дѣтми, прибылъ рано къ намъ въ Перегонъ и отобѣдавъ, поехалъ на Глуховъ въ свои украинскія деревни [210]).

25. Прибыли подводы зъ Товкачовки зъ пшеницею и просомъ. Писаны писма до полковника полтавского Кочубея, до Скоропадского, до Федора Чуйкевича, до сина Василя зъ нѣкоторою посилкою и до Іосифа племѣнника.

26) Противъ сего числа въ 6 часу по полуночи, родился мнѣ синъ и нареченъ по числу 24-му сего-жъ мѣсяца Іванъ и окрещенъ марта 3; воспріемниками были [211])... Зъ писмами вчора писанными и зъ нѣкоторою посилкою отправленъ въ Глуховъ Леонъ Булаховъ. Компанѣйцамъ на другой мѣсяцъ отданъ фуражъ и такъ уже всѣ зимные мѣсяци очищены.

27. Писаны писма зъ посилкою родинного хлѣба къ полковнику Максимовичу, къ Григорію Скорупнѣ и къ Федору Корецкому, а къ протчимъ безъ писемъ таковый-же хлѣбъ посланъ чрезъ Грицка и чрезъ Каврайского, который сего числа прибылъ зъ Глухова зъ разными писмами, такожъ и компанѣецъ зъ указомъ изъ канцеляріи енералной въ дѣлѣ Соколовского. Отправлены товкачовскіе люде обратно въ домы свои, чрезъ которыхъ посланы три куфи горѣлки, зъ Василіовки взятые, а въ оныхъ въ одной станов 8, другой 7½, въ третей 7, да при нихъ-же отпущены и воли паши 8 тамошные,

---

[210]) Иванъ Михайловичъ Гамалѣя, жившій с. Великихъ Пескахъ, лохвитскаго уѣзда.

[211]) См. ниже 3 марта.

и о томъ такожъ и о протчемъ писано къ тамошнему старостѣ. Сдѣланъ контрактъ съ маляремъ стародубовскимъ Василіемъ Григоріевымъ, который имѣетъ дѣлать до избы столовой въ Городищѣ шпалеры, и опому уговоренной цены дано половину, то есть 10 р., такожъ полусмакъ жита и полусмакъ конопель, а протчее должно быть отдано по отдѣлки тихъ шпалеровъ; онъ-же имѣетъ и коло оконъ звнутри малювать своимъ коштомъ. Сего-жъ числа рощотъ и роспатка учинена съ комисаромъ сотеннымъ погарскимъ Зеленскимъ въ порціяхъ и раціяхъ за всѣ шесть зимние мѣсяцѣ, 1742 г. октоврія съ 15, 1743 г. апріля по 16 число, и взята у него квитанція.

28. Позичены денги Истру Троеносенку до весенного Николая, а Кондрату Алексіенку до осѣнного и въ томъ взяты у нихъ облѣкги. Съ винникомъ Гришаномъ за роботу его въ винницѣ на Василювцѣ роспатка учинена по щоту и дано ему денегъ 1 р. 35 к.

Мартъ.

1. Писаны письма въ Глуховъ къ г. Скоропадскому, къ Федору Чуйкевичу, до Матвѣя Холодовича, до сина и до Іосифа, такожъ допопеніе въ войсковую спералную канцелярію противъ указу о поездѣ до Глухова, присланного чрезъ компанѣйця, чрезъ котораго оное и тые писма отправлены. Уговорена жена дяка курковского Наталія дѣлать два килимы до новыхъ пашихъ свѣтлицъ и дано ей на харчъ полчвертки проса, полторы чвертки жита, да за цвѣты до прежде здѣланного килима велѣли ей заплатить 24 к. шинкарю курковскому. Староста отправленъ въ Лотоки; подводами-же повезено вчора туда-жъ жита осмачокъ 8 для продажи Федору Пригарѣ, да ему-жъ приказано дать чвертку жита женѣ..., которій сталъ у насъ въ Городищѣ робыть горѣлку въ винницѣ, и для отдачи той-же женѣ 20 к.

2. Надвечери прибыли къ намъ въ Перегонъ Федоръ самъ, а Александръ Корецкіе съ женою и съ ними попъ Алексій Хелкидоцкій.

3. Рано попріезжали въ домъ нашъ перегонскій Григоріева Скорупшина, Анастасія Шираевна, потомъ и мужъ ея, да Григорій Гамалѣя холопецкій съ женою, сотникъ погарскій Соболевскій съ женою и протчіе, а на остатокъ и вдовствующая Григоріева Гамалѣина съ Борщева, въ которыхъ присутствіи синъ нашъ Іванъ окрещенъ, а воспріемниками были Федоръ Корецкій и Анастасія Гри-

горіева Скоруппина; потомъ начали обѣдать, а между обѣдомъ пріехала бунчучная енеральная Галецкая и другіе погарцы, которые долго позабавившись въ ночь и повечерявши, розехались.

4. Сего числа отобѣдавши у насъ бунчучная, Скорупна съ женою и Корецкій, розехались по домамъ, и я занемогъ на катарь и кашель.

5. Привезено съ Стародуба отъ Карпа котляра новые три трубы, въ которыхъ вѣсу 16 фунтовъ.

7. Федору Корецкому сынъ родился и названъ Василіемъ; онъ-же крещенъ 13 дня сего мѣсяца.

6, 7, 8, 9 и 10 продолжалась болѣзнь моя съ немалымъ кашлемъ, чего для никуда съ дому не бывалъ.

11. Прибылъ жолдакъ съ указомъ изъ Глухова, чтобъ мнѣ туда ехать для дѣла съ Соколовскимъ, но на оный указъ учинено отъ мене отвѣтное доношеніе.

12. Съ онымъ доношеніемъ тотъ жолдакъ отехалъ, а староста нашъ прибылъ съ Лотоковъ и привезъ денегъ за медъ доправленныхъ 3 р., да провіантовыхъ 5 р. 80 к.

13. Отправленъ Грицко въ Глуховъ 14 дня для пріуготовленя тамъ меду и пива, которому дано 8 р. 10 к., и чрезъ него-жъ писалъ до Івапа Гамаліи, до Федора Ширая, до Липина, до Федора Чуйкевича, до Василя сина и до Іосифа племѣнника, и посланъ туда-жъ дзигарокъ Александра Корецкого.

14. Отправленъ Стефанъ Каврайскій въ Курковичи и въ Симіоновку за солодомъ на пиво и за протчими нуждами, чрезъ котораго посланы 2 писма: 1, до Семена Іванова Пустоты, 2, до дозорци Роиского дворецкого, чтобъ позволено подрядить въ Карповичахъ сто конъ драпѣ.

15. Получилъ писма съ Глухова чрезъ атамана компанѣйского полку чосникового Василя Соколовского, уволенного уже отъ службы компанѣйской, за которымъ писано отъ мене до есаула іхъ полкового Семена Іосифова, чтобъ его заслуженное все сполна было ему отдано.

16. Отправленъ староста перегонскій въ Стародубъ для вареня пива и за другими домашными потребами, которому между протчимъ велѣлъ въ Случку отобрать 2 р. 73 к. денегъ и держать въ росходъ въ Стародубѣ на що надобно.

17. Винникамъ заплату учинилъ за 20 становъ на Василювцѣ и за 15 въ Городищѣ вироблепныхъ куриломъ и дано ему за все 2 р. 10 к., да новому виннику, на Василювцѣ работаючому, Івану Столярову за 10 становъ 60 копѣекъ. Писалъ къ Іосифу племѣнникову въ Глуховъ о розсиченю меду и о пивѣ въ ліодъ, и оное писмо отправлено чрезъ Чаусы въ Новгородокъ при писмѣ къ атаману новгородскому для отсылки въ Глуховъ. Привезено зъ Глухова три осмачки солоду, купленного въ Симіоновцѣ. Рахованъ Іосифъ Ноздра въ хлѣбѣ имѣючомся на его рукахъ, которого еще на немъ довелось, зъ скопщиною 1741 и 1742 годовъ, 70 осмачокъ, одна чвертка и четверушка жита, осмачокъ-же 30 зъ чверткою имѣлъ теперь отдать, а на 40 осмачокъ дать облѣкгъ, что имѣетъ отдати сего году въ сентевріи мѣсяци.

18. Писалъ въ Глуховъ до г. Скоропадского за Вовдею Василихою Сластіонискою, а до Іосифа племѣнника объ ней-же и о меду и пивѣ, якъ и вчора, да до сотника шептаковского Манковского о козаку кистерскомъ Мартину Самсонову, которому позичены и 3 р. денегъ до Тройци, и взялъ у него-жъ облѣкгъ.

19. Получилъ писма зъ Глухова чрезъ Скрипова, служителя Івана Гамалія юдиновского; да у мене-жъ, зъ Глухова ѣдучи, былъ прикажчикъ села, почеповского уѣзду, Лизогубовки, Симоновъ. Противъ сего числа почю превеликая пришла вода на греблю нашу городискую и сего дня весь день великая вода безперерывно на всѣ ставы шла. Кравець изъ Стародуба присланъ и покроилъ куптушъ зеленый канавацовый, а туда отправленъ Василь за разными потребами.

20. Ничего не случилось.

21. Принималъ лѣкарство. Староста возвратился зъ Стародуба, нѣчого тамъ не справивши.

22. Приездилъ жолдакъ Семенъ Галушка зъ указомъ, чтобъ я ѣхалъ въ Глуховъ, чрезъ которого отписалъ, что ехать за болѣзнію не могу, и того-жъ жолдака отправивъ, заплатилъ ему прогонныхъ денегъ 1 р. и на дорогу даны 40 к. Войтъ возвратился отъ возки бервена, за которое на заплату дано ему денегъ 1 р. 90 к. Иванъ Ханенко слѣпый, обозного полкового кіевского Федора Ханенка синъ, а мой братъ, прибылъ къ намъ, которого жена Івана Ханенка слѣпого, Стефанида Солониновна умре сего году февраля 13.

23. За Дмитра Шебеду, господаря нашего василювского, подданному волости ропской, жителю будницкому Василю Кручлину заплатили мы долгу его 1 р. 70 к., а передъ симъ ему-жъ Шебедѣ дано 1 р. 50 к.

24. Зварено пиво въ Погарѣ зъ солоду семіоновского и привезено двѣ бочки и бочку квасу и поставлено въ ледовнѣ въ дворѣ перегонскомъ.

25. Привезенъ и медъ разсиченный въ Погарѣ. Отправленъ кравець Никифоръ и мамка Ганка, которымъ дано—кравцю 60 к., мамцѣ 40 к. Посланъ поездъ по Василка въ Глуховъ 4 конѣ и протчее и дано на дорогу для коней 15 к.; да посланы-жъ писма до г. Скоропадского, до Василка и до Іосифа. Kavrajski castigatur.

26. Сего числа ввечеру жестокая припала была мнѣ колика и продолжалась до полуночи, чего для въ церкви на всенощной быть не могъ. Проехалъ днемъ Федоръ Ширай зъ Глухова чрезъ Гринювку, а ночью прибылъ зъ Городища судія полковый Павелъ Скоруппа.

27. Въ сей день Въѣханія Господня по отправленной службѣ Божіей въ Городищѣ обѣдалъ у мене Павелъ Скоруппа, а потомъ отехалъ до Гринева. Надвечери женщина зъ Городища, Ничипора Семенцова жена, пришедъ въ дворъ мой перегонскій, галасовала и за то по чести наказана.

28. Отправлены писма въ Мглинъ до сотника Лисаневича стороны балясъ, чтобъ припомянулъ Максиму Турковскому и о птушкахъ, такожъ объ отсилки писма моего до Василя Гудовича зъ писмомъ къ нему-жъ отъ Федора Чуйкевича, где и сторони желѣза къ нему Гудовичу писано. Дана квитація Никону Вербіцкому, которій былъ командиромъ надъ 24 компанѣйцями полку старого чешиковского, стоявшими въ моихъ деревняхъ, что отъ нихъ жадной обиды нашимъ людямъ не показано.

29. Взятъ облѣкъ у Осипа Ноздры на 40 осмачокъ жита, должного намъ отъ него, что имѣетъ оное отдать сего году въ септевріи мѣсяцѣ, а теперь еще надлежитъ у него отобрать 25% осмачки.

30. Синъ Василь и племѣнникъ Іосифъ пріехали зъ Глухова.

31. Сего числа въ четвертокъ, по благости Божіей, удостоилъся исповѣдь имѣти и причащатися Святымъ Тайнамъ.

Апрель.

1. Виннику лотоковскому Гришку за 21 станъ горѣлки вироблепной заплачено 1 р. 26 к.; въ томъ числѣ зачтено 20 к. тіе, что чрезъ старосту для жены его было дано. Мамкою быть сину нашему Івану приговорена Федоска Товкачиха и дано для ея дѣтей корову, такожъ пшона и чвертку жита, а еще давать ей въ годъ 3 р. и чвертку жита.

2. Чубенокъ кушнѣръ и Гришко стелмахъ отпущены въ Стародубъ, которымъ за роботу дано Чубенку 40, а стелмаху 20 к., и на томъ-же Гришку стелмаху денегъ нашихъ 70 к. имѣется. Зъ Лотоковъ войтъ Федоръ Фурсовъ принесъ оробковъ 16 и глушаковъ (глухарей) 2.

3. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня праздникъ сынъ мой Василь и другіе малые дѣти причащались въ церквѣ городецкой. Вечеромъ пріездила къ намъ Евдокія Бороздиянка, Григоріева Гамаліина, поздравляючи зъ праздникомъ, и звала къ себѣ въ Борщевъ къ завтрему. Въ вечеру-жъ привезъ ко мнѣ изъ енеральной канцеляріи два указы полку стародубовского чесникового компанѣецъ Яковъ Юркевичъ 1) по челобитю Соколовскаго о прибытіи моемъ до Глухова на 12 число сего апріля, 2) по коммисіи переводу и своду книгъ правныхъ.

4. Въ пріемѣ тихъ указовъ и что по онымъ исполненіе учинено будетъ, дана тому-жъ компанѣйцу росписка и оный отправленъ. Мы рано отехали въ Борщевъ и тамъ, выслушавши обѣдни и по отправленной процессіи, кушали обѣдъ у Григоріиной Гамаліиной, а потомъ прибыли въ Перегонъ, где приходили къ намъ деревень нашихъ войти и мужики зъ праздничнымъ поздравленіемъ.

5) Писалъ писма въ Козелецъ 1) до госпожи Розумовской, 2) до дядка Федора Ханенка, 3) до обознаго полкового Алексія Подвисоцкого, 4) до отца брата, 5) до Янушкевича въ Чернѣговѣ, 6(до старости товкачовского Паленского и зъ онымъ отправленъ племѣнникъ Іосифъ, которому на свободный пропускъ и пашпортъ данъ. Попы и причетники церковные, тако-жъ козаки городецкіе были у насъ зъ празничнымъ поздравленіемъ. Сего числа господарь, на футорѣ Василіовцѣ бывшій, Дмитро Шебеда зъ женою и дѣтми, уполъ, раковню горѣлки выпивши и пчолы пододравши, да и винника зъ собою увелъ.

6. Племѣнникъ Іосифъ, съ помянутыми письмами отправленный до Козелця, отехалъ съ приданнымъ ему козакомъ съ Лукина, которому даны на дорогу конь и 50 копѣекъ.

7. Привезла Федориха дячиха съ Курковичъ килимъ новый, за который за роботу и цвѣты заплачено ей 1 р. 10 к.

8. Писаны письма о брату Івану Ханенку до отца его, а моему дядкѣ, чтобъ ему опредѣлилъ селце Бобрикъ, до обозного Подвисоцкого и асаула Шума, до войта съ громадою села Бобрика и до Мандрики сотника Кобизкого о дворѣ его жиломъ.

9. Братъ Іванъ Ханенко отехалъ къ своему дому, которому даны 6 р., медвѣдня и опанча старая. Сего-жъ числа даны 3 р. старостѣ перегонскому за службу его сегогодную, а передъ симъ за него-жъ перенялись мы Федору Пригарѣ, дяку лотоковскому, 3 р. Въ ввечеру ушолъ Каврайскій невѣдомо для чого.

10. Оставлены въ домѣ громадскихъ денегъ курковскихъ и лотоковскихъ 23 р. для громадскихъ-же росплатокъ. Заплачено винныку городецкому за 12 становъ виробленныхъ въ тамошней винницѣ. Посланъ Іванъ съ Кизенкомъ и Халимоненкомъ въ Кистеръ свѣдительствовать тамошнего козака Мартина Самсонова, которому обѣщали визичить 50 р., а уже дали 25 р. Василковѣ, сину нашему, продавилась болячка и много матеріи вишло.

11. Рано віехалъ съ дому перегонского и попасовалъ противъ Ковпинки, а потомъ въ 4 часу по полудни прибылъ въ Новгородокъ, где былъ у мене сотникъ съ урядомъ, а потомъ и намѣстникъ съ монастыря, отецъ Авксептій.

12. Были у мене Стефанъ жолдакъ муровщикъ и Тарасъ цегелникъ, съ которыми чиненъ о ихъ работѣ рощотъ, а по рощотѣ постановили ехать имъ обоимъ на роботу въ Городище сего февраля 20 дня, о чемъ и къ женѣ писалъ чрезъ отправленного туда-жъ пикляра, которому въ задатокъ и даны 40 к. Съ Гойскою подрядилься на 15 четвертей вапны по 20 к. и данъ ей въ задатокъ 1 р. При віездѣ моемъ съ Новгородка былъ у мене сотникъ, я же верхи заездилъ въ монастырь и видѣлься съ архимандритомъ Варлавою; потомъ отехавъ перевозилься чрезъ Десну болѣе двохъ часовъ и съ Пироговки отправилъ письмо къ атаману воронежскому Кирилу Слабѣю, включивъ письмо-жъ до Федора Чуйкевича, чтобъ оное отправилъ въ Грузкую. Таже при немаломъ дожчѣ принужденъ остано-

вится въ Богдановцѣ попасовать коней; а потомъ на силу доехалъ въ нѣсколко часовъ ночи до Гамалѣевского монастыря и тутъ на конюшенномъ дворѣ ночовалъ.

13. Рано видѣлъся зъ отцемъ архимандритомъ Софроніемъ Мігалевичемъ и у него чай пилъ; потомъ ходили зъ нимъ въ церковь и розговоръ имѣли о спорныхъ зъ Товкачовкою ихъ маетностей Дѣвицъ грунтахъ и розграниченіе тихъ грунтовъ чрезъ Ивана Даровского, господаря гетмана Скоропадского, чиненное видѣлъ и читалъ, въ которомъ ничего о княжихъ ланахъ не упоминается; оттоль-же въ въ 8 часу по полуночи ѣехавши, прибылъ въ Глуховъ въ 1 часу по полудни, въ домъ свой бѣлополовскій.—Theodorovicz avestatur. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского и Валкевича и уже почю отъ нихъ пріехалъ.

14. Рано былъ у енерала и имѣлъ розговоръ о дѣлѣ Соколовского, где видѣлся и зъ отцемъ ігуменомъ глуховскимъ Никифоромъ Грибовскимъ, которій мнѣ сказовалъ, какъ оный Соколовскій публично въ канцеляріи мене безчестилъ въ суботу вербную; былъ-же я и въ генералной канцелярін, где видѣлъся зъ полковникомъ Тютчевымъ, судіею Лисенкомъ, писаремъ Безбородкомъ, сотникомъ глуховскимъ Турянскимъ и Матвѣемъ Холодовичемъ; потомъ пріехавъ въ домъ, обѣдалъ зъ канцеляристомъ Закровецкимъ и Иліею Квѣтницкимъ, и весь день въ домѣ былъ безотлучно.

15. Поутру ездилъ къ брегадиру Іллину и полковнику Тютчеву, потомъ былъ и у подполковника Лодижинскаго. Послѣ обѣда писалъ къ старостѣ товкачовскому Паленскому противъ его писма о пріуготовленіи въ дорогу кримскую, о бывшомъ сторожу Алексѣ и о протчемъ, и посланы чрезъ подводчика товкачовского и чрезъ Прокопа Дмитренка пятеро коней нашихъ, 3 буланыхъ, да панюшкинъ и куцій; писалъ-же и о висилкѣ сюда Качановского. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского и у Алексія Федоровича Семенова.

16. Былъ въ городѣ рано и слушалъ обѣдни въ церкви св. Анастасіи. Обѣдалъ со мною інформаторъ Юнгансъ, а надвечери былъ Квитнѣцкій.

17. Посилалъ зъ писмомъ до Якова Марковича сторони тесли Івашки и отвѣтъ получилъ, такожъ прислалъ опъ табакерку мою, которую я посилалъ къ нему въ Москву. Обѣдалъ у мене Стефанъ

Савіцкій, писарь старый полковый лубенскій, а послѣ того былъ у мене-жъ судія енеральный г. Лисенко.

18. При писмѣ отъ войта нѣжинского Петра Стеріевича Тарнавіота прислалъ Романъ Яненко глуховскій двѣ барилци вина бѣлого и судацкого. Сей день весь былъ въ домѣ, какъ ради слабости моей, въ сію ночь приключившейся чрезъ колотье въ правомъ боку, яко и для прежестокой непогоды и студеной сліоти во всѣ дни, а найпаче сее ночи и сего дня безпереривно продолжавшейся. Въ вечеру поздно пріехалъ ко мнѣ Федоръ Чуйкевичъ и у мене-жъ ночовалъ.

19. Оный-же Федоръ Чуйкевичъ и Ілія Квитницкій со мною обѣдали, а по обѣдѣ приходилъ ко мнѣ поручикъ Евдокимъ Алексіевъ Кишинскій, отправляючійся въ полкъ стародубовскій для завѣдованія описными и свободными маетностями, съ тѣмъ обявленіемъ, что и въ деревняхъ въ Куровѣ и Чубаревѣ и въ Лотокахъ, для описѣ мужиковъ и грунтовъ, онъ быть имѣетъ. Я сегодня принималъ species, одъ доктора Бока присланное.

20. Оный-же поручикъ Кишинскій рано у мене былъ и розговоровалъ о томъ-же дѣлѣ. Писаны писма къ женѣ о нѣкоторыхъ домовыхъ дѣлахъ и что дѣлать—меморіалъ посланъ, тако-жъ до сина Василя о поѣздкѣ его къ Глухову, и включены тѣ писма къ сотнику для отсилки одтоль до Перегону.

21. Оные писма отправлены въ Новгородокъ козакомъ глуховскимъ. Сего числа рано прибылъ швагеръ мой Іванъ Гамалія и сталъ квартерою въ моемъ домѣ.

22. Взяты у сидѣлца въ коморахъ (лавкахъ) нашихъ Ермолая Васильева перчатки за 80 к. и чаю полфунта за 40 к.

23. Отъ протедшого 17 числа первой разъ віехалъ зъ двора и былъ у генерала, а обѣдали въ домѣ; послѣ-же обѣда были у обозного енералного г. Лизогуба. Антоній музикантъ прибылъ въ Глуховъ. Івану Андріевичу Гамаліи подарилъ я книгу печатныхъ указовъ імператора Петра 1-го, съ 1714 по 1722 годъ состоявшыхся.

24. Пріехалъ зъ дому Стефанъ Каврайскій отъ жены зъ писмомъ.

25. Ради воспоминанія коронаціи ея імператорскаго величества было, послѣ службы Божой и казаня (проповѣди), отцемъ Никифоромъ Грибовскимъ, ігуменомъ монастыря Петропавловского глу-

ховского говоренного, соборное молебствіе зъ пушечною палбою, а потомъ былъ банкетъ въ домѣ генералскомъ, но на ономъ генералъ не присутствовалъ за болѣзнію. 25 сего-жъ числа веселье было дочерѣ покойного отца Мойсея Богаевского зъ пѣвчымъ государевымъ Гавриломъ Головнею.

26. Отецъ архимандритъ гамаліевскій Софроній Мигалевичъ посѣщалъ мене въ домѣ моемъ и вручилъ мнѣ копію розграниченья между ихъ маетностями—Великою и Малою Дѣвицями и селомъ Товкачовкою, въ полку прилуцкомъ 1715 году октоврія 14 дня чиненного гетмана Скоропадского господаремъ Іваномъ Даровскимъ. Сего-жъ числа отправленъ обратно Каврайскій въ домъ къ женѣ зъ писмомъ и чрезъ него послалъ по-троху чаю доброго и худшого зеленого и щоты костяніе.

27. Послѣ полдня зъ дожчемъ былъ весма великій градъ, болше голубиного яйца, и сего-жъ дня даже до вечера просидѣлъ у мене Данило Карпѣка, да и докторъ Бокъ мене-жъ болного посѣщалъ, а ввечеру прислалъ лѣкарства спеціесъ и пѣгулки.

28. Оные пігулки и спеціесъ принималъ я и весь день изъ избы никуда не виходилъ, а у Івана Гамалія Іванъ медведовскій Бороздна обѣдалъ и долго забавлялъся. На лой и сталь до млина кочерезкого даны 10 к.

29. Присланъ канцеляристъ изъ суда енералного, чтобъ мнѣ явится въ судъ по дѣлу Соколовского, Андрей Мефедовскій, и посѣщали мене-жъ інформаторъ Юнсансъ и Федоръ Чуйкевичъ. Поданы челобитные 2 па Соколовского и на членовъ, по его дѣлу въ судѣ засѣдающыхъ, и опые вручены Руновскому, писару полтавскому, для докладу самому енералу.

30. Посѣщалъ мене знову докторъ Бокъ. Принята еще часть огорода мѣщанина глуховского Почепця, за которую землю и за прежнюю поступили ему платить въ годъ 1 р 50 к. Молодому Троцинскому позичена кулбака молодецкая.

Маій.

1. Сидѣлцу въ нашихъ коморахъ, Ермолаю Василіеву тулянину даны за рукою моею двѣ карты: 1) о коморахъ, чтобъ за оные мимо насъ жадного платежа не давано; 2) что у него-жъ Ермолая, зъ первыхъ числъ генваря сего году забрано сахаромъ, чаемъ и

перчатками на 3 р. 25 к. Племѣнникъ Іосифъ прибылъ и зъ нимъ Качановскій, которіе и о томъ доносили, что конь буланый, названный пѣвень, не доведенъ до Товкачовки, здохъ на дорогѣ. Обѣдали у насъ Данило Карпѣка, Стефанъ Савіцкій и Іосифъ Гамалѣя, а Іванъ Андріевичъ Гамалѣя [212]) былъ зъ протчими на крестинахъ у полковника и коменданта глуховского Делятура.

2. Отправлены двѣ письмѣ въ домъ: 1) до жены, 2) до сина Василя о скоромъ прибытіи его одтоль сюда до Глухова.

3. Слушаны мои челобитные передъ енераломъ, а въ судѣ опредѣленіе якоесь учинено о сочиненіи екстракта. Припималъ я знову пропосные нѣгулки. Писалъ къ брату отцу Івану въ Козелецъ и до старосты товкачовского о разныхъ тамошнего господарства дѣлахъ.

4. Качановскій зъ Іваномъ Григоровичемъ отехали къ Товкачовцѣ, а оттоль имѣетъ Григоровичъ отехать до Лохвицѣ, куда на свободный пропускъ зъ оборотомъ пашпортъ, а что тамъ въ Лохвицѣ и Луцѣ справовать имѣетъ, меморіалъ ему-жъ отъ мене даны. Г. Скоропадскій посѣщалъ мене и совѣтувалъ побывать у генерала.

5. Рано былъ я у генерала и говорилъ сторони моихъ челобитенъ, потомъ былъ въ коммисіи переводу и своду книгъ правныхъ. Вечеромъ былъ у г. Скоропадского. Былъ у мене обозный полковый чернѣговскій Молявка.

6. Ездилъ въ коммиссію своду и просидѣлъ тамъ до полудни и предъ обѣдомъ былъ у насъ подполковникъ Федоровичъ Алексій Семеновъ. Пріехали зъ Луки Гаврило Емченко и Остапъ Запорожець зъ писмами и подали вѣдомость, сколко хлѣба приходного зъ млина лучанского на лице имѣется.

7. Писаны писма къ сотнику лохвицкому о дѣлѣ Остапа Никитенка зъ Котовою, до попа лучанского Федора Андріева о лѣсѣ и о томъ-же и о де-чомъ другомъ до Івана Григоровича. Послѣ полудня прибылъ зъ Перегону синъ Василь и привезъ денегъ 18 р. Рано были у мене обозный Алексій Подвисоцкій и асаулъ Шумъ полковый кіевскій.

8. Писалъ къ женѣ о домовыхъ дѣлахъ и отправилъ Леска въ домъ, чрезъ которого и де-которая посуда и полотенъ 3 штуки,

---

[212]) См. Примѣчаніе.

такожъ коляска и два возки, отправлены. Послѣ обѣда были у мене г.г. енералные подскарбій Скоропадскій, писарь Безбородко и старій канцелярист Холодовичъ; потомъ ко мнѣ-жъ пріездилъ полковникъ прилуцкій Григорій Галаганъ.

9. Былъ у мене рано Семенъ Чуйкевичъ. Обѣдали у насъ Іванъ Бороздна медведовскій и Стефанъ Савіцкій, а по обѣдѣ ездили въ борокъ, а оттоль были у насъ Демянъ Рубецъ и писарь суда енералного Іванъ Пиковець. 9 числа пришла съ Клепалъ [213]) вѣдомость, что Івану Андріевичу Гамаліи дочь Елена родилась, которая крещена сего мѣсяца 15 числа. Воспріемниками были я съ воеводшою путивльскою, Анастасіею Александровною, Андрея Михайловича Леонтіева женою, да Іосифъ Гамалія съ тещею Івана Гамаліи, Маріею Зиновіевною Неплюевою [214]).

10. Полковникъ лубенскій, вчора прибывшій до Глухова, первый разъ былъ въ коммисіи книгъ правныхъ, а надвечери и я ему въ квартерѣ его визиту отдалъ.

11. Подскарбій енералный г. Скоропадскій отехалъ до Григоровки [215]) для свиданяся съ генераломъ-маіоромъ Кейзерлингомъ и для раздѣлки о пожиткахъ, оставшыхъ по дочерѣ его, бывшой за генераломъ-маіоромъ Ливеномъ. Отправленъ въ домъ при писмѣ къ женѣ пріездившій ко мнѣ, просячійся на староство, Лаврентій Козачинскій. Іванъ Андріевичъ Гамалѣя отехалъ до Клепалъ, отпущенный до 24 числа сего маія, а вечеромъ былъ у мене полковникъ лубенскій г. Апостолъ.

12. Въ сей день Вознесенія Господня послѣ службы Божой были у генерала, потомъ обѣдалъ у мене Петръ Ласкевичъ и Стефанъ Савіцкій, а послѣ обѣда ездилъ съ нимъ-же до подскарбія г. Постельникова.

13. Мѣщанину глуховскому Івану Мандзенку за 15 локоть штофу для жены и за 5 локоть сукна для Грицка Дмитренка, передъ симъ взятые, заплатилъ и отдалъ сину его 21 р. Писмо до жены, которое отправилъ былъ чрезъ Лаврентія Козачинского, но-

---

[213]) Путивльскаго уѣзда; Клепалы Ив. А. Гамалѣя получилъ въ приданое за первою женою Марьею Аненковою.

[214]) Но первому мужу Аненковою.

[215]) Конотопскаго уѣзда.

слалъ сего числа въ Новгородокъ чрезъ ундеръ-офицера гарнѣзону глуховского при писмѣ до сотника новгородского для отправы оттоль до Перегону.

14. На присланномъ отъ Гамаліи поездѣ отехалъ зъ Глухова и не доехавъ до села Холопкова, ось подъ коляскою зломалась, зачимъ принуждены медлѣть нѣсколько времени, а потомъ проехавъ село Віазіонку, за Клевеню попасали; оттоль-же проехавъ мимо Путивль и перевезлись чрезъ Сеймъ, прибыли до Клепалъ подъ часъ вечерній, где засталъ и тещу Івана Гамалія Марію Зиновіевну Неплюеву и Іосифа Гамалію.

15. Въ 12-мъ часу прибыли туда-жъ воевода путивльскій Андрей Михайловичъ Леонтіевъ и жена его Анастасія Александровна, такожъ помѣщикъ, недалеко отъ Клепалъ мешкаючій, Вощининъ зъ женою своею Уліаною Василіевною, и крестили новорожденную дочь г. Гамалія Елену, которая воспріемниками были: я зъ воеводшою, а Іосифъ Гамалѣя зъ Неплюевою; потомъ обѣдали и доволно гуляли. Кума моя воеводша дарила мене хусткою и кошелкомъ, а я си стіонжкою золотою, у г. Гамаліиной взятою. Оные-же гостѣ того-жъ дни и розехались.

16. Послѣ обѣда и я отехалъ зъ Клепалъ въ 3-мъ часу пополудни и проехавъ Віазіонку, ночовалъ въ Дубровѣ.

17. Прибылъ въ Глуховъ въ 8-мъ часу пополуночи и просидѣли долго въ коммисіи; потомъ отехавъ зъ полковникомъ лубенскимъ, у него обѣдалъ, а поездъ п. Яна Гамалѣи отпущенъ обратно. Послѣ полдня были у мене архимандритъ гамалѣевскій отецъ Софроній Мигалевичъ, ігуменъ рихловскій Мнемнонъ Бороздна и сотникъ мглинскій Василь Лисаневичъ. Г. Скоропадскій возвратилъся изъ Григоровки.

18. Писалъ къ Івану Гамалія и къ воеводѣ путивльскому Леонтіеву, благодарствуючи за компанію, имѣючуюсь въ Клепалахъ. Надвечери былъ я у г. Скоропадского и у полковника лубенского.

19. Писалъ къ женѣ о прибытіи си до Глухова, чрезъ козаковъ мглинскихъ.

20. Отдана штука полотна парусного наметнику для пришиванія полъ до намету, зъ такого-жъ полотна дѣланного. Канцелярістъ Богинскій объявлялъ мнѣ, что велѣно челобитную обратно отдать мнѣ, поданную отъ мене 29-го апріля.

21. Были на кушаню у писаря судового Івана Пиковця, ради именинъ жены его Елены, и доволно гуляли, где имѣлъ розговоръ изъ бригадиромъ и изъ полковникомъ Тютчевымъ, однакожъ въ домъ пріехалъ завременно.

22. Въ сей день святыя Пятидесятницы играна были зъ поздравленіемъ у генерала на министерскомъ дворѣ, потомъ заездили къ брегадиру. Обѣдни и другого набоженства слушали въ церкви святыхъ Анастасій, а послѣ обѣдни и весь день пробавили у писаря енералного Безбородка, ради крестинъ дочери его, новорожденной Александры, которой воспріемниками были ассесоръ Яковъ Івановичъ Денисовъ и подполковница Семенова.

23. Обѣдни слушали у церкви святого Іліи, а послѣ процессіи были у сотника глуховского Турянского зъ маіоромъ Туровымъ и капитаномъ Шараповымъ и протчими на водкѣ; потомъ обѣдали у мене писарь полтавскій Руновскій и старый лубенскій Савіцкій, и весь день пробылъ въ домѣ.

24. Получилъ писма зъ дому: первое, чрезъ Павла Скорупну, который и обѣдалъ у мене; другое чрезъ Павла Булахова, зъ присилкою барила оцту, сома цѣлого и двохъ книгъ и щотки, и его-жъ Булахова отпустилъ зъ отвѣтнымъ писмомъ. Сего числа ввечеру бѣжалъ кухаръ Яковъ Варшаковскій и снесъ сѣрую свиту, кожухъ, шапку, поясъ, двѣ пары кошуль и три ножи кухарскіе, да у господинѣ Ганны своровалъ рубашку.

25. Наметнику для покупки тесемъ до полъ къ памету данъ 1 р. Возвратилъся Дмитро поповичъ юдиновскій зъ Москви, посилланный туда отъ Івана Гамалія за справкою Клепалъ и другихъ деревень. Вечеромъ былъ у обозного енералного г. Лизогуба и на дворѣ купленномъ швагра Івана Гамаліи.

26. Прибылъ Іванъ Гамалія въ Глуховъ и сталъ на своемъ купленномъ дворѣ. Надвечери были у мене г. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ.

27. Ничего не случалось.

28. Передъ обѣдомъ пріехала жена.

29. Кушали у насъ обѣдъ г. Гамалія, молодій Скоропадскій, Далони Покорскій, Павелъ Скорупна, Стефанъ Савіцкій, сотникъ мглинскій Лисаневичъ и весь день забавлялись; потомъ прибыла